

Нина Тонких

ЛОВЦЫ СНОВ

Рассказы

АО «Воронежская областная типография»
Воронеж
2024

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4
Т 57

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Воронежской области*

Т 57 Нина Тонких.
ЛОВЦЫ СНОВ. Рассказы. – Воронеж: АО «Воронежская
областная типография», 2024. – 144 с.

Сборник художественных рассказов Нины Тонких «Ловцы снов» окажется настоящей находкой для любителей разнообразных литературных жанров. В нем представлены фантастика, юмор, реализм, сказка и даже хоррор.

Одно из главных достоинств книги – живое и интересное повествование. Описания и диалоги создают ощущение присутствия в происходящем.

Тема отношений и самопознания пронизывает все рассказы сборника. Автор показывает, как важно быть открытым для новых эмоций, опыта и понимания себя.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4420-1159-3

© Тонких Н.В., 2024

© Обложка – И.К. Вовчаренко,
Н.В. Тонких, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Ловцы Снов	4
Призрак Маша	13
Волшебные чеки	20
Сказочка про автомобильчик	40
Зима	43
Хомяк	52
Наследница	64
Запретный дом	92
Переулок Бауманский	103
Цыган	106
Театр кукол	139

ЛОВЦЫ СНОВ

Сыну Арсению

Случилось это около года назад, точную дату не помню, кажется, третьего или четвертого июля, а вернее, в ночь с третьего на четвертое. Да, кажется, так. Хотя... Хотя началось-то раньше, когда получила по электронке письмо со странным заголовком «Ловцы Снов».

Я подумала: опять спам какой-нибудь. Но поскольку в поле «Автор» не было всяческой абракадабры, процентов, параграфов, да даже точек и тире, – вообще поле это было пустым, – я, преодолев опасение подхватить вирус, открыла письмо.

Оно содержало следующий текст (кстати, должно еще висеть у меня на почте – дам почитать, если кому интересно):

«Глубокоуважаемая Анна Александровна! (Это я.) Всемирное Общество Ловцов Снов поздравляет Вас с вступлением в нашу организацию. Ваша кандидатура была избрана большинством голосов Общего Собрания. Надеемся на продуктивное участие в деятельности Общества. О Вашей задаче в рамках компетенции Общества будете проинформированы заранее, но не позднее, чем за три дня до фактического исполнения.

С уважением, председатель Совета Всемирного Общества Ловцов Снов Сигизмунд Штейльмейер».

Далее шли какие-то непонятные иероглифы, скорее всего, кодированный текст.

Вот тут-то я и обалдела: какой еще Зигмунд, то есть, что еще хлеще, Сигизмунд?! Что за Ловцы Снов?.. Секта, думаю, ну наверняка секта! Да еще и поздравляют! Вот спасибо, безумно рада! А откуда у них мой E-mail? Не иначе, рассылка

обычная, в базе данных взяли, в МТС, например. Ну, всё, всё понятно. Забыли...

Прошло около двух месяцев, а может, и больше, после получения этого письма. Благополучно забыв о нем, я продолжала заниматься обычными домашними делами и работой.

В один из дней на службе раздался звонок по домофону (у нас на уличной двери установлен домофон, дабы «фильтровывать» посетителей), и приятный женский голос спросил Анну Александровну.

– Это я, – ответила я.

– Вас беспокоят из Общества Ловцов Снов, – сообщил голос. – Можно войти?

– Ой... проходите... – Внутри задрожало: господи, точно секта, даже пронюхали, где работаю!..

На пороге появилась миловидная женщина лет сорока-сорока пяти, в длинном цветастом платье и с маленькой сумкой через плечо.

– Здравствуйте, Анна Александровна. Меня зовут Светлана (далее последовали отчество и фамилия, которые благополучно стерлись из памяти), я работаю в университете на кафедре зарубежной литературы.

– Зарубежной литературы? – вскинулась я. – У меня там бабушка завкафедрой (и назвала ее имя)!

– Да-да, имею честь знать, – кивнула улыбчивая гостья. – А еще я состою в Обществе Ловцов Снов, – добавила она.

– Это уже понятно, – выжидающе заметила я.

– Ну, не буду долго задерживать, ближе к делу. – Дама посерьезнела. – Мы обещали предупредить вас о вашей ЗАДАЧЕ заранее (слово «задача» мне сразу не понравилось). Так вот: через три дня состоится очередная Раздача Снов...

– Что-что состоится? – не удержалась я от легкой иронии.

– Очередная Раздача Снов. Да-да, только, пожалуйста, не удивляйтесь, сейчас всё объясню. Вам предстоит спасти Сон. Один или несколько, не знаю, уж как получится. Лично я не рекомендую гнаться на первых порах за количеством, одного вполне достаточно.

Сказать, что моему удивлению не было предела, – ничего не сказать. Я просто онемела и только растерянно хлопала глазами: «Конечно... достаточно одного... на первых-то порах...»

Гостья продолжила:

– Сны раздают Высшие Силы, с которыми мы не связаны и к которым не имеем никакого отношения. Они не на стороне Добра, не на стороне Зла, они лишь раздают сны, спуская их на землю. На земле сны попадают к детям, по одному на каждого ребенка. Но есть еще представители Темных сил, ворующие детские сны, еще не спустившиеся на землю. Они потом продают их, выдавая за алмазы или ртуть. («Ну, ясный перец, ртуть и алмазы ведь – практически одно и то же», – хмыкнула я.) И наша задача, задача Ловцов Снов, – не дать коварным ворам похитить сны...

Гостья на мгновение замолчала, а я спросила:

– Вы это серьезно?

– Вполне, – кивнула она. – Но если сомневаетесь в моей адекватности, вот справка (у нас у всех на такой случай имеются справки). – Порывшись в сумке, достала бумажку и протянула мне.

Я взяла, однако поскольку нервное состояние оставляло желать лучшего, строчки то прыгали перед глазами, то сливались в единое целое. Наконец обороты «не наблюдалась», «не выявлено» обрели четкость, а еще «проявились» некие круглые печати и штампик-факсимиле врача. Я вернула листок.

– Хорошо, допустим, вы правы, но почему тогда мой ребенок видит сны с рождения? Я в этом уверена, он даже смеется во сне или корчит рожицы. Не может же он делать это просто так!

– Абсолютно верно! С рождения ребенок видит сны, но это ваши сны, то есть сны мамы. Два года действует... гм... своего рода безвозмездная аренда маминого сна. Так бывает у всех детей, но спустя два года малыш утрачивает способность видеть сны. И, просыпаясь, говорит, что не помнит сон, естественно, не догадываясь, что его украли... Но я отвлекла вас от работы. Ждем в пятницу в десять часов вечера

в торговом центре. Вы должны явиться одна и действовать по ситуации.

– «По ситуации...» – пробормотала я. – А вы придете? Что я там без вас делать буду?..

Но гостья не ответила и уже закрывала за собой дверь, приговаривая:

– ...Сами... понять всё самой... по-другому нельзя...

Вот так и оставила меня один на один с весьма необычными новостями. Хотя сказать «необычными» – не сказать ничего! Того, что произошло, – включая странное письмо и не менее странный визит этой женщины, – уже оказалось достаточно, дабы стать самым незабываемым приключением в моей жизни. Нет, не то чтобы она, жизнь, была бледна и скучна, но вот сроду не находилось в ней места мистике, головокружительным виражам судьбы и прочим неожиданностям. И вдруг – на тебе! «Ловцы Снов»... Конечно, дико обуревали сомнения: куда-то идти, что-то делать (ловить сны – ха-ха, забавно!). И вообще, я дама взрослая, семейная, к чему мне впутываться в явно же сомнительную историю? Но...

Но, знаете ли, всегда считала своим маленьким недостатком любопытство... Правда, разве это недостаток? Ведь если подумать, в основном из-за него и совершается прогресс, развиваются наука, техника... В конце концов, благодаря любопытству сама тоже знаю много всего интересного. Да-да, ничего плохого в нем нет! И, опять же, любопытство подтолкнуло меня к Интернету. А где еще современному человеку найти информацию? Так вот: про Общество Ловцов Снов не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Как и про Сигизмунда Штейльмейера: «Результатов по запросу не найдено». Зато оказалось полно «результатов» про фильм по Стивену Кингу «Ловец снов» (естественно, «ужастику») и про амулет каких-то индейских племен, который делают из прутьев ивы и ниток для того, чтобы (ну да) ловить сны.

После поисков в Интернете я позвонила бабушке. Сюрприз: никакая Светлана у них на кафедре не работает; вроде

работала лет десять назад одна, но под описание моей визитерши она никак не подходила.

...До «часа X» оставалось три дня. И уже тогда я была почти уверена, что пойду. Ведь если не пойду, то не узнаю, в конце-то концов, что же это такое: невинный розыгрыш, сетевой маркетинг, развод на деньги, секта или... или что-то еще? Вот именно мысль про «что-то еще» не давала покоя, точно заноза: а вдруг это правда?.. Да нет, нет, не может быть!.. Но... Но ведь, не узнав, правда или нет, я буду мучиться всю жизнь. А по мне, уж лучше жалеть потом о том, что сделано, чем о том, что не сделано. И вообще, не надо бояться: встану и уйду, коль не понравится. Главное, не пить там, не есть, а то вдруг чего подсыпят...

За такими размышлениями и пролетели три дня. Вечером, оставив маленького сына на бабушку, я отправилась в торговый центр (называть в какой не буду – получится бесплатная реклама). За вход пришлось заплатить 250 рублей (уже началась выкачка денег – решила я). При входе грозного вида секьюрити поинтересовался: «Вы куда?» – «За Снами», – был гордый ответ, и, к удивлению, охранник незамедлительно меня пропустил.

В ярко освещенном вестибюле стояли несколько молодых людей и девушек в костюмах с бейджиками на груди. Они встречали гостей и сопровождали до «места X». Ко мне подошла невысокая блондинка: «Здравствуйте, позвольте проводить вас». Поднялись в лифте на последний этаж, двери открылись, и мы ступили в зал. Зал тоже был ярко-ярко освещен, в дальнем конце его возвышалась сцена, кругом столы, накрытые белыми скатертями и сервированные красивыми приборами. Туда-сюда сновали официанты, принося и унося блюда. Народу много, полный зал. Меня проводили к нише в стене, где стоял столик на три человека, и я присела на мягкий диванчик.

Моими визави оказались два парня в брюках и футболках, и кажется, они были знакомы.

– А почему вы ничего не заказываете? – попытался завести беседу тот, что справа.

– Я ничего не хочу, – отрезала я, всем своим видом давая понять, что общаться не желаю. Из моего «убежища» было удобно рассматривать публику. Люди в основном среднего возраста и одеты по-разному: кто в вечерних платьях, а кто, как я, в джинсах. Разговаривают, смеются, будто не по «делу» явились, а так – покушать-поболтать.

Минут через тридцать-сорок (точно не помню) в зале вдруг погас свет, зато зажегся на сцене, и к рампе вышла девушка с микрофоном.

– Здравствуйте, дамы и господа! Рада объявить вам о скором начале события, ради которого мы собрались. Мы ждали его долгих два года, и наконец-то оно случится! Уже через полчаса начнется... раздача Снов! (Жиденькие аплодисменты.) Все пойманные на нашем торжественном мероприятии Сны становятся вашей собственностью, и с того момента, как они окажутся у вас в руках, вы сможете распоряжаться ими по своему усмотрению. (Опять одиночные хлопки.) Сегодня здесь присутствуют серьезные коллекционеры Снов, позвольте представить одного из них... Прошу, господин Подьячков, покажитесь публике! – В центре зала привстал грузный пожилой человек в очках и с бабочкой. – В коллекции господина Подьячкова более двухсот тридцати Снов (еще хилые аплодисментики); он является участником наших мероприятий с 1999 года. Сначала занимался простой продажей Снов, а позже, скопив солидный капитал и открыв сеть ресторанов, стал их коллекционировать. В его коллекцию попадают только самые яркие и чистые Сны!..

Я удивленно слушала и, кажется, уже верила: то, что говорила Светлана, – правда.

– ...Второй коллекционер, пришедший на наш вечер, предпочел остаться инкогнито! – продолжала ведущая.

В зале поднялся галдеж, но смеха слышно не было. А я подумала, что хорошо было бы взять этого господина Подьяч-

кова и как следует потрясти – так, чтобы упали с его носа дорогие круглые очки и вывалились из него замечательные «коллекционные» Сны да отправились сниться детям и взрослым...

– Внимание, дамы и господа! Начинаем обратный отсчет: «Три!..»

Почтенная публика вскочила из-за столов и, суется и толкаясь, прямо в обуви, полезла на белые скатерти. Парни, сидевшие со мной, уже стояли на столе, когда я последовала их примеру. Едва прозвучало «Два!», я протиснулась в центр стола. И все в зале взгромоздились на столы; сцена вмиг погасла, зато столы осветились. Томительное ожидание... Казалось, что время остановилось... «Один!!!» – прокричала ведущая почти в полной тишине...

Всё, случившееся до этого момента, походило на какое-нибудь подпольное казино: таинственность, торжественность, элитарность происходящего, ощущение избранности и причастности к чему-то запретному и... не очень хорошему.

То же, что началось потом, скорее смахивало на распродажи в американских супермаркетах, как их показывают по телевизору: с беготней, драками, хватанием всего, что попало под руку, падениями и прорывами к кассе.

В общем, слово «один» подействовало на народ как команда «Фас» на дрессированную собаку – все куда-то кинулись. Шум, гам, крики, лица моих визави исказили хищные гримасы, глаза загорелись алчным огнем, а тела напряглись, будто перед прыжком. И вдруг...

И вдруг я увидела необыкновенную картину: медленно стекающие по воздуху сверкающие капли ртути. Они точно опускались с потолка на пол. И именно эти капли начали все ловить, подставляя ладони, тарелки, чашки. Многие отпиливали друг друга, иные даже отбирали пойманные капли у тех, кто слабее. Некоторые из капель, уже в руках, твердели, превращаясь в алмазы; другие так и оставались жидкими. Стекающие Сны были необыкновенно чарующим зрелищем,

я так засмотрелась на них, что почти не замечала воплей, ругани, борьбы и потасовок вокруг меня.

К тому же воздух наполнили на диво чистые ароматы снега и весенней капли, ванили и корицы, яблок и земляники. Ароматы были такими пьянящими, что начала кружиться голова...

Я, словно замороженная, стояла посреди стола и точно знала, что делать дальше. Дальше Я БУДУ ЛОВИТЬ СНЫ... Молодые люди на моем столе дрались, каждый пытаясь скинуть противника на пол. Одному в конце концов это удалось. Победенный полежал некоторое время на ковре, потом с трудом поднялся и, пошатываясь, поплелся к выходу. А победитель высоко подпрыгнул и успел поймать небольшой, но удивительно красиво переливающийся, почти уже затвердевший алмаз. Схватив его, он соскочил со стола и, рванув к выходу, втиснулся в лифт. Люди же вокруг все были заняты своим; казалось, что каждый сейчас находится не здесь, вместе с остальными, а где-то далеко-далеко, целиком поглощенный своей целью и не обращающий ни на кого внимания.

Я резко спрыгнула со стола и тоже побежала к лифту. Он был закрыт, я отшагнула назад и бросилась на закрытые двери. Они не раскрылись, но я проскочила сквозь них и... повисла в воздухе в шахте лифта. И, между прочим, меня это нисколько не удивило, даже наоборот – я ЗНАЛА, что именно так и будет.

Внутри царил полумрак, горели тусклые желтые лампочки. И вдруг стены стали прозрачными, а вокруг много-много лифтов и таких же, как я, парящих в шахтах людей, которых видела до этого в зале. Да-да, как и я, они зависали в воздухе! Некоторые приветственно махали руками; я тоже подняла руку. Не знаю, может, и не надо было, но для уверенности еще и перебирала ногами, чтобы удержаться в воздухе, как в воде.

Но тут стены опять сделались непрозрачными, а лифт оказался уже надо мной. Однако я ничуть не испугалась. Я... увидела вытекающие из днища лифта капли. И это был... Да-да, это был ОН... Тот самый украденный Сон, который,

казалось, уже превращался в алмаз... Yes!.. Я сумела остановить вора и поймать Сон! Я стала Ловцом Снов! Сон стекал тоненькими струйками, и я подставила ладони, стараясь поймать его и не растерять ни единой капли...

И вдруг...

И вдруг я услышала крик. Детский крик и плач. Могу поклясться, что это был плач моего ребенка! И теперь я точно знала, чей Сон у меня в руках, – моего сына! Капли же, упавшие в ладони, мгновенно слились воедино и превратились в красивый прозрачный камень, сверкающий даже при тусклом свете бежевых ламп.

Я спрятала Сон в карман, сотворила резкий кульбит в воздухе и... выскочила из шахты лифта. Оказалось, что я на первом этаже. Не оборачиваясь и не пытаясь больше увидеть или сделать что-либо еще, торопливо вышла из торгового центра.

Уже всюду светило солнце (невероятно быстро пролетело время!). Скорее, скорее домой! – поспешила на маршрутку. Сунула руку в карман – Сна там не было. С надеждой подумала: «Наверное, уже у Сёмочки».

Когда вернулась, сын еще спал. По словам бабушки, ночью, часа в четыре, он внезапно громко заплакал, но потом снова быстро уснул. Я поправила ему одеяльце: «Спи, сынок, спи. Мама всегда будет беречь твой сон!..»

На следующий день я отправилась купить себе что-нибудь новенькое, тем более что везде шли распродажи. Зайдя в один из магазинов (причем обычно я редко в него захожу, ничего стоящего в нем сроду не было), буквально наткнулась на ярко-оранжевую футболку с броским рисунком на груди. К моему величайшему изумлению, на рисунке был изображен мистический амулет «Ловец Снов», весь в блестящих и обрамленный надписью «I'm Dreamcatcher». Удивление мое было беспредельно! Господи, вот так совпадение! Хотя... Хотя совпадение ли?..

И я поняла, что это ещё далеко не «всё»...

ПРИЗРАК МАША

Я работаю в музее. Ну, так получилось. Когда знакомые узнают, что я со своим бухгалтерским опытом устроилась в музей, страшно удивляются. Я же про себя думаю: «Да рассказать вам, ЧТО это за работа, обзавидовались бы!» А работенка действительно отличная: выполняешь поручения начальства, отвечаешь на звонки, посетителей встречаешь, следишь за порядком, а между делом не возбраняется музыку послушать, порисовать, разговоры поговорить... И люди тут сплошь интересные, в городе нашем знаменитые – сплошь краеведы да искусствоведы. В общем, не служба, а золото! Вот только про зарплату не спрашивайте – всё равно не отвечу.

И место занятное: маленький такой особнячок в самом центре города, словно затерявшийся между современными высотками и явившийся в наш мир суеты и скорости из какой-то совершенно иной, тихой-тихой, совершенно несуетной эпохи... Века он восемнадцатого, вроде бы середины, не такой уж, разумеется, и древний в сравнении с какими-нибудь пирамидами, но для нашего городка здание очень старое, и непонятно, как оно вообще сохранилось в Великую Отечественную. Разве только чудом. И сохранилось, скажу прямо, относительно неплохо, плюс разок-другой его подреставрировали. Хотя не слишком усердно: фундамент просел, подвал сыроват, стены в трещинах, но стоит ведь! И наверняка простоит еще долго, если, конечно, никакая добрая душа не позарится на территорию – любят у нас центр дурацкими высотками да гипермаркетами застраивать. А особнячок мой – милое дело – «наблюдает» себе за всяческими перипетиями муниципального бытия. Строил его в свое время ку-

печ, и для жизни он был приспособлен неплохо, да и сейчас довольно удобен: три просторные комнаты, две маленькие (кухонька и каморка с диваном для ночных сторожей), туалет, коридор, подвал и чердак – песня, мне бы такой!..

Но – ближе к делу. Случилась недавно небольшая неприятность: заболел один сторож, а другой (их двое, спят поочередно) уехал в деревню, и телефон его оказался недоступен. Уборщица, которая могла бы их подменить, была в отпуске, а директору сторожить вроде и не по чину. Делать нечего, предложила свою кандидатуру сама. А что тут такого? Подумаешь – ночку тут переспать. Тем более живу недалеко. Книжку читаю, в Нэте посижу, чайку поплюю и – баиньки. Боязно немного одной, но ворота во дворе закрываются, калитка тоже надежная, а во дворе – Трезор, собака добрая, только уж больно кусачая (прецеденты имелись). К тому же телефон под рукой: позвоню мужу, ежели что. Он было со мной наострился, да сынок у нас маленький, сюда брать неудобно – положить негде, ну и вообще: карапуза покормить, помыть надо, а в музее для этого не очень-то подходящие условия.

Так вот, взяв кое-какую еду и постельное белье, я отправилась «в ночное». Закрыла ворота; проверила, точно ли закрыла; выпустила из вольера Трезора. Он, бедненький, страшно обрадовался – бегал, суетился. Сначала я посмотрела фильм (скачала давно, а времени на него все не хватало), потом лезла в Нэте, висела в соцсетях, попереписывалась со старой знакомой, звякнула мужу, маме – ну, вроде и спать пора.

...А сна-то ни в едином глазу. Еще раз заглянула на почту – ничего, в сети – никого: два часа ночи, однако. Пошла в «сторожку». Но там ложиться не стала – душно ужасно. Решила в своем кабинете, благо диванчик есть старенький. Застелила. Положила на стул телефон. Выключила свет. Легла.

Тишина такая – аж в ушах звенит. Темно. Правда, с улицы свет от фонарей пробивается сквозь кроны деревьев в окна – все веселей... Хотя нет, не особо веселей: тени шатаются,

будто кто-то в углах шевелится. Да еще крысы... Боже, я и забыла, что здесь крысы! Слышно, как зашуршали по чердаку, точно слоны топают!.. Нет, не могу, вдруг сюда, в комнату, заберутся, влезут ко мне в постель...

Встала, включила свет, немного успокоилась... Взяла телефон... Ох, зарядку забыла! Совсем чуть-чуть батареечки осталось, но ладно, нырну разок в Интернет...

Нырнуть не получилось – батарея разрядилась окончательно. Конечно, расстроилась, а чувство тревоги усилилось. И вдруг в комнате погас свет!.. Да мало того, погасли и фонари на улице! Я испугалась не на шутку, подбежала к телефону (стационарному) – молчит. Точно – свет отключили и в доме, и на улице! Ужас-то какой – страх уже почти парализовал меня. Это теперь сидеть в полной темноте, мертвой тишине, а про «спать» лучше и не думать...

Решила открыть дверь во двор, там Трезор, живая душа, и луна полная – светлее будет. А потом поищу на кухне спички, не исключено, даже свечку найду. Однако внезапно услышала шаги в коридоре: легкие, невесомые, но – явные. Там КТО-ТО ходил... Но ведь ходить там никто не мог, дверь же заперта!.. Тогда что это?..

Воображение мгновенно нарисовало самых мерзких монстров из самых страшных фильмов ужасов, которые я когда-либо видела. Стало трудно дышать, сердце заколотилось как бешеное...

Неожиданно шаги стихли, но, боясь шевельнуться, просто кожей ощутила чье-то присутствие за дверью. И – опять шаги! Ну, тут уж я потеряла всякое самообладание, с криком выскочила в коридор, и...

Взору предстала невероятная картина: в лунном свете стояло или, точнее, висело облако, словно из тумана либо пыли. Зрелище было пугающим и притягательным одновременно. Пугающим – из-за дикой мысли, что это... призрак, а притягательным из-за того, что это было завораживающе красиво!.. Мельчайшие частички тумана как снежинки мер-

цали в свете необыкновенно яркой луны. Облако всё уплотнялось, уплотнялось и принимало очертания... ЧЕЛОВЕКА...

Я завопила что есть мочи (Трезор отчаянно лаял во дворе) и шарахнулась назад: «Мама!!! Спасите-е-е-е!!!» В три прыжка преодолев расстояние от двери до рабочего стола (а надо отметить, расстояние сие немалое), схватила за спинку стул и запустила им в человекоподобное облако. Как и положено в таких случаях (в свое время читала книги про привидения), стул свободно пролетел сквозь «тело».

И вдруг... «тело» это обрело контуры и черты... девочки, подростка, лет четырнадцати-пятнадцати! В лунном свете явственно прорисовывались тонкие руки, шея и легкое платьице. Волосы девочки (ну призрака, точно же призрака!) были распущены, обрамляя... господи, улыбающееся (да-да, именно улыбающееся!) ЛИЦО...

Ноги мои подкосились, и я рухнула на пол прямо возле стола. Призрак же не двигался, а просто (если только слово «просто» здесь уместно) висел в воздухе, и...

«Здравствуйте, Катя, – раздался в голове детский голос. – Наконец-то мы сможем поговорить».

– Здрас-с-сь... – потрясенно выдавила я.

«Меня зовут Маша. Я живу здесь очень давно».

– Ага... – больно ущипнула я себя за руку, точно пытаюсь проснуться, но, похоже, всё-таки это был не сон.

«Очень рада, что в конце концов дождалась вас...»

«Звучит угрожающе», – подумала я.

«Дело в том, – продолжила девочка, – что вы... только, пожалуйста, не волнуйтесь, моя... дальняя родственница, а точнее, потомок...»

«Измумительно! – внутренне хмыкнула я (надо же, даже в такой ситуации у меня, кажется, хватило сил на хиленький юмор). – Зато, может, из родственных чувств не убьет...»

«Да не собираюсь я вас убивать, успокойтесь! – ворвался в мозг насмешливый голосок. – Тем более что мне нужна ваша помощь».

– А больше попросить некого? – пискнула я.

«В том-то и беда, что помочь сумеет тот, в ком течет моя кровь и никто иной».

– Кровь?! – Страх не ослабевал.

«Ну, не кровь, не кровь, это фигура речи, – поспешил успокоить призрак. – Моя бабушка Прасковья Ивановна доводится вам, Катя, пра-пра-пра... (я, честно, сбилась со счета, сколько раз прозвучало «пра») бабушкой по линии вашего деда со стороны отца... («Господи, надо записать», – мелькнуло в голове.) А значит, и сама прихожусь вам пра-пра-пра (я и эти «пра» не успела сосчитать)... Помочь же покинуть дом, который на долгие-долгие годы стал для меня темницей, может лишь кто-то из родственников.

Но дело не только в этом. Когда-то, в пятнадцатилетнем возрасте, я, глупая, очень сильно обиделась на бабушку – хотя причина была пустяковая, – и решила ее немножечко проучить. Зная, где дедушка хранит фамильные драгоценности, надумала их перепрятать. Взяла шкатулку с действительно ценными старинными украшениями и забралась на чердак. Там нашла прогал между балками и потолком и засунула туда шкатулку. Но, на свою беду, спускаясь с чердака, я наступила на подол платья и упала с лестницы, ударившись головой о порог. Больше я не встала... А бедные бабушка и дедушка так и не узнали, куда пропали их драгоценности, которые, наверное, теперь можно назвать утраченным кладом...»

Трудно сказать, что поразило меня больше – само явление призрака или это спокойное сообщение несчастного ребенка об ужасной собственной смерти... Мне стало страшно жаль ее, и я воскликнула:

– Но чем помочь тебе, Маша?

Зыбкий силуэт заколыхался в воздухе:

«Вы должны найти и забрать шкатулку – я укажу точное место. Только после того, как верну ее, смогу покинуть этот мир».

– ...а куда же отправляются, когда... когда покидают этот мир? – не удержалась я от вопроса.

Призрак Маша грустно улыбнулась:

«Вам это знать рано. Пока рано».

Потом девочка (ну, или то, что давным-давно было девочкой) описала месторасположение клада, и я пообещала, что утром обязательно его достану. Засим, заранее поблагодарив, призрак исчез. Просто бесследно растаял в воздухе...

Я вышла в коридор и распахнула дверь во двор. Свежий воздух мгновенно вернул меня в реальность. Уже светало. И вдруг раздался душераздирающий вопль... петуха! Господи, в центре города кто-то разводит петухов! Неужто на балконе?.. А Трезор мирно дрых себе под забором, не обращая ни на меня, ни на петушиные вопли ни малейшего внимания.

И я полезла на чердак, благо там всегда приставлена лестница. Ну и пылища же! Включила фонарик. Так... три шага прямо, шаг влево, еще один влево, теперь два вправо... Вот здесь... здесь должно быть то, что не дает моей новой знакомой покоя... Ох, и грязница! Хорошо хоть крыс не видно. Я присела и, нащупав отверстие, сунула в него руку. Под толстым слоем пыли и трухи наткнулась на нечто твердое и почти квадратное, завернутое в материю. Вытащила находку наружу, развернула ветхую уже тряпицу...

Да! Это была шкатулка! Небольшая, старинная, из какого-то потемневшего металла. И тяжелая же! Поспешила открыть, а там – перстни, серьги, броши. У меня аж дыханье перехватило! Взяв шкатулку, осторожно спустилась вниз и бросилась эту красоту рассматривать и даже примерять.

На душе стало спокойно, даже радостно. Тихая-тихая радость, какая бывает после того, как сделаешь доброе дело. И вдруг почувствовала сильную усталость. Ну еще бы! Такие переживания, да всю ночь не сомкнула глаз. И, на удивление быстро, впала в какое-то забытье.

Очнулась от звяканья ключей шефа в двери. Вскочила с дивана:

– Смотрите, Юрий Дмитриевич, что я нашла! (Сразу решила: про Машу рассказывать никому не буду, всё равно никто не поверит.)

– Ого, да это настоящие сокровища! – обомлел директор музея.

Он долго разглядывал находку, повертев в руках сначала саму шкатулку, а потом попеременно доставая ювелирные изделия и давая им приблизительную датировку: «Вот это явно восемнадцатый век... Хм, а это, не исключено, даже семнадцатый...»

В общем, решили сдать шкатулку государству. Хранить такое у себя дома страшновато, продать всё сразу, да хотя бы и по частям – просто опасно: с одной стороны, криминал, а с другой, – еще неизвестно, на каких «покупателей» нарвешься. Но те тридцать законных процентов, доставшихся мне лично, оказались немалым богатством для нашей семьи (мы смогли-таки документально подтвердить мое родство с бывшими владельцами дома). Да еще власти выделили деньги из бюджета на ремонт музея (наверное, думали найти что-нибудь еще, наивные).

А я теперь иногда просыпаюсь среди ночи, особенно когда случается полнолуние, встаю и смотрю в окно... И думаю о Маше, девочке, которая трагически погибла, а потом еще столетия томилась в старом доме. И радуюсь, что наконец-то она там, куда очень долго и тщетно стремилась – в ИНОМ МИРЕ...

А еще я думаю о том, хорошо ли, что теперь мне известно, что ИНЫЕ МИРЫ существуют. Тот, в котором Маша провела много-много лет, и какой-то еще – МИР, в котором отныне она будет пребывать вечно...

ВОЛШЕБНЫЕ ЧЕКИ

Здравствуйте. Меня зовут Лена. Я – не писательница и не очень-то надеюсь, что кто-нибудь прочитает эти записи... Но всё же...

Случившаяся со мной история столь необычна, что я решилась перенести ее на бумагу. Больше для себя, но вдруг кому-то еще она будет интересна. В общем, заранее спасибо за внимание и не судите строго.

История эта фантастична и так неправдоподобна, что я сама иной раз в нее не верю. И если бы не те три чека, которые до сих пор лежат за стеклом в серванте, то, право слово, я бы сомневалась, что всё произошло наяву, а не во сне.

Ладно, не буду забегать вперед. Постараюсь изложить по порядку.

Это было летом. Целый год я, можно сказать, готовилась к этому лету. Как? Я работала. И копила на отпуск: очень уж хотелось съездить на море. Заранее забронировала по Интернету комнатку с кухней в домике недалеко от моря и билеты на поезд.

И вот пришло лето, и наконец наступил долгожданный день отъезда. Наш городок маленький, поезды здесь не ходят, и потому отпускной маршрут начинался с автовокзала. Мама с папой кинулись меня провожать: еще бы, дочка отправлялась, в их понимании, на край света. Раньше я сроду не ездила дальше областного центра. Только когда училась там в институте, оставляла родительский дом на целых пять лет. Теперь же через этот самый «центр» и лежал мой путь к пляжно-морскому счастью.

Небольшая неприятность заключалась в том, что автобусы из нашего городка ездят только по утрам, а поезд отправлялся в 20:10. То есть мне нужно было скитаться где-то примерно с одиннадцати утра до половины восьмого вечера минимум. Но что поделаться? Дорога к вожделенному морю непростая и тернистая. «Зато отдохнуть будет лучше», – думала я. И еще подумала... Хотя нет, так, мимоходом проскользнула мысль: «Встретить бы знакомого да вместе побродить по городу, приятно провести “лишнее” время». Но верно ведь говорят: «Бойтесь своих желаний, ибо они имеют тенденцию сбываться...»

А, кстати, вы замечали, – или такое бывает только со мной, – что когда хочешь чего-то сильно-сильно, сбывается вряд ли (ну, если только не ставить себе это жестко как цель)? Но коли подумаешь вскользь, типа «вот бы мне» или «вот бы я», то чаще всего воплощается. Так было много раз. Возможно, совпадение. Обидно, что нарочно так не сделаешь; ежели «зацепишься» за мысль и она пересечет некую грань от мысли к желанию, то уже точно не сбывается... Вот это как раз такой случай.

В общем, я приехала в центр. Выскочила из автобуса и собралась на вокзал, чтобы оставить сумку в камере хранения. Только подошла к остановке, как увидела старого знакомого. Лёшку. Мы учились с ним в школе и не встречались уже лет десять.

Этот Лёшка прямо-таки подскочил ко мне и чуть ли не кинулся обниматься. Я удивилась: в школе нас не связывали дружеские отношения. Лёшка... ну, как бы выразиться... был не совсем «от мира сего», увлекался всякой паранормальщиной и прочей потусторонней ерундой. Мне не нравилось, когда порой одноклассники едко подшучивали над Лёшкой и его увлечениями. Он никому не мешал, был приветлив, незлобив и не умел защитить себя от нападок. Мы с подружкой Светкой иногда за него заступались, хотя... Хотя я тоже видела, что он странный.

Если вдруг на уроке либо на перемене заходила речь о каких-нибудь НЛО или снежных людях – то тут Лёшку было не остановить! Заводился с пол-оборота и начинал упоенно вещать об инопланетянах и следах пребывания внеземной цивилизации на разных участках нашей многострадальной планеты. Ну вот имелся у него такой «пунктик», и ничего с этим нельзя было поделать. Тогда ребята поднимали его на смех, и он замолкал, правда, ненадолго – до следующего упоминания Наски, Атлантиды или Тунгуски. Я даже не удивлюсь, если узнаю, что он участвовал в каких-нибудь магических ритуальных обрядах.

Учился Лёшка неплохо, хотя отличником не был. В общем, весьма оригинальный тип. И именно на этого Лёшу довелось мне наткнуться на своем пути к вожделенному морю.

Почти сразу поняла причину его неудержимой радости по поводу встречи со мной: наш якобы придурковатый и забитый одноклассник был... с девушкой, чем явно гордился! «Вот те на, даже у Лёши есть девушка», – удивилась я. (Алексей, если ты это когда-нибудь прочтешь – уж извини, но коль уж писать, то правду.) А у меня – такой красивой и умной – никак не ладятся отношения с противоположным полом.

– Знакомьтесь, это Марина, – показал Лёшка на невысокую темноволосую девушку. – Маруся, а это Лена, мы учились вместе в школе.

Маруся была миленькая, с тонкими чертами лица и светлыми глазами. Одета в красную толстовку и черные джинсы.

– И мне приятно, – кивнула Марина-Маруся в ответ на мое дежурное признание о крайней приятности нашего знакомства, хотя по правде приятного было мало, разве только похвастаться, что еду на море.

– Да вот на море еду, – процедила я гордо. – Прямо сегодня и еду!

– Здорово, здорово... – пробормотал Лёшка, словно и не расслышал про море.

Он показался мне еще более странным, чем в школьные годы. Нет, внешне стал получше: прилично одет, очки не висят на носу, причесан, поправился, возмужал. Но поведение явно изменилось. В школе был спокойным, даже флегматичным (пока речь не заходила о какой-нибудь чупакабре), заторможенным. Сейчас же передо мной стоял суетливый, с бегающими глазенками, непривычно подвижный, дерганый Лёшка, то и дело озирающийся по сторонам, будто опасался кого-то или чего-то.

– У тебя всё в порядке? – на всякий случай с опаской осведомилась я.

Он как мельница замахал руками:

– Лена, Лена, ты просто не представляешь, как здорово, что я тебя встретил! Я не спал ночью, я никак не могу поверить (дальше замямлил что-то, чего я не разобрала)...

Ну, ясно: Лёшка впал в свой «потусторонний экстаз», как мы шутили в школе. И остановить теперь сей поток сознания было весьма проблематично.

– Пойдем с нами, Леночка... Надо кое-что проверить... Портал времени... Ну, не знаю, как это назвать... Я был там ночью... И березы... Они показали мне комнату из берез!.. Представляешь – прозрачная и вся в березах!..

– Лёш, ты действительно в норме? – уже почти испугалась я.

– Не знаю, Лен, ей-богу, не знаю...

Марина смотрела на него с нежной жалостью и... И вдруг пролепетала:

– Ой, правда, идемте с нами, это очень для него важно!

Гм, я тоже внутренне немного пожалела Лёшку, хотя и без нежности.

– Слушай, объясни по-человечески, совсем не поняла, что ты бормочешь?

– Да я сам толком не понимаю, надо проверить... Мне дали чеки, сказали, мол, они исполняют желания... Пожалуйста, пойдем!..

И он вытащил из сумки три мятых чека, дрожащей рукой протянул мне. Я взяла; ничего особенного: пробиты шмотки. На одном – «пиджак», цена – 1999 руб., на втором – «брюки, 100 % х/б», цена тоже 1999 руб., и третий – «платье жен.» (можно подумать, бывает платье «муж.»), цена... Угадаете? Молодцы, те же 1999 руб. И всё. Кроме одинаковой цены ничегошеньки особенного в чеках не было. Ну, бренды популярные, ну и что? Какие желания могут исполнять чеки из магазинов одежды? Бред сумасшедшего, да и только.

– Пойдем, пожалуйста... – уже почти скулил мой школьный товарищ.

– Ладно, – сжалась я, вручая Лёхе свою сумку. – Но смотри, если опять твои дурацкие штучки... Иду лишь потому, что мне делать нечего и до поезда почти восемь часов. И учти: меня абсолютно не интересует, что за фантазии у тебя опять в голове творятся!

В общем, я ворчала, Лёшка нёс какую-то чушь о перемещениях в пространстве и времени, а Маринэ (так «окрестила» ее про себя) молчала.

Шли мы недолго и вскоре вышли на пустынную площадку. Унылый-преунылый пейзаж: старый двор с давно заброшенными домами, за бетонным забором стройка. Дома двухэтажные, серые, местами сквозь штукатурку проглядывала кирпичная кладка. В большинстве окон были разбиты стекла, отовсюду веяло запустением. Домишки, похоже, собирались сносить. Мне стало жалко деревья, которые, скорее всего, тоже ожидала печальная участь.

Лёшка опять достал свои чеки.

– На, загадывай желание! – вскрикнул знаток паранормальностей планеты Земля.

– Погоди, Лёш, – поморщилась я. – Что значит «загадывай»? Ты где их взял?

Но Лёшка, запихнув чеки мне в руку, не унимался.

– Ну, подумай, подумай, чего бы ты сейчас хотела? – повизгивал он теперь с каким-то прямо-таки пороссячим восторгом.

И вдруг...

И вдруг в голове ни с того ни с сего промелькнула мысль: «Летать»!

...Господи, что тут произошло! Необъяснимым образом я мгновенно взлетела над землей выше фонарного столба и даже деревьев – буйно цветущих лип... Ой!.. Ой-ё-ёй!.. Сразу перехватило дыхание, сердце забилося как взбесившийся метроном... Меня обуяло невероятное, неведомое доселе чувство: смесь дикого восторга, детской радости, но вполне взрослого страха. А еще это было похоже на полеты во сне. Обалденная легкость и невесомость. И свобода! Абсолютная свобода!

Хотелось вопить от восторга во всю мочь, что я умею летать, и смеяться – то ли от нервного потрясения, то ли от счастья. Да-да, счастья! Я парила над целым миром, над домами, деревьями, маленькими фигурками людей вдалеке, машинами... И никто, никто на всем белом свете не мог летать, только я!!!

В общем, пребывала в эйфории, из которой меня выдернули заполошные крики Лёшки и Марины:

– Лена, Лена, спускайся!.. Ле-е-е-на-а-а-а!!!

Я спустилась. Подумала: «вниз» и плавно вернулась на землю. Из разжатого кулака выпали чеки. Лёшка моментально сунул их в карман.

А я... а мне стало нехорошо. Тело отяжелело: после невесомости трудно было даже пошевелить пальцем, голова закружилась, а еще наступила тоска: ну неужели же это никогда больше не повторится?..

Свидетели моего «взлета и падения» молчали. Похоже, здорово перепугались, особенно Лёшка. Глядя на их растерянные физиономии, я даже почти пришла в себя.

– Ладно, проехали! – сказала нарочито грубо.

– Лен, ты в порядке? – прошептал Лёшка.

– Конечно, Лёш, – хмыкнула саркастически. – Ну что там на фиг? Полетала чудок и нормуль!

Ребята, похоже, не очень поверили, но все же немного успокоились.

– Ух ты-ы-ы-ы... – протянул Лёшка. – С ума сойти! Работает...

– Ух ты-ы-ы... – передразнила я. – Работает. Что это было?

– Здорово! – пискнула Маринэ.

– Вчера я оказался в каком-то странном офисе, – вздохнул Лёха. – Там были (только не сочти меня чокнутым) древние римляне. И они дали мне эти волшебные чеки, которые исполняют желания.

– Замечательно! – усмехнулась я.

Не заметив иронии, Лёшка продолжил:

– Но чеки исполняют только, так сказать, пространственные желания: с их помощью можно перемещаться в пространстве и, как оказалось теперь, еще – летать. Меня предупредили, что нельзя загадывать материальные вещи, а еще нельзя, чтобы о чеках знало много народу. Для исполнения же желания нужно именно три человека, наверное, по количеству чеков.

Я побывал там уже пару раз. Сначала думал, что это магазин книг и сувениров (так гласила вывеска), а попал... Ну, не знаю, я окрестил это место «Временным порталом». И как же тянуло меня туда потом!.. В общем, когда попал к ним снова, один из римлян на чистейшем русском языке велел следовать за ним. Мы оказались в амфитеатре, в центре которого сидел, видимо, их главный. Вот он-то и вручил мне чеки. Сказал, что если верю в чудеса, то должен испытать их на себе.

– Лёш, это действительно круто, невероятно круто! – воскликнула я. – И коли уж ты втянул меня в эту историю – показывай свой «портал»! Погоди, а сам-то пробовал?

– Испугался... – потупился Лёшка.

– Ах, подлец! – вспыхнула я. – Решил испытать на мне?

Он покраснел:

– Леночка, я не нарочно, просто так получилось... Я вообще-то сомневался... Но тебе ведь понравилось?

– Нет, Лёха, ты и правда негодяй! Сам в кусты, а меня – под танк! А если бы разбилась?!

– Ну прости, Леночка, ради бога! – взмолился «подлец». – Хочешь увидеть комнату из берез? Организую! Там диванчик, телевизор, холодильник с едой. И всё бесплатно!

Последняя фраза была в духе Лёхи. «Платно» – «бесплатно». Организатор нашелся...

– Ладно, идем, где эта твоя комната? – Мне надоело выяснять отношения.

– Ребят, а зачем идти, у нас же чеки волшебные! – явилась (неожиданно) в голову Маринэ здравая мысль. – Загадаем и перенесемся туда, да, Лёшик? («Лёшик» – боже, какой кошмар!)

«Лёшик» обрадовался, достал чеки, зажал в кулаке и... мы в мгновение ока очутились на опушке березовой рощи. Было тихо, почти безветренно, только иногда чуть покачивались верхушки деревьев. Если бы существовал рай, в одном из вариантов я бы, наверное, представила его таким: залитая ярким солнцем поляна, белые в черную крапинку стволы берез, тонкие, гибкие ветки, усыпанные трепещущими при каждом легком дуновении теплого ветерка нежными листочками. И сколько хватало взгляда, везде-везде – они, березки, и ничего более. А над всем этим великолепием – синее бескрайнее небо... И безмятежность...

Но то не был рай, потому что Лёшка уже суетился рядом:

– Вот! Вот она, родимая!..

Он с силой дернул одну из березок на себя, и, к нашему с Маринэ изумлению, открылась дверь. То есть фрагменты стволов этого и соседнего деревьев, ветки с листвой, трава на земле и даже... как бы это выразиться... кусок воздуха между березами, что ли, оказались... дверью. Точно дверь была стеклянная, а в ней – березки. Оставшиеся вне двери

деревья словно висели в воздухе, являясь на деле стеной. Умереть не встать!

Входя в эту дверь, я посмотрела вверх: стволы будто обрезаны, но березки живые и даже волновались на ветру.

Внутри оказалось уютно. Мы прошли между деревьями (это было что-то вроде коридора) и очутились в просторной комнате. Стены такие же прозрачные, как при входе, и с живыми березами внутри; солнце попадало в комнату, отчего повсюду играли радостные блики. На правой стене висел огромный телевизор, напротив стоял диван, по бокам – кресла. У дивана – столик с блюдом, наполненным фруктами.

Лёшка как заправский посетитель этого удивительного места поскакал к березкам слева и исчез за углом. Возвращался уже медленно, таща тарелки с едой: колбаса, ветчина, сыры разных сортов и хлеб – очень, очень кстати! Нырнув за угол еще раз, Лёшка притащил бутылку вина.

– А нас ждали! – подмигнул нам с Маринэ, наполняя бокалы.

О, какая чудесная то была еда, какое бесподобное вино! Ничего вкуснее в своей жизни не ела и не пила. Пили за встречу, за здоровье, за щеки, за римлян. После второй бутылки пошли тосты за египтян, фараонов и пирамиды... Короче, Лёшка в своем репертуаре.

А потом я... уснула. Отрубилась – и всё, «ничего не вижу, ничего не слышу...».

Когда проснулась, солнце уже не играло бликами на стенах, дело шло к вечеру. Часов шесть, наверное. Села. В соседних креслах тихонько посапывали Лёха с Маринэ, телевизор был поставлен на mute и гонял музыкальные клипы.

Достала из сумки телефон: ну да, уже без десяти шесть. Чувствовала себя более-менее (правда, голова немного гудела) и приготовилась к новым свершениям.

– Девочки, мальчики, подъём! – крикнула.

Маринэ вздрогнула и открыла глаза. Лёха вскочил как ошпаренный.

Я рассмеялась:

– Эй, чего такие дёрганые? Пора вставать! Мне скоро на вокзал, а я еще хочу на ваших римлян посмотреть.

– Римлян?.. – По-моему, Лёшка испугался. Растерянно забормотал: – Ну-у-у... не знаю, можно ли?..

– Как это?! – возмутилась я. – Подвергать меня опасности, значит, можно, а римлян увидеть – шиш? – Полагаю, выглядела я довольно грозно, поскольку Лёшка моментально сдался.

– Идем-идем, раз тебе интересно! Авось ничего плохого не случится.

Мы убрали остатки еды в холодильник, помыли за собой посуду. Оказалось, в березняке были и ванна с туалетом, и даже подобие кухни, куда Лёшка нырнул за провизией. Он достал чеки...

Пара секунд крошечной тьмы... и мы очутились перед старинным зданием с колоннами и скульптурами. Одним из тех зданий, что обыкновенно считаются историко-культурным достоянием и наследием. Правда, зеленая краска местами облупилась, белые когда-то атланты выглядели серыми и измученными: у правого был отломан кусок ноги, у левого – руки. Высокие окна первого этажа огрызались решетками, второй и третий этажи казались более приветливыми. Темные стекла разделены ячейками рам, внутри – светлые присборенные занавески. Но самым главным арт-объектом была дверь. Она выделялась даже на фоне такого эффектного здания. Огромная, фигурно резная, похожая на гигантскую плитку темного шоколада. В качестве ручек по обеим створкам – морды львов в густом обрамлении грив и с кольцами в носах.

Я застыла перед этим шедевром неизвестного зодчего, и кабы Лёшка бесцеремонно не толкнул меня в бок, очнулась бы от эстетического шока не скоро.

– Оглохла? Зову-зову, – пробурчал он.

– Не слышала... – прошептала я и потянулась к дверной ручке-кольцу.

– Нет-нет, нам не сюда! – остановил Лёха.

– Да? – удивилась я. – А очень подходящее место для коридора времени.

Мы пошли за Лёшкой. Сначала вдоль дома, затем завернули за угол. Потом еще раз и очутились во дворе, окруженном обычными жилыми домами. На первом этаже ближнего дома висела вывеска «Книги. Сувениры». Туда-то мы и вошли.

Просторный зал. Стены отделаны вагонкой песочного цвета, на полу – линолеум под паркет. У левой стены стойка, как у администраторов в отеле или как у барменов. А за стойкой – oh my! – действительно... римлянин! Высокий и лысый, облаченный в белоснежную тогу. Слева от стойки – проём, продолжение, так сказать, офиса. Навесные потолки со встроенными лампами. Справа небольшой стол и стулья (видимо, для посетителей); за столом сидел еще один одетый в тогу и что-то писал... гм... шариковой ручкой. Далее – другой проём, похоже, коридор. В углу – горшок с растением, похожим на пальму. Кажется, оно называется циперус.

Я бы уже и не особенно удивилась этим оригинальным сотрудникам (после полёта вообще чем удивишь?), но всё же такая несуразица и неуместность присутствия – кого?! – действительно, что ли, древних римлян в современном офисе?.. Оба, кстати, не обратили на нас ни малейшего внимания.

– Идемте-идемте, – буркнул Лёха, и, прошмыгнув мимо стойки с «римлянином-администратором», мы очутились в широком коридоре.

Опять ничего экстраординарного: по обеим сторонам двери без надписей и табличек, между дверей – картины и зеркало. Одна картина изображала горный водопад в синих тонах, вторая – пустыню с бедуином и лежащей рядом обнаженной белокурой женщиной. А вот зеркало было необычным: огромное, выше человеческого роста, и обрамленное старинной золоченой рамой.

Через этот коридор мы вышли в соседний зал, наподобие первого, только еще просторнее. У двери – кожаный корич-

невый диван и пара кресел. Туда-сюда сновали похожие друг на друга римляне в своих древнеримских одеждах. Снова не видя нас в упор, они бегали с какими-то бумагами и папками, громко хлопая дверьми кабинетов. И вдруг...

И вдруг сзади раздался крик. Ну просто, знаете ли, утробный вопль о помощи. Мы переглянулись, рванули обратно в коридор, и – о ужас!..

Высокий парень в спортивной футболке с рюкзаком за спиной... торчал сейчас в том самом зеркале, судорожно размахивал руками и сдавленно кричал, потому что зеркало... затягивало его в себя. Всё глубже, глубже... Господи, наружу торчит уже только пятка в красном кроссовке!.. Парень отчаянно сопротивлялся, но наверняка исчез бы в зазеркалье насовсем, если бы...

Если бы в эту самую пятку в кроссовке не вцепился Лёшка и не потащил «спортсмена» назад. Но бедолага был слишком тяжел. Тогда мы с Маринэ тоже присоединились к Лёшке и общими усилиями выволокли, наконец, парня из зазеркального болота.

Он уставился на нас ошалевшими глазами. А через мгновение опять заорал и бросился в зал. Куда делся потом – неизвестно. Лёшка предположил, что убежал через служебный вход. Сказал, что и сам проходил весь этот «офис» насквозь.

Мы вернулись обратно во второй зал. Внезапно рослый загорелый римлянин, уставившись на Лёшку, пробасил: «Ну как чеки?» Лёшка от неожиданности растерялся, пискнул что-то типа: «Нормально», и римлянин, кивнув, поспешил по своим непонятным делам дальше.

В конце зала оказалась небольшая деревянная дверь. Лёшка толкнул ее, и мы вывалились наружу. Слушайте, а служебный вход-то был совсем в другом доме, и двор теперь был совершенно другой...

Солнце уже близилось к закату, я глянула на часы: было уже семь часов вечера. Я вздохнула: вот и закончились мои необычные приключения, скоро отъезжает поезд.

– Лёш, мне пора уже. На вокзал, – сказала я.

– Ну что ж, достаем чеки, – кивнул Лёшка.

Мгновение – и мы на вокзале! В зале ожидания. Причем на наше появление никто не отреагировал, будто вошли через дверь, как нормальные люди.

Все-таки красивый в центре вокзал! Большущий зал с деревянными креслами, стены украшены гипсовой лепниной. На потолке – огромная старинная люстра, как в театре. Лампы люстры горели неярким желтым светом, что придавало залу торжественности и даже какой-то таинственности. Наверху – балкончики второго этажа с резными балясинами, внизу куча киосков с прессой, сувенирами и пирожками. Почти во всю стену – экран. Идет какой-то фильм.

Мы пристроились на одном из рядов с краю. Сумка уже при мне (там ведь столько ценного: только обуви три пары!). А Лёшка куда-то ускакал. Я спросила Маринэ, куда, но та лишь недовольно дернула плечом.

Минут через пять Лёшка вернулся с пакетом в руках. Достав лимонад, принялся разливать его по пластиковым стаканчикам.

Я заподозрила неладное:

– Лёх, это что?

– Ви-и-но-о-о! – умильно пропел он.

– А зачем? – поинтересовалась я.

– Ну как зачем, Леночка? Ты уезжаешь, неизвестно, когда еще увидимся. Да и встреча – такое событие! Опять же чеки.

– «Опять же», «опять же»! – передразнила я Лёху. – За встречу при встрече пьют, а не при расставании. В общем, один глоточек, и ты не увлекайся!

Но...

Но Лёша «увлекся». На нашу и свою беду. Когда первая ба-клажка «лимонада» была опустошена (им самим, я и Маринэ практически не пили), он сбегал за добавкой и спустя полча-са был уже «хорош».

Я встала и взяла сумку:

– Всё, ребята, пойду: поезд подали – пишите, звоните...

Марина жалобно вздохнула: мол, бросаю тут ее с пьяным кавалером, но счастливого пути пожелала – ясно же, что море для меня важнее, чем окосевший Лёха. А Лёха...

А вот Лёхи-то на месте и не оказалось. Пока я прощалась с Маринэ, он куда-то свалил. Ну и ладно, уеду «по-английски». Но только приблизилась к выходу, в зале раздались странные возгласы и вскрики. Оглянулась – Алексей на фоне экрана... парил в воздухе! На экране сейчас показывали тайгу, так что смотрелся он чрезвычайно эффектно.

– Чёрт тебя подери!.. – Я рванула назад, бросив под одно из пустых кресел тяжелую сумку.

А у экрана, где абсолютно флегматично болтался под толчком Лёшка, кричала, простирая вверх руки и уже чуть не плакала, уговаривая этого придурка спуститься, бледная от испуга Маринэ.

– Лёха, быстро вниз! Ты что творишь? Тебе ж велели – чтоб никто ничего не видел! – завопила и я.

– Не-а-а, тут классно! – радостно ухмыльнулся Лёшка. – Щас... Щас мы кой-чего попробуем!.. – Идиотски лыбясь, он потряс в воздухе кулаком, и... рядом с ним, на высоте трех-четырёх метров появились... музыканты!

...Боже, целая куча: скрипачи со скрипками, флейтист с флейтой, даже контрабасист со своим огромным контрабасом и прямо на стуле. Видимо, Лёшка сдернул их с какого-то концерта – были ужасно напуганы, но – играли! Следом под потолком нарисовался дирижер со своей палочкой. Лёха же продолжал ржать как дебил, а несчастные оркестранты носились в воздухе, не переставая играть бравурный марш.

– Лёха, прекрати немедленно! – благим матом голосила я.

А картинка была та еще: счастливо парящий придурок Алексей, очумевшие от страха музыканты, подскакивающие как козы и выкрикивающие всякие нехорошие слова мы с Маринэ и разбегающиеся в панике из зала ожидания буду-

щие пассажиры. Всё это дико напоминало сцену из одной известной книги. И вдруг...

И вдруг, словно чертики из табакерки, появились угрюмые люди в черной милитаризированной форме, страшно похожие на тех персонажей из фильмов про лихие 90-е, которые повсюду следовали за своими боссами в малиновых пиджаках. Один из них взмахом швабры сбил Лёху, и тот распластался на полу. Чеки выпали у него из руки, а плечистые парни в черном махом его скрутили и куда-то уволокли. Как говорится, был Лёха и нету!

Кроме нас с Маринэ в зале осталась лишь бабушка-уборщица, забравшая свою швабру.

– Ну и дела... – ворчала она. – Чего только не повидала на своем веку, но чтоб человек вот так запросто летал...

– А вы не знаете, что это за мордовороты? – спросила я.

– Еще бы не знать? Ребята Кепки.

– Какой еще кепки? – переспросила я.

– Какой-какой! Начальника вокзала, – буркнула бабуля и укывляла со своей драгоценной шваброй.

Маринэ побледнела, из глаз брызнули слезы.

– Лен, куда они его?..

...Нет, ну что за жизнь? Мой поезд ушел, я не поехала на море (а, может, уже и не поеду – небось все билеты распроданы), непутевого приятеля увели бандиты, да еще приходится утешать эту захлебывающуюся в рыданиях девчонку.

– Ладно-ладно, что-нибудь придумаем. Здесь у меня из знакомых только однокурсники, и те наверняка поразъехались. А у тебя есть, кому помочь разобраться в этом уголовном безобразии?

– Не-е-ет! – прорыдала Маринэ. – Только подруги и старший брат, в институте преподает...

Да уж, брат-преподаватель, конечно, махом прижмет к ногтю этого великого и ужасного Кепку!.. И что делать? Своих людей в криминальных кругах ноль, если только обратиться в полицию...

Я подошла к креслу, под которым оставила сумку. Сумки там не было. Даже не особенно удивилась – чего-то подобного ожидала. Расстроенная, плюхнулась в кресло. И тут со стороны двери послышались голоса.

– Бежим отсюда! – скомандовала я зареванной Лёшкиной подруге.

Мы рванули к другому выходу, а Маринэ вдруг метнулась в сторону и подобрала с пола чеки. Молодец, а то я ведь про них забыла!

Короче, мы благополучно убежали из вокзала. В парк.

– Вот и съездила на море! – вздыхала я.

Маринэ молчала, мусоля в руках чеки.

– Не выходит! – воскликнула наконец.

– Чего не выходит? – не поняла я.

– Чеки не работают. Наверное, потому что нас только двое...

– Слушай! – аж подпрыгнула я. – Чтобы они заработали, надо три человека?

– Ну да...

– «Ну да»-«ну да»! – передразнила я. – Звони своему преподавателю... Не поняла? Господи, да брату, брату!..

«Брат-преподаватель» приехал через полчаса и сразу... как бы это сказать... Короче, сразу мне понравился. Высокий, крепкий и симпатичный, от него просто веяло спокойствием и уверенностью. Гм, я ему вроде... тоже понравилась. Ну и, как показали дальнейшие события, не вроде... Но ладно, всё по порядку.

Наш сбивчивый и невероятный для нормального человека рассказ он воспринял абсолютно спокойно. Внешне даже ни капельки не удивился, лишь уточняя что-то, изредка кивал.

– В общем, надо вытаскивать Алексея из этой передраги, – резюмировал Михаил (брат оказался Михаилом).

– Чеки! – напомнила я Маринэ.

Она судорожно стиснула их в кулаке и пробормотала, мол, поспай бедненький Лёшенька вернется. И...

И – о чудо! Бедненький «Лёшенька» точно вынырнул из небытия! Явился пред нами в целостности и относительной сохранности, не считая пары ссадин и фонаря под глазом. И уже почти протрезвевший.

Ну, естественно, далее последовала душещипательная сцена воссоединения влюбленных сердец, которую и не буду описывать.

Потом Лёшка вкратце поведал о произошедшем после того, как типы бандитской наружности сбили его шваброй с небес на землю. Несчастного затолкали в машину и отвезли за город. Местность была незнакомой. Лёшку притащили в один из многих огромных домов и принялись невежливо допытываться, как он докатился до такой жизни, что начал летать. Благо Лёшка додумался назваться чужим именем и не успел выложить координаты «Портала времени». А про чеки, блин, рассказал, но правдивая Лёшкина история жутко разозлила головорезов, и неизвестно, чем бы дело закончилось, не верни мы его обратно.

В итоге порешили, что Лёхе надо пожить какое-то время у родственников в другом городе, пока вся эта свистопляска не забудется и не уляжется.

Так мы сидели и разговаривали вчетвером в парке. Стеннело, народу мало. Глянула на часы: полдесятого...

И вдруг к нам подошел человек. Очень высокий, одетый в шикарный деловой костюм. Я посмотрела на него и обомлела: это был... один из тех римлян! Oh my God, ну и влетит сейчас нам!..

А римлянин протянул руку и ледяным тоном велел вернуть чеки, напомнив Лёхе об условии их договора. Сказал, что теперь им придется исправлять то, что Лёшка натворил на вокзале, и постараться сделать так, чтобы и участники, и невольные зрители тех событий о них забыли.

Ну а потом он сообщил, что со мной хочет поговорить их Главный. Ой, стало здорово не по себе. Нет, не то чтобы заволновалась... Хотя, конечно же, заволновалась. Очень.

Что нужно от меня Главному этой весьма странной компании?

И тут вмешался... Михаил. Как истинный джентльмен, отказался отпустить меня одну с незнакомцем. И, представляете, римлянин согласился взять и его тоже.

...Р-р-раз – и перед нами огромное полутемное помещение. Присмотревшись, поняла, что стоим на арене, а вокруг – снизу вверх – сидения для зрителей. Но кроме нас никого в этом амфитеатре не видно. Я взглянула на Михаила, он взял меня за руку...

И вдруг вспыхнул резкий свет: арена осветилась прожектором. Оказалось, что буквально в нескольких шагах стоит шикарное кресло, а в нем сидит важный-преважный человек в белом плаще с красной изнанкой и с позолоченным венком на голове. Вид у него был усталый, хотя явно старался держаться бодро. Правая рука лежала на подлокотнике кресла, левую он держал у лица.

«Плащ с кровавым подбоем... – промелькнуло в голове, и – дикая мысль: – Господи, да не то Понтий Пилат?..»

– Вы верите в справедливость? – безо всяких предисловий обратился ко мне Главный и отвел руку от лица, но тут же вернул обратно.

Я изумленно онемела и лишь улыбалась как дурочка (а что еще оставалось?). Да, думаю, вопрос был риторическим, и Главный совсем не ждал ответа.

А он повысил голос:

– Так вот, полагаю, что все должно быть по справедливости. Вы не нарушали правил и в сложной ситуации повели себя достойно, чего не скажешь о вашем друге... – Левая рука опять прочертила линию в воздухе.

Я хотела было вякнуть, что никакой этот придурок мне не друг, но... не вякнула. Главный же протянул вперед правую руку:

– Итак, я передаю чеки вам.

Молча подошла и тупо взяла их.

– Можете прямо сейчас отправиться, куда только пожелаете. К примеру, в Италию? – улыбнулся Главный. – Ах да, вот ваши вещи, – махнул он рукой в сторону. Действительно, это была моя сумка!

Я страшно обрадовалась и бросилась благодарить. Он же продолжил:

– Дарю вам два перемещения: в страну, куда вы хотели бы попасть, и обратно домой. После использования чеки перестанут работать.

Я украдкой глянула на Михаила, который снова взял меня за руку, точно готовый защитить от любых напастей. Похоже, что он не боится ничего. И никого. Михаил почувствовал мой взгляд и тоже посмотрел на меня. И улыбнулся.

– Спасибо, уважаемый... Понтий Пилат! Но чеки мне больше ни к чему! – решительно пискнула я.

Пилат рассмеялся (то ли из-за моего героического писка, то ли от того, что я назвала его Пилатом):

– Хорошо, причина вашего отказа от чеков мне ясна. Это похвально. Так вот, дарю вам возможность воспользоваться ими в любое удобное время. А теперь прощайте...

И – всё исчезло. Снова темный безлюдный парк. Лёхи с Маринэ тоже не было. Держась за руки, мы вышли из парка.

Пару слов о том, что произошло после того невероятного дня. Самое главное – мы с Мишей поженились. В свадебное путешествие отправились безо всякого волшебства. Чеки так и лежат в серванте, ждут своего часа.

Марина тоже вышла замуж, только не за Лёшку. Он в тот вечер исчез. Говорят, его видели в другом городе, очень далеко от центра. Сильно изменился и, похоже, здорово злоупотребляет алкоголем.

Вот такая удивительная история. Лёшку, конечно, жалко, но, с другой стороны, сам виноват. Хотя я очень благодарна ему за это необычайное приключение, за невероятный полет

наяву и, конечно же, за Мишу. Мы даже думаем отправить-ся в город, в котором его видели, и постараться ему помочь. Наверное, поиски бедолаги будут наилучшим применением волшебным чекам.

...А, кстати, можно попробовать загадать перемещение конкретно к Лёшке. Надеюсь, еще не всё потеряно...

СКАЗОЧКА ПРО АВТОМОБИЛЬЧИК

- Сыночек, спать пора!
- А буду пать!
- Я сказочку тебе расскажу.
- Кафку? Адём!

* * *

- Жили-были дед и баба. И была у них... кто?
- Нет ответа.
- Кто у бабушки с дедушкой был? А? Курочка! Как курочку звали?..
- Нет ответа.
- Ряба!
- А хочу Лябу! А буду!
- А чего хочешь, солнышко? Про кого?
- Масинку!
- Машинку? Ладно, будет тебе про машинку...

– Жили-были дед и баба. И была у них... машинка! Точнее, автомобильчик. А звали его... звали его... Как звали автомобильчик, солнышко?

- Би-би!
- О, отличное имя! Так вот, жил у них красивый красненький автомобильчик Би-би. Он был хорошим автомобильчиком, но очень уж непослушным. Всё, о чем его ни просили, не хотел делать. Бабушка говорила: «Би-би, пойдём спать». А он: «А буду, а хочу!» Дедушка говорил: «Би-би, попей бензинчика». А Би-би в ответ: «А хочу, а буду!» И так всякий раз. Расстраивались бабушка с дедушкой, но что поделать, переживали и терпели.

Конечно, Би-би иногда помогал им, он не был лентяем. Но всё равно вечно перечил. Соберется дедушка в поле за сеном и травкой для коровок, бабушка – к Би-би: «Помоги, внучек, дедушке, привези сено и травку коровкам». «А буду, а хочу», – отвечал Би-би, хотя через некоторое время все-таки ехал помочь дедушке.

Такое вот его непонятное упрямство однажды и довело до беды. Ребята пошли в лес по грибы, по ягоды. Би-би с ними. Бабушка и дедушка предостерегли: «Не заезжай далеко, заблудишься, медведь схватит!»

Но когда Би-би слушался бабушку с дедушкой? Поехал напрямик в самую чащу. Как ни кричали ему вслед ребята, как ни уговаривали – Би-би не обращал внимания.

И оказался он в самой лесной глухомани: огромные деревья, поросшие мхом, сучковатые ветви, свисавшие до земли, густая листва, сквозь которую почти не проглядывало солнце. Испугался Би-би. Ринулся обратно. Да не тут-то было: зацепился задним колесом за корневище – ни назад, ни вперед тронуться не может. Газует на месте – буксует. Заплакал Би-би, стал звать на помощь.

Но на беду крики и шум мотора услышал медведь, который охотился неподалеку.

Схватил огромный медведь Би-би и поволок в свои владения. А жил он в большом деревянном доме за высоким забором. Запер медведь Би-би за забором, приковал к крюку цепью, а цепь – на замок. Бензином кормил самым дешевым, не как бабушка и дедушка – 95-м. Не играл с ним, а заставлял работать. Би-би пришлось и дрова колоть, и двор подметать, и сено возить. Загоревал бедный автомобильчик. Заскучал по бабушке с дедушкой и ночью громко плакал. Ему казалось, что у медведя он уже долго-долго.

Но на самом деле бабушка и дедушка в тот же день забили тревогу: все мальчики и девочки вернулись домой, а Би-би нет. И вечером Би-би не приехал, и ночью тоже. Старики

очень переживали, бабушка плакала. С рассветом всем селом отправились искать Би-би.

Повезло, что почва в лесу песчаная, увидели следы от шин. Дедушка и бабушка сразу узнали шины Би-би по рисунку протектора. До вечера шли по следу. Би-би же ездит очень быстро, заехал далеко-далеко.

Наконец пришли к дому медведя. Би-би услышал шум и голоса, начал звать на помощь. Люди медведя прогнали, замок сломали, Би-би освободили и, довольные, вернулись домой.

С тех пор Би-би вел себя совсем по-другому, стал ласков и добр с бабушкой и дедушкой, сам предлагал свою помощь. И «не хочу» и «не буду» от него никто никогда больше не слышал.

– ...Ну? Понял, сыночек?

– Онял.

– А теперь пора спать.

– А буду пать!

– Ещё сказку хочешь?

– А хочу кафку!

– А чего же ты хочешь, солнышко?

– Масинку...

...Эх-х-х, будьте, люди, осторожны в выборе кафок...

ЗИМА

Страх...

Это слово стало именем моим. Оно стало сущностью моего бытия. Это свистяще-рычаще-хрустящее слово. Как будто наступили на таракана, и он треснул. Иногда кажется, что я могу потрогать этот страх, настолько он материален. Я даже вижу его: серая, пористая масса, ноздреватая губка, достаточно рыхлая для того, чтобы в ней существовать, но слишком плотная, чтобы существовать полноценно...

И труднее всего – дышать. Почему-то особенно ночью, когда пытаюсь уснуть. Когда серая эта масса, сгустившаяся вокруг, становится черной. Поэтому сплю я теперь в основном днем. Ведь ночью совсем страшно. Наверное, из-за того, что слишком тихо. Днем с улицы доносятся хоть какие-то звуки, а ночью нет...

Но сейчас-то еще ничего, сейчас я включаю ноутбук и сижу в Интернете. А поначалу и этого боялась: вдруг кто-то снаружи увидит свет... Точнее, не «вдруг» и не «кто-то», а с умыслом и именно тот или те, кому это всё взбрело в голову.

Да-да, сейчас уже не так страшно – мы забили изнутри окна и балконную дверь металлическими щитами. Теперь с улицы не разглядеть, горит ли в квартире свет. И самих щитов не видно: занавески засунули между щитами и окнами. С дороги, заверяют мои, ничего не видно. Вроде как нет никого дома.

Но до чего же это мне надоело! Кто бы знал, как я устала. Иногда хочется на всё наплевать, выскочить из подъезда и – ходить. Просто ходить. Без цели. Спустить по лесенке

на набережную, прогуляться, пешком вернуться домой по центральной улице... Да, быть может, замерзнуть. Да, скорее всего, заболеть. Но как бы было здорово заболеть оттого, что замерзла, что долго гуляла в мороз. На улице!..

Я иногда вижу во сне, что гуляю. Эти сны – одно из немногих радостных событий в моей теперешней жизни. Правда, они слишком редки. Чаще либо не снится совсем ничего, либо кошмары.

Вот недавно, например, привиделось, будто сижу в комнате на полу. Передо мной на ковре разбросаны газеты. Я беру одну из них, разворачиваю. Напротив, у стены – зеркало-трюмо. Я вижу свое отражение. Читаю газету, перелистываю страницы. И вдруг замечаю: что-то не так с отражением... Я переворачиваю страницы, а оно – нет. Сидит, смотрит на меня. Неподвижно...

Я буквально «выдираюсь» из сна. Очнувшись, долго убеждаю себя, что это был лишь сон.

А началось всё так внезапно, так неожиданно: мы просто смотрели телевизор. И в новостях сообщили о какой-то банде маньяков, то ли собиравших сведения о жертвах в соцсетях, то ли принимавших заказы на убийства на сайте. Ну, удивлялись-поохали, да и забыли.

А через пару дней зазвонил телефон. Мужской голос представился нашим участковым и бойко поинтересовался... жива ли я еще.

Мороз по коже! Оказывается, в Интернете, в одной из популярных соцсетей была создана группа. Интересная такая группа. Называется «Закажи врага». Смысл ее «деятельности» в том, что любой желающий может заказать убийство человека. Очень просто: пишешь заявку на вступление в группу, проходишь несложную процедуру регистрации, отправляешь данные потенциальной жертвы, плюс фотографию с хорошо различимым лицом.

Поначалу никто не обратил на эту «шутку» должного внимания. И как оказалось – зря.

Пять человек из списка уже мертвы. Причем погибли они именно так, как были «заказаны»: кто-то сбит на дороге, кто-то застрелен, кто-то задушен...

Участковый говорил отчужденным, даже равнодушным тоном. Но мои ощущения не нуждались в дополнительном усилении сочувствующей или устрашающей интонацией.

Я уже почти ничего не слышала, мир вокруг померк и точно отдалился. Сама же я будто провалилась в глубокую яму. Участковый не сказал прямо, но, конечно, я догадалась, что дело касается и меня. Оставив адрес той группы в соцсети (он объяснил, что ее уже заблокировали, но в интересах следствия пока не уничтожили), на резонный вопрос: «Что будет со мной?», ответил: «Запритесь покрепче и ни шагу из дома».

Как в тумане, набрала адрес в поисковике. Вышла группа. 47 (!) участников. «Заказанных» – 53 (некоторые не стеснялись и заполняли данные на двух, а некоторые даже и на трех человек).

«Закажи убийство врага!» – красочная реклама. Смешные картинки на тему смерти, анекдоты... Опрос «Как лучше убрать врага», несколько вариантов ответа. А, вот и оно: «Список врагов». Боже, я... И фотка моя: улыбаюсь, красивая такая, на собственном дне рождения, в кафе.

Эта фотка была сделана пару лет назад, когда была еще замужем. И ребенка еще не было. Теперь дочке уже годик. Маленькая пуговка недавно начала ходить. И пытается даже лопотать что-то по-своему. Моя девочка... Как же она останется... без меня?..

Точно пронзило молнией. Что делать?! Куда спрятаться? Куда спрятать дочку? А маму?

Последние полгода мы живем втроем: с мужем я развелась, причем развод был плохим, трудным. Правда, сейчас я впервые даже немного пожалела об этом: какой-никакой, а был бы рядом, может, чем-то помог бы... Хотя нет, навряд ли.

«Но кто же меня... заказал?» – нырнула опять в омут Интернета. «Что? Кто?» – в поле «Заказчик» красовались фа-

милия и инициалы бывшего мужа. Скользнула взглядом вниз: «Способ убийства» – лаконичное «расчленишь». Блин! Черт! Тварь! Тебя бы самого расчленишь!.. Что такого я тебе сделала?!

Посмотрела новости: действительно, орудует банда, прозванная «интернет-маньяками». Или это один преступник?.. Пока неясно. Жуть. Главное – погибли люди. Но за что? Неужели они сотворили столько зла, что их надо было убить?..

Долго ли просидела, погруженная в раздумья, не помню.

К действительности вернул скрежет ключа в двери. Меня передернуло. Да нет, ключом могут только свои открывать. Родные веселые голоса: мама с дочкой возвратились с прогулки. Увидев меня, мама переменялась в лице, поняла: что-то случилось. И я рассказала обо всём.

Сидели молча. Даже доча притихла.

Потом я написала заявление о предоставлении на работе отпуска без содержания. Ребенка в квартире оставлять нельзя. Самой выходить тоже (хотя еще утром бегала в магазин). Решили снять квартиру, где проживут мама с дочей, а я запрусь и сделаю вид, что дома никого нет.

Своих выдворила в тот же день к маминой подруге, пока не найду, куда их перевезти. Воображаю, как страшно было маме оставлять меня одну.

Перед уходом она накупила продуктов и отнесла на работу мое заявление, а я позвонила начальнице, объяснив ситуацию. Та поинтересовалась, долго ли меня не будет. Я ответила, что очень надеюсь, недолго, однако начальница заявила: мол, отдел без служебной единицы неминуемо погибнет, и посему она вынуждена меня уволить. Ничего личного.

Нормально, еще и работы лишилась!

...Жутко непривычно и тягостно ощущать, что родная квартира из уютной «крепости» превратилась в тюрьму. И если узник хотя бы знает срок заключения, то я-то – нет. И чем всё в итоге закончится – тоже.

А помимо прочего, еще же и света белого не вижу: окна забиты, и в комнатах почти постоянно царит тоскливый полумрак. День смешался с ночью, о времени суток можно судить только по часам да по доносящимся с улицы звукам.

Иной раз лежишь в кровати и вставать вообще не хочешь. Усталость – несмотря на то, что вообще ничего не делала. Ощущение, словно болеешь. Поначалу решила: почитаю книги. Не получилось. Не могу сосредоточиться, сконцентрироваться на сюжете.

Тогда подумала: буду смотреть фильмы. Влезла в «Афишу» в Интернете – и тут облом, смотреть нечего. От одних названий стало дурно: «Наплевала на твою могилу», «Проклятие», «Орудия пыток», «Выходные зомби», «Тревожный звонок», «Шизофрения», «Маньяк-потрошитель»... Особенным «шиком», похоже, нынче считается снять ужастик, «основанный на реальных событиях». Не то режиссеры полагают, что мне, зрителю, фильм про зверские убийства понравится больше, ежели узнаю, что он «основан на реальных событиях»? И – дурацкие комедии, скучные мелодрамы, названия которых отдают тошнотворным ванильным ароматизатором... В общем, стала пересматривать любимое старое кино.

...От долгого сидения в Интернете сильно устают глаза и болит голова. Без свежего воздуха тоже плохо: я же не могу даже форточку открыть. И без солнечного света плохо. Жизнь в полумраке...

Слава богу, хоть есть телефон. По несколько раз на день звоню маме, разговариваю с дочкой. Моя малышка, кажется, за это время повзрослела. Лепечет чего-то, котик, скукает. Они, кстати, так и остались у маминой подруги.

В конце концов, я придумала себе развлечение. Человек и впрямь в любой ситуации может найти отдушину. Для меня такой маленькой радостью стало небольшое «окошечко»: гвоздем поддела край металлического листа и чуть отогнула. Получился просвет, в который было немножко видно улицу. После «сеанса» выравнивала этот край обратно.

Смотрела в основном ночью. Темное небо, свет фонаря, покрытые снегом черные ветви деревьев, кусок дороги. Иногда проезжают машины. Интересно, правда, интересно на них глядеть. Фантазировать: кто там едет, воображать чужие жизненные ситуации, истории...

Февраль выдался снежный, вьюжило иной раз так, что казалось, снег – это сплошная, но щербатая стена, через дыры в которой иногда видна улица. Снежинки падали большие и пушистые, будто связанные крючком из тонкой шерстяной нити. А в голове постоянно, что те снежинки, кружились стихи: «Как летом роем мошкара летит на пламя, слетались хлопья со двора к оконной раме... И всё терялось в снежной мгле, слепой и белой...»

Однажды раздался звонок домашнего телефона. Я бросилась к нему, нажала на кнопку, и приглушенный голос произнес: «Привет». Сразу бросила трубку: этот голос был мне знаком. Телефон зазвонил снова. Я его отключила.

А вечером на электронке появилось сообщение: «Ты почему бросила трубку? Я всего лишь хотел поговорить. Сходи, пожалуйста, в полицию, напиши заявление, что у тебя нет ко мне претензий. А то меня обвиняют в организации заказного убийства. Но ты же понимаешь: я просто пошутил».

Я знала, конечно, что мой бывший обладает нестандартным чувством юмора, но не до такой же степени! Заказал, гад, мое убийство и хочет, чтоб не имела к нему претензий! У-у-у, сволочь!.. Да еще и «сходи». Ага, разбежалась! А если меня по дороге замочат?

Покопалась в Интернете: посмотреть, что светит организаторам убийств. В общем, если обошлось без жертв, то все равно заводится дело, ведется расследование, и по приговору суда – срок. Ну а коли без жертв не обошлось, то уж конечно.

«Уж конечно...» Ох, и шуточки у них. Одни юмористы кругом.

А мне не смешно. Особенно боюсь дверей. И с лестничной клетки, и балконной. Вдруг на балкон влезет кто-то. И не остановит этого кого-то металлический щит...

Как-то услышала поздним вечером шорох за входной дверью. Момента́льно захлопнула крышку ноутбука – чтобы совсем темно было. Затаилась. И тихо-тихо, на цыпочках пошла к двери. Замерла: а вдруг у них там... автомат или какое другое огнестрельное оружие. Пальнет – и прости-прощай. Дверь-то хоть и железная, но пробьет все равно. Или в замок пальнут, чтобы в квартиру войти: в группе же той указано: не «застрелить», а... (Ой, лучше не вспоминать!)

Но постояла с минуту – вроде тихо. Осмелела: подкралась к двери. Глазок тепло светится ярко-желтым. Думаю: вдруг там какой-нибудь монстр с перекошенной рожей. Нервы совсем ни к черту!..

Выдохнув, глянула: а это... соседская кошка копошится у двери напротив. Повадилась, бесстыжая, метить чужие коврики. Своим хозяевам, главное, ни-ни, а на другие – пожалуйста. Сколько раз ее гоняла, даже пиночила, коврик хлоркой поливала – не помогает!

От прилива праведного гнева позабыла о страхе. Распахнула дверь и высунулась в подъезд. Кошка зыркнула зелеными глазищами, зашипев и выгнув спину, рванула вниз, и в тот же миг метнулась серая тень, которая резким толчком зашвырнула меня обратно в квартиру.

...Высокий мужчина в длинном плаще. На голове черная вязаная шапочка с прорезями для глаз...

Удар в лицо – и виски пронзила жгучая боль. Еще удар... Я рухнула навзничь в коридоре, инстинктивно пытаясь закрыться руками. «Вот и всё... – замелькало в мозгу. – Вот и всё...» И – точно провалилась в темноту...

Придя в сознание, я обнаружила себя лежащей на кровати. Дико ныла голова. Сначала подумала, что это моя комната, потом с ужасом поняла – не моя... К тому же она была почти пустая. В глаза бросилось маленькое зарешеченное окошко под потолком. Рядом, на стуле, – человек в белом халате.

Он добродушно улыбнулся в густые усы:

– Проснулись, голубушка? Славненько! Подействовало, подействовало. Полежите немного, оклемайтесь. – Он напоминал Деда Мороза.

Другой голос прогудел:

– Ну, всё, поймали мы твоего маньяка...

Наступила весна. Я шла по улице. Прохладный резкий ветер дул в лицо, трепал волосы, студил уши и нос, силился забраться под пальто. На сырой земле местами пока лежал грязный снег, но было заметно, что он скоро исчезнет.

Деревья еще голые, кора влажная от таящего снега и дождей. Однако на ветках уже набухли почки, словно готовые взорваться праздничным зеленым салютом.

Иногда весеннее солнышко скромно выглядывало из-за несущихся по небу туч, и тогда мир преображался, становился ярче и веселей. Даже лица людей, измученных долгой зимой, становились светлее и добрее. Правда, сейчас весь мир был добр ко мне, а я к нему.

Сегодня меня выписали из клиники. Представляете: всё-всё про маньяка мне... привиделось. Виной тому болезнь...

Совершенно не помню, что происходило со мной на самом деле. Врач сказал, что сначала я просто сидела, будто в оцепенении, а позже начала буянить, кричать, бросаться на санитаров. Врачи решили применить более сильнодействующее лекарство, и оно подействовало, вернуло меня к реальности, но...

Но оказалось, что в действительности нет и не было никакого маньяка и замужем я никогда не была. А самое ужасное – и дочери никакой тоже нет... Но я же так явственно ее видела, вдыхала аромат волос, обнимала ее!.. Правда, доктор прописал мне успокоительное, и чувствую сейчас себя вполне удовлетворительно. Почти смирилась.

А мама у меня есть. Это я вспомнила. Но такой, прости господи, лучше бы и не было... Пьет она. Давно. Может, потому и я нездорова. Как подумаю о том, что опять придется

возвращаться в нашу общую квартиру... Лучше уж, пожалуй, в психушке сидеть.

Да, такое, конечно, со мной не впервые. Периодически лечусь. Каждые полгода. Иногда помню, что видела в своем сумеречном состоянии, хотя чаще не помню. Но в этот раз всё было очень отчетливо, как наяву. И потому еще долго не верила, что у меня нет ребенка, злилась, что врачи обманывают, что дочь украли, рыдала, рвалась искать ее...

Я присела на скамейку в парке. Снова ненадолго выглянуло солнце, ласково провело лучиком по щеке.

Слава Богу, у меня есть этот день и, смею надеяться, не только этот. Быть может, еще отведено мне время.

До следующего приступа.

ХОМЯК

*Над старым садом красотища:
Закатом солнце бьет в альков;
И собирает в сумку нищий
В траве снующих хомяков.*

История эта случилась ранней осенью, в ту неоднозначную пору, когда днем еще почти жарко, а ночью уже прохладно чуть не до дрожи. Короче, когда любой мало-мальски уважающий себя хомяк либо спит, либо, по хомячьему обыкновению, засовывает за щеку минимум недельный запас еды.

Иван Петрович Катасонов начал свое трудовое утро менеджера высшего звена с привычно бодрящей чашечки кофе. Крепкий напиток он, как заведено, принял из белоснежных ручек секретарши. Но еще недавно нежно улыбающееся прелестное создание сие держалось теперь подчеркнуто официально и даже холодно, словно Снежная Королева.

А виной всему стал пресловутый кризис. Автосалон «Ситроен», в котором последние полтора года Иван Петрович директорствовал, переживал не лучшие времена. Да что там не лучшие – худшие! Более того, автосалон оказался убыточным.

Ушлые акционеры понабрали кредитов, накупили себе крутых тачек (и почему-то не марки «Ситроен», кстати), еще, может, каких-то предметов роскоши, о которых Катасонов наверняка и не знал. Огромное помещение автосалона было взято в аренду, а продажи шли из рук вон плохо.

Почему? Директор много размышлял об этом. Давали рекламу – не помогает. На собрании акционеров пришли к выводу, что, похоже, просто не нравятся населению нашего го-

рода автомобиля марки «Ситроен». Может, внешне. Может, знак не кажется красивым. А, может, не знают, как произнести название и в результате вообще его не произносят. Небось думают: ну как правильно – «СитроЕн» или «СитроЭн»? А вдруг вообще «СитроЁн»? Вот и стесняются, не звонят и не спрашивают совсем.

В общем, со всех сторон была Катасонову «засада». Закрывать, увольнять сотрудников, самому увольняться? На личном фронте – тоже «йок»: с деньгами облом, а секретаршу, похоже, в основном в мужчинах привлекают именно они, эти жалкие шуршащие бумажки. Даже не смотрит в сторону бывшего уже возлюбленного.

«Что же делать и как быть? – морщился директор, грустно цедя черный кофе. – Чем бы заняться? И где заработать?» За этими мучительными мыслями застал его телефонный звонок, и ледяной голос секретарши произнес: «Вам звонит господин Федулкин. Соединить?»

– Федулкин?! – В голове взметнулся ворох воспоминаний, будто разлетелись желтые, потрепанные временем страницы старой толстой книги: – Федулкин... Как-как?.. Федулкин?!»

Откашлявшись, пробормотал:

– Соедини... те...

В течение тех секунд, что секретарша производила соединение, Катасонов вспоминал: «Да это же мой одноклассник! Веселый малый, но авантюрного склада. Мастак придумывать всякие штуки. В классе чудили с ним, бывало... Правда, не виделись с тех пор, как школу окончили. Что это он вдруг обо мне вспомнил?.. Поговаривали, успел когда-то и в «МММ» вложиться, и почелночить, и детали какие-то компьютерные возил из-за границы... Однако толку от этой кипучей деятельности вышло мало: деньги у него никогда не задерживались...»

– Алло, алло, Катасоныч, ты, што ль? – загудело в трубке.

– А это ты, Федул, што ль? – подыграл Катасонов. – Какими судьбами?

– Да так, понимаешь, дай, стукнуло в голову, другу позвоночнику, столько лет не общались, поинтересуюсь, как у него, то есть у тебя, дела.

– Дела? Как сажа бела! – невесело усмехнулся Иван Петрович.

– Что так, понимаешь? Где бодрость духа?

– Нету ее, – совсем помрачнел директор. – На работе проблемы.

– Эй, Катасоныч, ну если у тебя проблемы, то куда уж нам, понимаешь, простым смертным, деваться?

– Ох, я же в «Ситроене»...

– Да знаю, знаю, а то б не звонил.

Это «а то б не звонил» Катасонов отметил очень болезненно. Отметил и вздохнул:

– Так вот, закрывается «Ситроен». Нерентабелен.

– Вот это номер! – Даже в трубке было слышно, как Федулов всплеснул руками. – И что, понимаешь, денег мне не одолжишь?

– Федул, ну какие деньги? – еще тяжелее вздохнул Катасонов...

В общем, договорились встретиться часиков в восемь в их «школьном» кафе (теперь – баре), куда еще пионерами заскакивали пивка попить. А заодно и обсудить сложившееся тяжелое финансовое положение обеих высоких сторон.

Федулкин практически не изменился: такой же подвижный, с бегающими маленькими глазенками. Только лицо сделалось как-то грубее, и черты его заострились. Одет просто: пуховик, брюки. Пришел пешком. Уверял, что машину просто не стал брать: «Пить же будем, Катасоныч, ты чё?»

Зашли в бар «Калинка» – родное сердцу название. «А обстановочка-то другая», – отметил про себя Катасонов.

Теперь в «Калинке» царил синевато-красноватый полумрак, стояли массивные деревянные столы с такими же стульями. В конце длинного зала барная стойка, щедро украшенная разномастными спиртными напитками.

Прятели сели за один из свободных столов, и – понеслось! Рассказывали друг другу наперебой, как жили, на ком женились, у кого сколько детей. По детям «победил» Федулкин: у него их было трое, правда, от разных женщин. Зато по работе «выиграл» Катасонов: после школы отучился в институте, родители устроили в банк, потом ушел в строительную фирму, потом – в проектировочную компанию. И вот, наконец, попал в автосалон. Тоже по знакомству. Впрочем, это не важно, поскольку со своими обязанностями он справлялся, по крайней мере, до недавних времен. А Федулкин совсем неустроенный в этом плане. Институт бросил, ушел в армию. А после – ваучеры, финансовые пирамиды, сомнительные спекуляции. В общем, до сих пор так. Ничего не нашёл, квартиру свою – и ту оставил последней жене с двумя детьми. Правда, подумывал о размене. И тем не менее...

– Катасоныч, ты абсолютно не смыслишь в бизнесе! – гремел в запале Федулкин. – Фирма твоя, понимаешь, разваливается почему? Потому что ты не в ту сферу влез! «Ситроен», понимаешь!.. – Федулкин продребезжал «Ситроен» подчеркнуто издевательским тоном.

– А в какую сферу, по-твоему, надо? – промычал уже «хороший» Катасонов.

– Я тебя научу. Спасибо еще скажешь. Сейчас самая свежая, самая развивающаяся, но совсем еще не развившаяся ниша – это что? – Федул выдержал театральную паузу и выпалил: – Экология, вот что!

– Да ну-у-у?.. – На Катасонова буквально дохнуло сомнительным ветром перемен вперемешку с пыльным налетом дешевого маркетинга.

– А в экологии какая самая продаваемая тема? А, Катасоныч? – не унимался Федулкин.

– Не знаю я, – буркнул Иван Петрович, которому было совсем не до экологии.

Приглушенный гул разговоров вокруг сменился на вопли в караоке. Всё плыло в сигаретном тумане. Картина проис-

ходящего была размыта, а количество графинчиков, принесенных, унесенных и вновь заказанных, так и осталось для Катасонова неясным. Иногда в заторможенную реальность врывается крик Федулкина:

– Вот о чем я? Не знаешь? Правильно! – Он самодовольно улыбался. – Пра-виль-но! Еще мало кто знает. А я с тобой действую как с другом! Самое перспективное сейчас – зоология, понимаешь?..

Федулкин многозначительно взметнул в воздух указательный палец.

– Я, например, решил разводить крыс... Не-не, Катасоных, не делай кислую морду! Крысы разные бывают, понимаешь?.. Я собираюсь заняться разведением и селекцией лысых крыс, эдаких «сфинксов от грызунов»... И не надо, Катасоных, на меня так смотреть! Именно – «крыс-сфинксов»... Вот ты мужик образованный, с мозгами, понимаешь! Посуди сам: покупаю я пару крыс, девочку и мальчика, а через месяц-другой у меня их уже целая куча. Сдаю в зоомагазин или на рынок, и всё – я в наваре! Согласен?

– Ну... наверное... – вяло кивнул Иван Петрович.

– Что «ну, наверное», что «ну, наверное»! – ехидно передразнил его визави. – Посчитай сам, включи соображалку! Две крысы по шестьсот рэ. Так? То есть тыща двести наших кровных (на слово «наших» Катасонов не обратил внимания). Клетка, там-сям, всякие принадлежности для уюта и комфорта (пускай, пускай, крысы тоже люди, должны плодиться в достойных условиях): подстилка, поильник, корм – ну, еще тыща! А один мышшонок... тьфу, крысенок – минимум пятьсот рублей. А если штук десять сразу? А? Катасоных, считай, считай, это ж золотое дно! И родят они не раз в год, естественный самовосполняющийся ресурс, понимаешь! Резонно? – Федулов, самодовольно лыбясь, откинулся на спинку стула.

– Ну... да... – снова хмыкнул Катасонов.

– «Ну да»... – протянул Федулкин. – Я его, понимаешь, в сокровенное посвящаю, в секретные планы свои денежные,

а он – «ну да». Неблагодарный! – И, перегнувшись через стол, плеснул из початого графинчика еще...

Дальнейшие события почти не отпечатались в памяти Катасонова. Нервное напряжение последних недель, а то и месяцев, трезвый образ жизни, да и что уж там – возраст, уже ведь не мальчик – сделали свое черное дело: Иван Петрович напился фактически до отупения. Он помнил, правда, обрывками, что еще долго сидели в баре, что пели в караоке, пели и пили, пили и пели, а потом Федулкин отвез его домой на такси. Но всё это как-то смутно, как в тумане...

«...Хорошо, ох, хорошо, что нынче суббота и никуда не надо идти...» – проснулся, а точнее, очнулся Катасонов. Виски раскалывались, и страшно мутило. Собрав волю в кулак, он с трудом поднялся с кровати и побрел в ванную. Печально посмотрел на одиноко торчащую из стаканчика зеленую зубную щетку, открыл холодную воду на всю и сунул голову под кран.

Ледяная вода хлынула не слишком приятным потоком на его реденеющие кудри, потекла по щекам и носу, заливаясь в рот (что, впрочем, было сейчас даже кстати). Умывшись, а заодно и напившись вволю, он таки решился взглянуть на себя в зеркало. Еще вчера розовое лоснящееся лицо выглядело сегодня серым и каким-то ошетилившимся. С силой похлопал себя по щекам, но унылое выражение отражения в зеркале ничуть не изменилось.

Холодные капли стекали по шее и плечам. Катасонов замерз и, завернувшись в махровый халат, побрел варить кофе. Заварив и угнездившись в любимом кресле, подтянул к себе пепельницу и взял сигареты.

Смачно затягиваясь и отхлебывая кофе, Иван Петрович уже начал было думать, что всё не так уж и плохо... Но вдруг наметившуюся идиллию грубо прервал телефонный звонок. Катасонов аж вздрогнул. Номер был незнакомый.

– Катасоныч, дрыхнешь, что ли?! – кричал в трубке возмущенный голос Федулкина.

– А ты чего с утра пораньше людям жить мешаешь? – скривился Иван Петрович.

– Что-о-о?! – негодование Федулкина было жутко искренним. Катасонову даже стало немножко совестно за собственную бестактность.

– Во-первых, друг (Федулкин особенно четко отчеканил слово «друг»), уже полдень! (Иван Петрович удивленно обернулся к часам: действительно обе стрелки восклицательными знаками застряли на цифре «12».) – А во-вторых, мы ж договаривались! Ты что, забыл?

Катасонову стало еще стыдней, ведь он ничего не помнил. «Как бы ответить так, чтобы он не понял, что я забыл, а то решит, что я напился аж до провала в памяти...»

– Нет, друг! – Теперь уже Иван Петрович подчеркнул слово «друг». – Я не забыл.

– О'кей, – живо отозвался Федулкин. – Тогда звони водителю, насчет хомяков уже всё путем.

В голове у Катасонова воцарилась минута молчания. Наконец внутренний голос робко пискнул: «Хомяки? Какие хомяки?» И Иван не нашелся, что ответить. Нет, тут было уже не до поддержания имиджа, и он почти простонал:

– Да каких еще хомяков?!

– Катасон, ты чё, действительно не помнишь? – пробормотал Федулкин. Катасонов живо представил, как глаза приятеля расширяются, а брови неудержимо лезут всё выше и выше на лоб от возмущенного удивления. – Ну, надо же так нажраться! – резюмировал одноклассник.

Катасонов вдруг ощутил себя беспробудным пьяницей и чуть ли не преступником. Нет, ясно, что это Федулкин притащил его в бар, подливал и подливал, одну за другой, однако это же он, Иван Петрович Катасонов, собственной директорской персоной, нагвоздился до зеленых чертиков!

– Слушай, коли вообще ни хрена не помнишь, так уж и быть, напомню! – сердито прошипел голос в трубке. – Сегодня ты едешь в Сурков продавать хомяков.

– А что, в Суркове острый дефицит хомяков?! – изумился Иван Петрович. – И почему я?

– Ну, ваще! – загремел уже совсем зло Федулкин. – Пьянь, для кого я вчера целый вечер распинаясь?!

– Эй, полегче! – встрепенулся было Катасонов, но Федулкин не отдавал инициативу:

– Короче, готовь машину. Десять ящичков по десять штук хомяков. Все отборные, пушистые, джунгарские (правда, твоим пропитым мозгам это ни о чем не говорит), и всего-то по три доллара за штуку. Они уже почти готовы, записывай адрес.

Катасонов растерянно записал под диктовку адрес, по которому следовало забрать хомяков, а потом отвезти их в Сурков, тоже по определенному адресу. И постепенно он начал вспоминать кое-что из событий прошлой ночи. И разговор про лысых крыс, мышей и хомяков в том числе. Да-да, точно! Федулкин продал ему свой «сверхприбыльный бизнес» (именно так его описывал) за... пятьдесят долларов. Ну да, он лично купил у Федулкина этот хомячий бизнес за полста баксов. Дурдом какой-то! «Да чтоб я когда еще...» – внутренне простонал Катасонов. А вслух робко спросил:

– Слышь, Федул, мож, ну их, этих хомяков?

Взрывная волна возмущения захлестнула Федулкина:

– Чего-о-о?! Я как другу, а ты... Йэ-х-х-х! Да знаешь, кто ты после этого? Ему бизнес готовый, с людьми договариваюсь за него, всё на блюдечке, с, понимаешь, голубой каемочкой, а он морду воротит!

– Ладно-ладно, уймись, отвезу я твоих хомяков, – обреченно вздохнул Катасонов.

– Мои-и-х?! Э нет, брат, уволь, теперь они твои. И разбирайся с ними сам, понимаешь! – рывкнул Федулкин и бросил трубку.

Катасонов тупо сидел в кресле с блокнотом в руке и тяжкими раздумьями в голове.

«...Купишь по три доллара, продашь по четыре... Навар в чистом виде – семь тысяч рублей... Да это куда лучше, чем

твой задрипанный автоцентр... Еще спасибо мне скажешь!...» – звучал гулким эхом в мозгу голос Федулкина.

«А-а-а, черт с ним, смотаюсь в этот Сурков. Три часа езды, сдам хомяков – и семь тыщ в кармане», – вылез из кресла Катасонов, рискнув, наконец, позавтракать.

Но только сел за стол, снова звонок. На экране высветилось «Саня водитель».

– Иван Петрович, – послышался взволнованный голос. – Вы куда пропали? Мы же на двенадцать договаривались!

Кипучая умственная деятельность вновь развернулась в голове Катасонова. Саня работал в его автосалоне. Водил небольшой минивэнчик, которого вполне хватало для текущих нужд фирмы. Санёк был веселым, общительным малым и всегда легким на подъем.

Услышав его голос, Катасонов вспомнил наконец почти все! В том числе как уже за полночь звонил Саньку с просьбой отвезти его с хомяками в Сурков, и то, что пообещал ему за это пятьсот рублей.

«Мама родная...» – смятенно подумал Иван Петрович, а вслух важно молвил:

– Хорошо-хорошо, скоро буду...

Проклиная вчерашний вечер, Федулкина и хомяков, Катасонов поплелся на улицу. Уже в машине навалился новый приступ тяжелых раздумий плюс головная боль, которая то утихала, то разыгрывалась еще сильнее. К тому же боль была двоякой: в прямом смысле в виде распирающего черепную коробку похмельного синдрома и в переносном – в виде грядущего хомячьего бизнеса, который, еще не начавшись, уже казался убыточным...

Через час Иван Петрович с Саньком ехали в минивэне, салон которого был забит тарой с хомяками. Десять деревянных ящичков – как для посылок – водитель аккуратно разложил за перегородкой по сиденьям. А в самих наполненных сеном и опилками ящиках копошились перепуганные неожиданным путешествием милые пушистые создания.

Когда выехали из города, распогодилось, из-за туч показалось солнце и светило теперь прямо в глаза.

Санёк, нацепив прямоугольные солнцезащитные очки, по своему обыкновению шутил, цитировал классику, смешно произнося коронную фразу «I'll be back». Самочувствие Катасонова постепенно улучшалось, настроение тоже, чему способствовала и веселенькая музыка. Но вдруг – неприятность: километров за шестьдесят до Суркова наши путешественники попали в пробку.

Машины стояли друг за другом вплотную, двигались редко и очень медленно. объехать по обочине не представлялось возможным, поскольку обочины попросту не было: по краю дороги кусты, а за ними лесополоса.

Катасонов снова загрустил. Не радовали больше ни веселые песни, ни яркое солнышко.

В Сурков въехали уже ближе к вечеру. Вооружившись листочком с адресом, шустрый Санек прокладывал маршрут с помощью карты городка и опроса попадавшихся на пути редких местных жителей.

Ивана Петровича еще за время стояния в пробке размогло, и он и уснул. Проснулся от сильной тряски. Машина то подпрыгивала на кочках, то проваливалась в ямы. Александр, высунув от старания язык, пытался объезжать ухабы, но это было практически невозможно: дорога сплошь состояла из них.

– Скоро, уже скоро, Иван Петрович! Вот уже улица Революции, сейчас приедем, – подбадривал не теряющий бодрости духа водитель.

Наконец он торжественно провозгласил:

– Всё! Приехали!

В самом конце улицы Революции стоял большой старый бревенчатый дом, уже темный и какой-то сказочный в лучах заходящего солнца. Забор огораживал сам дом и яблоневый сад. На некоторых деревьях еще висели крупные яблоки. За забором улица заканчивалась и начинался лес.

Катасонов, поживаясь со сна, вылез из машины, постучал в калитку. Никто не отозвался. Он снова постучал. Санёк принялся звать хозяев. Ответа не последовало. Дом был пуст. Только яркое солнце красным светом освещало окно второго этажа.

– Может, я через забор махну? – предложил верный водитель.

Иван Петрович удрученно помотал головой. Он совсем опечалился: всё оказалось напрасно. Напрасно потрачены и время, и деньги. Напрасно они торчали в пробке и протаскали этих несчастных зверьков в душном, изрядно нагревшемся на солнце фургоне...

– Давай хоть заднюю дверь им откроем, пусть подышат, – вздохнул Катасонов. – Намаялись небось.

Санёк повернул ключ в двери, дернул ее на себя, и...

И из багажника посыпались, будто выкатился цветастый ковер, хомяки. Едва коснувшись земли, «ковер» рассыпался на мелкие лоскутки, и лоскутки эти бросились врассыпную, куда хомячьи глаза глядят. Только засверкали их маленькие розовые пятки.

Катасонов ошарашенно наблюдал, как примерно долларов тридцать нырнули под днище минивэна, а баксов сорок-пятьдесят, будто сговорившись, рванули в сторону леса.

Санёк растерянно метался, пытаясь поймать вырвавшихся из заточения беглецов. Иван же Петрович молча и тупо взирал на крах его бизнеса. Хомяки улепетывали, теряясь в зарослях высокой травы. В красноватых лучах закатного солнца зрелище было поистине завораживающим.

Проходивший мимо старик шустро скинул со спины рюкзак и с нестариковской прытью начал подбирать хомяков. Санёк коршуном накинулся на него и принялся отнимать добычу.

Катасонов безвольно опустился на пенек...

Наступил понедельник. День и сам-то по себе не из легких, а в свете случившихся накануне событий совсем даже тяжелый.

Всё было вроде как обычно, но почему-то, когда Иван Петрович вошел в салон, подчиненные повели себя странно: смущенно здоровались, стараясь не смотреть в глаза. Иван Петрович грешным делом подумал, что Санёк успел растрепать коллегам про их субботнее приключение и те смеются теперь над его, чего уж кривить душой, глупостью. Он поднялся на второй этаж, в приемной сидела секретарша. На приветствие шефа не ответила, даже не удостоила взглядом.

Но самое удивительное, что, войдя в свой личный кабинет, Катасонов узрел за собственным столом восседающего в его любимом кресле совершенно незнакомого типа.

– Иван Петрович? – оторвал тип глаза от бумаг.

– Да, Иван Петрович... – пробормотал Катасонов. – А... вы кто?

– Вас разве не предупредили? Я – новый директор автосалона «Ситроен», а вы здесь больше не работаете.

Иван Петрович хотел было, как давеча, присесть на пенек, но пенька, увы, рядом не оказалось. Зато оказалась секретарша.

– Вас проводить? Или помните, где выход? – усмехнулась она.

P.S. Основано на реальных событиях.

P.P.S. При написании рассказа ни одно животное не пострадало.

НАСЛЕДНИЦА

В Питере вовсю бушевала весна. Да-да, она самая, капризная питерская барышня, эдакая «столичная штучка», непредсказуемая и взбалмошная.

Синоптики со дня на день предрекали резкое похолодание и снег. Но ни того, ни другого всё не было и не было, а вот солнышко уже жарило что надо. И толстый соседский кот вылезал в форточку, разваливался на подоконнике и грел свое рыжеватое брюхо, отчего последнее с каждым разом становилось светлее.

Шеф каждый день выглядывал в окно и приговаривал: «Завтра, наверное, уже можно выносить столы на улицу». Народ с замиранием сердца ожидал этого момента. Редкий офис мог похвастаться тем, что расположен в самом центре прекрасного города Санкт-Петербурга, да еще имеет непосредственный выход на улицу, и не просто какую-то там, а на сам Невский проспект. Офис фирмы «Арт-спектр СПб» занимал два нижних этажа старинного здания на Старом Невском. Два нижних – это подвальный и полуподвальный. И как раз к полуподвальному этажу прилегала небольшая площадка, находящаяся ниже уровня асфальта и обнесенная высоким поребриком. Выйдя на эту площадку, даже не самый рослый сотрудник преспокойно мог наблюдать за тем, что происходит на Невском. Над площадкой навес, а над ним – балкон первого этажа. Там тоже квартировала какая-то организация.

Конечно, это было необычно и здорово, особенно весной. Но имелись и минусы: порой культурные питерские прохожие думали, что это просто подвал, и нет-нет да бросали

туда окурки и прочий мусор. Пару раз даже прилетали пустые бутылки, и директор неоднократно грозился огородить площадку сеткой, но всё как-то руки не доходили.

Однако имелся кроме бутылок и иной неприятный момент. Поговаривали (зачастую с плохо скрываемым ужасом в глазах), что когда-то, давным-давно к сотруднице, спокойно работавшей за столом на открытом воздухе, обратилась женщина. Она протянула той сотруднице карты и, ткнув в нее пальцем, произнесла страшное проклятье, пообещав, что через три дня та умрет. Представляете? И ровно через три дня несчастная преставилась...

Никто в коллективе не был свидетелем этой животрепещущей сцены, никто не знал ни имени бедняжки, ни ее должности и обязанностей. Но каждому новичку история сия преподносилась так, что кровь стыла в жилах.

Правда, новичков в фирму брали крайне редко, поскольку коллектив был полный и устоявшийся. Но иногда все же брали. Последний раз совсем недавно, в связи с возникшей потребностью в помощнике главного дизайнера. И этим помощником стала я.

– Лида, не обращай внимания, это полная чушь, – добродушно улыбался директор, не впервые выслушивая пересказ жуткой истории про несчастную сотрудницу и страшную женщину. – Не было ничего подобного, я тут уже без малого двадцать лет директорствую.

При этом он смотрел на подчиненных, как смотрит любящий, но строгий отец на расшалившихся детей.

– Что вы, что вы, Валерий Палыч! Вы просто забыли! – восклицали «дети». Хотя никто, повторюсь, не мог назвать даже приблизительной даты происшествия, причины смерти и имени-фамилии той несчастной.

Особенно не унимался Влад – наш программист и сисадмин:

– Ты не веришь? Да мне лично Дмитрий Васильевич рассказывал, а он мужик серьезный, отставной военный, зачем

ему выдумывать? Так что из первых рук, из первых рук! – тараторил Влад, таращась на меня своими круглыми рыбьими глазами.

(Дмитрий Васильевич – старичок, работавший здесь сторожем лет десять назад. Разумеется, не доверять ему у меня не имелось оснований, хотя не имелось оснований и доверять.)

Еще про Влада. Глаза были самым заметным и запоминающимся элементом его внешности. Выпуклые и почти бесцветные, они закрывались удивительным образом: не верхним веком сверху, а сразу верхним и нижним, встречавшимися где-то посередине глаза. Эта особенность придавала его лицу особую загадочность. И внешнему облику Влада вполне соответствовали некоторые странности поведения. Он был замкнут, необщителен, однако, несмотря на эту замкнутость, все знали, что он интересуется астрологией и гаданием и рад бы кому-нибудь погадать, да желающих не находилось.

И поскольку я работала в фирме лишь пару месяцев, объектом своих гадательно-астрологических домогательств систем админ выбрал меня. Сначала мы вроде общались. (Да поначалу всё равно было, с кем общаться.) Он обещал составить мой личный гороскоп, но дальше обещаний дело не пошло. Впрочем, мне это было и не нужно; Влад стал мне уже неинтересен, и наши контакты ограничивались теперь только служебными моментами.

А однажды произошел не слишком приятный инцидент. Я в одиночестве задержалась на работе допоздна, подчищала проект. Уходя, надо было поставить офис на охрану и запереть дверь. Уже выключала компьютер, когда вдруг возникло ощущение, что за спиной кто-то есть. Обернулась – у двери, шагах в десяти, стояла темная фигура. Я вскрикнула. Могу представить, какой у меня был испуганный вид!

Это был Влад. Он судорожно замахал руками: «Что ты, что ты! Я не хотел тебя напугать! Забыл флешку!» Ну, не знаю, может, я не услышала ни стука двери, ни шагов... Лишь поз-

же обратила внимание на эту его манеру – двигаться тихо и вкрадчиво.

Но этот казус – сущий пустяк по сравнению с тем, что произошло дальше... Впрочем, по порядку.

* * *

Утро понедельника, вопреки народным приметам, выдалось на редкость приятным. Настроение – просто великолепное, чему способствовала сама природа: ярко светило солнце, и небо голубое-голубое. А воробьи раздирались так, что мы с девчонками решили: у них там свой, воробьиный рок-концерт. И выступает, как минимум, пернатый аналог бессмертного «КиШа»... Даже Танюха, вопреки обыкновению, не смогла подпортить нам утро: душ находился в осаде всего минут тридцать.

Ввиду этих радостных мелочей (а, может, вовсе и не мелочей) я решила, что настала пора надеть любимое светло-розовое платье. Нет, не такое розовое, что прям поросычье, а такое, что даже и персиковое. В общем, мне, жгучей брюнетке, оно очень шло.

Дернула шпингалет, распахнула окно, и ветер дунул в лицо свежестью и ароматом странствий...

И вот она я, бодро вынырнувшая из тусклого метро, рассекаю на шпильках по залитому солнцем Невскому. Притормозив у ларька, купила свою любимую печеную картошку. Это обед.

На работе уже почти все. Довольные и веселые. Таскают столы и стулья, документы и ноутбуки, расставляя их в закутке на улице. Невский гудит, Невский гремит, и улыбки не сходят с лиц сослуживцев.

Немного обиделась, что пропустила «торжественное открытие», но обида забылась моментально, и меня закружила общая суматошная суета.

Через минут пять я обнаружила себя с ведерком и тряпкой в руках, усердно оттирающей благородную питерскую

пыль с двери, которая не открывалась полгода. Эта «важнейшая и ответственнойшая миссия» была поручена мне как новобранцу и самой молодой в коллективе. Да особо не возражала: люблю, когда чисто.

Я терла стекла, а пробегающие мимо коллеги восхищались моим талантом прирожденного мойщика дверей. Но наконец все начали втягиваться в обычный служебный ритм.

А действительно, приятно работать на свежем воздухе. Правда, надо немного приспособиться, а то солнце падает на экран... Чуть подвинула стол. Теперь отлично! Хотя поначалу отвлекали прохожие. Они не приближались к краю, не заговаривали, не мешали, и видны были только их ноги и капельку того, что повыше. Но все равно возникало довольно неуютное ощущение... незащищенности. К такому предстояло еще привыкнуть.

Перед обедом народ разбрелся кто куда: погулять, поесть, покурить. На площадке остались я, Влад и Катя – милая, симпатичная девушка. Катя, похоже, взяла надо мной шефство, помогала и подсказывала по работе.

Мы решили никуда не ходить, и я развернула свой деликатес прямо на столе. Приятно потянуло печеным и грибами. Я уже занесла было ложку над картошкой, как вдруг возникло неприятное чувство, будто за мной кто-то следит. Покосилась на Влада. Тот сидел неподвижно, уставясь вверх, и лицо его выражало ни много ни мало – испуг. Я тоже подняла голову...

Над нами, склонившись к нашей площадке, стояла пожилая, морщинистая женщина в длинном белом платье-балახоне и светлом платке, которая, не отрываясь, смотрела на меня. Внезапно стало очень холодно и очень неуютно. И Катя, словно в оцепенении, тоже глядела на странную женщину. Незнакомка стояла молча, заслоняя собой солнце, так что рассмотреть лицо было невозможно.

Внезапно она вскинула руку, и что-то полетело в мою сторону. Я инстинктивно отшатнулась, не понимая, что это, и...

И на стол плюхнулась рассыпавшаяся разноцветной дорожкой колода карт. Несколько штук упало на пол.

– Выбери три карты! – низким басом прогудела женщина в белом.

Я было фыркнула: ага, заняться, мол, больше нечем, ну и вообще, с какой стати?.. Но тут «удружил» Влад: шустро подал мне упавшие карты. Катя никак не реагировала на происходящее – испуганно молчала.

Я взяла у Влада карты, и...

И даже не успела на них глянуть, как сверху раздался уже не бас, а истошный визг:

– Повешенный, повешенный, повешенный!..

Жуткая тетка ткнула в меня длинным узловатым пальцем и забормотала какие-то непонятные слова (уже потом мы сообразили, что, похоже, на латыни).

Я ничего не понимала, пребывая в шоковом состоянии. И только когда она, грозя этим своим корявым суставчатым пальцем, прошипела:

– А теперь ты умрешь! – вскочила и неожиданно для себя завопила как резаная:

– Сама сдохнешь! Сама!..

Жуткая баба моментально отпрыгнула и бросилась прочь. Очень резво, невзирая на возраст, и быстро затерялась в толпе.

– Что, что случилось? – прибежал взволнованный директор. – Лида, Катя, что это было? Кто кричал? Лида, ты?.. А это что такое? – уставился на меня директор.

Я держала в руках карты, на одной из которых красовался перевернутый шут.

* * *

Меня отпаивали молоком. И валерьянкой. Сочетание на первый взгляд дикое, но, как оказалось, весьма действенное. Директор налил еще и коньяку.

– Что вы, Валерий Палыч! Мне вечером в институт, – отнекивалась я, а он совал и совал мне рюмку. Устав уговаривать, «хлопнул» ее сам – не пропадать же добру.

Коллеги наперебой сочувственно уверяли, что всё это ерунда и чья-то глупая шутка. И что никакой умершей из-за карт сотрудницы не было в помине. А подобные байки вещают ради прикола каждому новому сотруднику.

Я вернулась в полупустой офис. Почти все были на площадке, хотя теперь пребывание на свежем воздухе явно не доставляло им прежней радости. В конце рабочего дня народ стал заносить свои столы и стулья обратно в помещение. Все смущенно прятали глаза, точно были чем-то передо мной виноваты.

Подошел Влад, но остальные дружно на него набросились, и, сокрушенно качая головой и бубня под нос: «Плохая карта... плохая карта...», он махом ретировался.

Посоветовавшись, коллеги решили, что нельзя отпускать меня одну и общим голосованием в провожатые выбрали Геннадия Афанасьевича, мужчину хоть и немолодого, но крепкого. И, как ни отказывалась, он твердо заявил, что доведет «бедную девочку» до самого института. Правда, на улице все же удалось убедить его ограничиться посадкой меня на маршрутку.

Пока ждали маршрутку, Геннадий Афанасьевич успел вкратце поведать историю своей долгой творческой жизни. В общем, отвлекал как мог, от очень даже одолевавших грустных мыслей. Неведомое ранее чувство тревоги словно охватывало и сдавливало ощутимым кольцом... И вот уже я смятенно представляла себе выскакивающую из очередной маршрутки женщину в белом с нацеленным на меня пистолетом... Но тут Геннадий Афанасьевич, завершая один свой рассказ, начинал следующий, и эти побасенки не давали окончательно удариться в панику.

Наконец подъехала моя маршрутка, номер 11. Поблагодарив Геннадия Афанасьевича, прыгнула в салон.

Я люблю ездить с работы в институт: по пути весь Старый Невский, Дворцовая площадь, Нева... В Питере шутят: нет смысла делать цветные фотографии – все равно выйдут черно-белыми. Но только, конечно, не летом. Летом питерская картинка преобразается до неузнаваемости и расцветает яркими красками. Тут уже и зеленый – деревьев и клумб, и голубой – неба и воды, и – золотой, до боли в глазах, шпиль Петропавловки...

«...А ведь если б осталась в Москве, то и не было бы сегодняшнего происшествия», – мелькнуло в голове. Нет, как ни старалась переключиться на что-то другое, – не получалось.

От остановки до учебного корпуса надо было немного пройти. И тут я пожалела, что отказалась от услуг Геннадия Афанасьевича. До пары всего десять минут, и я решила срезать путь – не по набережной, а дворами. Оставалось лишь перебежать дорогу, по обеим сторонам которой росли деревья, образуя небольшую аллею. Вечерело, зажглись фонари. Свет от них запрыгал, перемежаясь с тенями густых крон. Подул свежий ветер с Невы, сразу похолодало, и тут...

И тут я заметила, что меня догоняет человек с собакой на поводке. Ничего необычного в том, что мужик выгуливал своего питомца, не было: здесь часто «паслись» собачники с домашними любимцами. Однако насторожило другое: у него были забинтованы голова и лицо. Свободной оставалась только полоска для глаз...

Я ускорила шаг, а потом и побежала. Обернувшись на миг, увидела, как этот тип спускает с поводка рвущегося ко мне бультерьера.

Неожиданно из-за угла показался другой человек и тоже с собакой. Уж насколько разбираюсь в породах, огромной кавказской овчаркой. Мгновенно оценив ситуацию, он скомандовал своей грозной псине: «Фас!»...

Разумеется, я была благодарна этому случайному спасителю, но смелости остаться до конца битвы не хватило. Влетела

по порожкам в институт и ворвалась в аудиторию. Как проходили пары, помню смутно: все мысли занимали события минувшего (хотя – минувшего ли?) дня... Бультерьер, его забинтованный, как мумия, хозяин, «благородный рыцарь» с овчаркой, женщина в белом – этот кошмарный калейдоскоп с трудом помещался в голове...

Раздался очередной звонок на перемену.

– ...Эй, а ты из Москвы приехала? – прервал мои мысли голос ярко покрашенной блондинки с соседней парты. – Столичная мадам, да?

И несколько девчонок заулыбались, многозначительно переглядываясь.

– Мадам?.. – озадаченно переспросила я, еще не понимая, что им нужно. – Вообще-то, мадемуазель... Ну да, я приехала из Москвы. А что в этом такого?

– Да нет, ничего! – захихикали однокурсницы.

– Я вот, например, из Саратова, – процедила одна.

– А я из Курска, – пробасила толстая девушка с передней парты.

– Ну, эти, понятно, из провинции, – снова вступила блондинка. – А вот ты-то почему из Москвы свалила? – И залилась звонким смехом.

– Вас волнует? (Спокойствие, только спокойствие!) – Я взяла сумочку и вышла из душной аудитории. Неприятно, очень неприятно. И какая муха их укусила?

В коридоре дышалось легче, но всё равно было жарко. Встала у окна.

– Не обращай внимания, – подошел наш сокурсник Максим. – Просто завидуют!

Я дернула плечом:

– Да стараюсь...

А сама подумала: неужели кто-то, возможно, позавидовав, и впрямь сглазил мое везение? И что-то пошло не так.

Я родилась в Норильске. Особо о том периоде биографии и вспомнить нечего. Сохранились только ощущения.

И одно из ярких – постоянный холод. Потом родители переехали в Москву. Жили мы хорошо. Мама с папой очень любили друг друга (и любят до сих пор) и нас с сестрой тоже. С деньгами проблем не было. Папа работал, а мама воспитывала нас и вела домашнее хозяйство. Два года назад сестра вышла замуж, и наши родители уже счастливые бабушка с дедушкой.

А я, сколько себя помню, обожала рисовать. Рисовала всегда и везде. Родителям это увлечение нравилось, и они всячески его во мне развивали. Когда оканчивала школу, на семейном совете решили: я должна ехать в Питер поступать в Институт имени Репина. «Девочке надо привыкать к самостоятельности», – изрек папа, и мама традиционно с ним согласилась. Я тоже была не против: мне очень нравился Петербург. Вот так и очутилась здесь. Поступила на вечернее отделение, удалось недорого снять комнату в общежитии. Устроилась на работу, повторяюсь, тоже вполне удачно – помощником главного дизайнера. Нормальная зарплата, неплохой коллектив...

Зазвонил телефон. Я достала трубку. Это была Катя: «Лида, ты как? Всё в порядке?» Потом голос пропал, в телефоне зашипело, и раздался сигнал отключения. Вообще-то в стенах института мобильная связь была не очень. Спустилась на первый этаж, вышла во двор. Просторный двор, обнесенный красивой чугунной оградой, разделял на две части забор из металлических прутьев, разграничивающий институтскую территорию и территорию здания художественной школы при институте. Двор был почти пуст, лишь за углом топталась кучка курящих студентов.

Я набрала Катин номер. Теперь она не брала трубку. Да понятно: у Кати двое деток, она не всегда может сразу ответить на звонок.

Неожиданно (как и, увы, слишком многое сегодня) тишину вечера взорвал рев мотора. По пустынной дороге на огромной скорости приближался большой черный мото-

цикл. И мотоциклист был во всем черном, голову и лицо скрывал шлем. Заложив крутой вираж, он влетел во двор и рванул в мою сторону.

Сердце упало в пятки, но, к счастью, я стояла рядом с забором и, прошмыгнув между прутьев, оказалась на территории школы. Байкер остановился, явно раздумывая, что делать дальше. Я побежала к воротам, а черный начал разворачиваться, похоже, намереваясь перехватить меня там. Но зачем?! Неужели, чтобы убить?..

И вдруг я заметила за оградой проходящего как раз под уличным фонарем человека. Сразу узнала его: да это же известный питерский актер Леонид Савельев!

Я подскочила к ограде и, вцепившись в ее витые прутья, пискнула:

– Помогите...

Ура! Он остановился!

– Помогите, пожалуйста, – прошептала я, – за мной гонятся...

Савельев оглянулся и увидел черного мотоциклиста, который, отъехав метров на сто, теперь наблюдал за нами.

– Понял. Лезьте через ограду! – мгновенно сориентировался Леонид. – Поймаю.

(Как это – лезьте?.. Я же на каблуках...)

– Да быстрее! – торопил актер.

Вновь раздавшийся рык мотора ускорил эвакуацию.

...М-да-а-а, картина наверняка была занятной. Влезть-то я влезла, но вот спуститься уже не могла. Каблук застрял в кованых соцветьях, а платье зацепилось за изогнутый листок великолепно воплощенного арт-деко.

Леонид поднял руки:

– Ловлю, прыгайте!

Я вытащила ногу из туфли, отцепила подол и, зажмурившись, прыгнула вниз.

«Хоть бы институтские не видели...» – промелькнула в полете мысль.

Леонид ловко поймал меня, опустил на землю. Гм, представляю натюрморт! Взъерошенная, в одной туфле... Бросила взгляд на институт: почти у всех окон, где горел свет, точно публика в театре, торчали зрители.

– Быстрее! – снова скомандовал Леонид, схватив меня за руку, и мы побежали, как оказалось, к его машине.

– А туфля? – ковыляя, заныла я.

– Да бог с ней!..

Правда, вдоволь поупиваться горем от потери не удалось: машина оказалась недалеко. Вскоре мы уже отъезжали от института. Последнее, что я увидела, пока Леонид выруливал на дорогу, были ярко-желтые окна альма-матер с прилипшими к стеклам любопытствующими силуэтами и темная фигура на громадном мотоцикле.

* * *

– ...Андрей Леонидович, простите, но всё пошло... не совсем, как планировали... – Мотоциклист в черном отнес подальше от уха телефон, в который что-то громко кричал недовольный мужской бас. Потом он виновато пробормотал: – Да нет, нет, я только хотел... – Но собеседник уже бросил трубку.

Вздохнув, мотоциклист перезвонил еще раз. Выслушав новую сердитую тираду из разнообразных словосочетаний и предложений, ухитрился, наконец, подать голос.

– С нею был актер... Ну, может, вы его знаете... Леонид Савельев...

На другом конце виртуального провода воцарилась тишина. Затем – еще пара фраз, уже без крика.

Дослушав до конца, мотоциклист кивнул:

– Хорошо, понял... – И отключил телефон.

«Надо позвонить Торбину, пробить адресок», – подумал он, заводя мотор.

Институт мгновенно остался позади. Моя «Ауди» набрала 100 км за семь секунд и стрелой летела вдоль набережной. Новая знакомая молча отвернулась к окну. Блики придорожных фонарей скользили по черным волосам, тонким рукам, длинным пальцам... Гм, недурна, недурна...

– Давайте, что ли, знакомиться? – вздохнул я. – Леонид... – Снова вздохнул и зачем-то добавил: – Васильевич.

Девушка обернулась:

– Лида.

И всё. Лида. Большие темные глаза. Просто Лида.

– Ну, поведайте уж своему спасителю, от кого мы бежим, – притормозил я у обочины.

Она опустила глаза:

– Сама не знаю...

(Интересное дело! «Умоляю, помогите, за мною гонятся!..»)

– А уверены, что гонятся именно за вами? – хмыкнул я.

– Уверена.

Вот так. Без тени сомнения. А после рассказала о весьма странных событиях минувшего дня. Оказалось, что она работает в какой-то рекламной конторе, приехала из Москвы, где жила с родителями. Меня поразила ее откровенность. Лида говорила так, будто мы знакомы уже много лет, просто долго не виделись... «Доверчивая, – подумал я. – Даже слишком. Не предполагал, что такие еще встречаются. Тем более из Москвы...»

Злоключения Лиды неприятно меня удивили. Кому понадобилось запугивать бедную девушку? Кому могло помешать или чем-то навредить это безобидное создание?

– А, может, это ваш бывший молодой человек? – предположил я.

– Да что вы, нет у меня никакого бывшего! – покачала головой Лида.

«А нынешнего?» – мысленно задал вопрос, но благоразумно не озвучил.

– Отвезите меня, пожалуйста, в общежитие, – тихо попросила девушка.

– Конечно-конечно, – спохватился я. – Уже поздно.

Лида назвала улицу. Я включил навигатор. Улицу-то эту знал, но так, на всякий случай. И минут через двадцать затормозил у общежития.

– До свидания, – сказала Лида.

– Всего доброго, – кивнул я.

Она вышла из машины и, держа в одной руке сумочку, а в другой одинокую туфлю, медленно направилась к подъезду.

«Дурак, дурак, не спросил телефон!.. Хотя к чему тебе ее телефон, разберись сначала с Верой...» – замельтешили в голове мысли.

Но вдруг Лида вернулась.

Я вышел из машины.

– Спасибо... – Она поднялась на носочках и неловко ткнулась губами мне в подбородок. В общем, куда смогла дотянуться.

И не успел я опомниться, как девушка скрылась за огромной металлической дверью. А я стоял и тупо смотрел ей вслед.

Потом сел в машину и, твердо решив приехать завтра с утра, чтобы перехватить Лиду до ее работы, начал разворачиваться, и тут... И тут увидел в зеркало скользнувшую в дверь общежития тень.

Резко нажал на тормоз, выдернул ключи из замка зажигания и бросился к общежитию. Несколько прыжков – и я уже в вестибюле. В полумраке при мутном свете слабой пыльной лампочки разглядел тоненькую фигурку девушки и напавшего на нее человека.

Я кинулся на него. Я рычал, как лев, я бил его, рвал его на части... По крайней мере, мне так казалось. Однако мерзвец сумел вывернуться и рванул на улицу.

Я посмотрел на свои руки. На них была его кровь.

* * *

...Черт побери, не дрался... лет десять. Да даже больше! Нет, ну съемки не в счет, съемки – это постановка, всё спланировано заранее, удары и любые телодвижения отрепетированы, эмоции и чувства предписаны и даже прописаны. А тут – настоящая драка! Из-за девушки. И я вышел победителем! Жаль, конечно, что упустил негодяя, страшно жаль...

Лида сидела на полу у стены. Я помог ей подняться.

– Ты в порядке? – И сам удивился, что перешел на «ты».

– Да-а-а... – всхлипнула она. – В порядке...

– Едем отсюда! – И удивился себе еще раз.

Мы вышли из общаги, сели в машину. Девушка сжалась на сиденье в комочек. Темные волосы упали на лицо.

– Поедем ко мне, – сказал я.

Она вскинула голову, в глазах тревога. Успокоил:

– Не волнуйся, переночую у друга.

Подъехали к моему дому. Я помог Лиде выйти. «Да она же босая! Может, донести ее до квартиры? Нет-нет, это неприлично», – подумал и... подхватил девушку на руки.

– Что вы, пустите! – пискнула Лида, но особо не сопротивлялась, чем я был вполне доволен. Пушинка в руках, маленький теплый воробушек... Эй, старик, ты чего?!

Я показал ей, где кухня, ванная комната. И спальня. Попросил не стесняться и извинился, что в холодильнике только пельмени – дежурная и почти уже любимая моя в последнее время еда ...

И я таки взял у нее номер телефона – теперь это было просто необходимо.

– И никому не открывай. Открою сам. Завтра... то есть уже сегодня утром. Да, и отпросись, пожалуйста, с работы.

Спустился во двор. Сел в машину. Ну и куда мне сейчас? Решил: заночую в машине. Конечно, можно, например, снять номер в ближайшей гостинице, но было тревожно: вдруг за нами следили.

Ночь я провел в какой-то липкой полудрёме. Ныла щека, и саднила рука. На щеке ссадина, и сбиты костяшки пальцев. «Вот они – следы славной победы!» – самодовольно хмыкнул я и наконец отключился.

* * *

Несмотря на далеко не полноценный сон, проснулся я довольно бодрым. Сгонял в магазин и накупил не свойственной мне еды: всяческих красивых баночек, бутылочек, фруктов и сладостей. Ну, не знаю уж, чем там питаются юные небесные создания...

Поднялся на лифте, подошел к двери, повернул ключ в замочной скважине и...

И страшно удивился, увидел Лиду... сидящей в коридоре на пуфике.

– Ты что тут делаешь?!

– Сижу, – смущенно улыбнулась она.

– Ты не спала?

– Не спала.

Гм... Но не стал больше ни о чем спрашивать.

– В общем, так. Звони на работу, потом поешь, а потом ложись спать. Поняла?

Девушка кивнула.

Правда, звонить на работу было еще рано, поэтому она позвонила директору и вкратце поведала о случившемся. Обо мне, правда, не упомянула. По контексту разговора я понял, что директор вроде проникся сочувствием и не против ее временного отсутствия. Однако насколько временного?..

– Он спросил, не требуется ли мне помощь, – положив трубку, вздохнула Лида. – А я и сама не знаю, чем он может помочь.

Этого я не знал тоже. Но вот чем могу помочь я, знал уже точно.

* * *

Из-за треволнений минувшего дня всю ночь не сомкнула глаз. И кроме того... как бы сказать... Ну, не смогла я заста-

вить себя лечь на его кровать. Села на пуфик в прихожей и думала, думала, думала... Хотела было позвонить родителям, но вовремя опомнилась: к чему пугать их ночью? Сначала поем, выплюсь, а после позвоню.

Леонид... Господи!.. Он нравился мне всегда... Ой, ну, как актер, конечно. Нет-нет, не так, чтобы сильно, но видела его фильмы, он хорошо играет... И вот я у него дома! И он хочет, чтобы я уснула? Как же, уснешь тут!..

– Лида, завтракать, – донесся из кухни его голос.

«Слушайте, он еще и завтрак мне готовит!.. О, только не взорвись, мой бедный маленький мозг!..» – взывала я к собственному разуму по дороге на кухню.

А там уже стояли разные баночки с йогуртом и творожками, дымилась тосты и чай.

Я немного поела и поблагодарила Леонида. Он пожал плечами:

– Не за что. Теперь спать.

И спать действительно страшно хотелось. Невзирая на смущение, едва дойдя до кровати, я будто провалилась в забытье и...

И очутилась в ярко освещенном зрительном зале. Огромный, с отделанными золотом стенами и гигантской люстрой с настоящими свечами... Казалось, их там тысячи, и все вместе они пылали как солнце. А рядом возникла моя одноклассница – крашеная блондинка, которая доставала меня вчера в институте.

– ...Вот ты сидишь, ходишь, и спина у тебя всегда прямая... Это ты нам свое превосходство показываешь? Подумаешь, москвичка!.. – состроила она брезгливую мину и исчезла.

Зал был пуст, но на сцену выплыли зыбкие, как бестелесные призраки, балерины в белоснежных пачках. Они двигались медленно, друг за другом, старательно вытягиваясь на пуантах и поднимая руки над головой. Внезапно одна из балерин, спустившись со сцены, поплыла в мою сторону. Приблизившись, она вытянула руку и, ткнув чуть ли не в лицо

прозрачным пальцем, взвизгнула: «Умрешь! Умрешь!..» Ангельский лик вмиг обезобразился, челюсть выпятилась, глаза почернели, брови стали густыми и срослись на переносице, а палец начал вытягиваться и извиваться, подобно змее. Я вскочила с кресла и бросилась прочь из зала. Палец – следом. Я в дверь, он – за мной, в вестибюль, к выходу – не отстает... Только бы не докоснулся до меня!.. «Не тронь! Не тронь!» – завопила как ненормальная...

– Лида!.. Лида!..

Я открыла глаза – взволнованный Леонид:

– Господи, страшный сон?

– Да, – вздохнула я. – Палец приснился.

– Палец?! – изумился Леонид и улыбнулся: – Оригинально!

Его улыбка и искорки в светло-зеленых глазах... Вот улыбается снова, вот смотрит, теперь что-то говорит... Мужественное лицо, прямой, с небольшой горбинкой нос, тонкие губы... А я не смотрю, нет, я люблюсь. Надеюсь, это не очень заметно. Поглядывает на меня искоса, когда думает, что не вижу... Заметил? Всё, прекращаю любоваться, а то вдруг еще вообразит, что он мне нравится...

– ...не волнуйся, все будет хорошо. И не забудь отключить телефон. – Наконец я начала его слушать. – Ну что, едем?

«А куда? И о чем он вообще? Но не сознаваться же, что минут пять провитаала в облаках...»

– Едем-едем, – согласилась я. Да, в конце-то концов, какая разница, куда, лишь бы с ним.

* * *

Сначала мы поехали в общежитие.

– Я пойду с тобой, соберешь вещи. Только самое необходимое.

М-м-м-мда-а-а... Зря он это затеял, зря... Л е о н и д С а в е л ь е в в девичьей общаге!..

Его мигом окружили юные обитательницы сего муравейника с мольбами об автографе и фото. Даже наша вахтерша

тетя Ася, напрочь забыв о своем радикулите, ринулась к неожиданному гостю. «Ты мне никто, а я уже ревную», – пришло меланхоличное в голову, пока наблюдала за этой сценой. А Леонид... О, Леонид улыбался всем так же мило, как мне, и охотно раздавал автографы. Не стала его дожидаться и пошла в свою комнату собирать «самое необходимое». Через несколько минут явился и он.

– Еле отбился. Ну, извини, это тоже часть моей работы, – развел руками.

Неужели оправдывается?

* * *

Всю дорогу мы разговаривали. Спокойно, без напряжения, без долгих неловких пауз и нарочитого вымучивания тем. Правда, поначалу говорил в основном Леонид, а мне все же приходилось преодолевать некоторую зажатость.

За окном сперва мелькали многоэтажки и автомобили, потом частные домики, потом одни деревья. Я осмелела: стала рассказывать разные смешные истории из своей жизни. Он тоже. Ему, конечно, было что рассказать. И всё так интересно! И так здорово, в лицах! Даже подумала, что... старается, что ли. Хотя... вряд ли. Перед кем тут стараться? Публики нет, зрительница – одна я.

Через пару часов (да-да, ехали почти два часа) показалась какая-то деревенька. Старенькие домики, покосившиеся заборы, цветущие деревья, и кругом – зелень. Мы остановились у небольшой избушки, подошли к калитке изгороди.

– Баб Маш! – гаркнул во весь голос Леонид. Я аж подпрыгнула от неожиданности, а он прикоснулся рукой к моему плечу: – Испугалась? Сейчас еще громче кричать буду, она старенькая, плохо слышит.

И мы стали голосить вместе.

На пороге появилась седая старушка в ситцевом платье и, сойдя со ступенек, посеменила к нам:

– Лёвушка, Лёвушка приехал!..

«Интересно она его называет – Лёвушка», – подумала я.

Старушка открыла калитку. Леонид крепко обнял ее:

– Здравствуй, баб Маша! – И, глядя сверху вниз: – Ну, как ты тут?

– Да всё, милый, хорошо, – улыбнулась старушка, плавно повела рукой в мою сторону: – Проходите, гости дорогие!

Мы прошли. Сначала по саду, который встретил нас огромными букетами белоснежных цветущих груш, яблонь и слив. Я будто попала в сказку, в подобие того сада, в котором Герда забыла обо всем на свете, даже о Кае.

А потом вошли в добротный, чистый и уютный домик. Крашенный деревянный пол, ажурные занавески, иконки с горящей лампадкой в углу, вязанные салфеточки.

Бабушка усадила нас за стол и начала суетиться. Вскоре на столе выросла целая батарея всяческих солений, варений и прочей вкуснятины, а она принялась замешивать тесто.

На вопрос Леонида, к чему столько еды, ответила: «К пирожкам». А мои стремления помочь пресекла на корню: «Отдыхай, милая».

После обеда бабуля внимательно выслушала краткий рассказ Леонида про мои злоключения. Без тени колебаний предложила:

– А оставайся-ка здесь, деточка. И сама схоронишься, и мне веселей!

Я вопросительно посмотрела на Леонида.

«Оставайся, деточка», – хозяйке в тон проговорил он с улыбкой.

«Деточка»!.. Он назвал меня «деточка»!..» – вспыхнула я.

А Леонид забил холодильник купленными в городе продуктами и, откланявшись, уехал.

* * *

Я сидела в саду на скамейке и думала. Помимо прочего, еще и о том, что в последние дни слишком много думаю. Леонид меня спрятал. Баба Маша оказалась его родной бабушкой. Мне было с ней очень интересно: старушка много рассказывала про свою жизнь и, стыдно признаться, учила меня готовить. В общежитии я жила недолго, да и готовили соседки по комнате. Зато на мне была уборка, с чем, кстати, неплохо справлялась. С бабой же Машей мы делали тесто, пекли пирожки с разнообразными начинками, варили борщ и жарили картошку на сале. Сложнее всего мне давался борщ.

Но в какой-то момент начала нервничать. Я здесь уже три дня, а Леонид ни разу не позвонил. Звонила маме, сообщила, что отдыхаю у подруги на даче. (Обманула, кстати, не сильно, баба Маша – мировая старушка, мы с ней действительно подружились.) Про свои злключения, конечно, ни слова. Когда эта странная история закончится, разумеется, всё родителям расскажу.

Но где же Леонид? Не попал ли в беду?.. Ох, сроду не предполагала, что могу так беспокоиться о фактически постороннем человеке. Хотя... постороннем ли? Он мне помог, два раза спас от... не знаю, если и не от гибели, то от чего-то нехорошего точно. И это делало его в моих глазах еще притягательнее. Правда, куда уж еще притягательнее? Знаменитый актер! Да такой благородный! Да такой красивый!.. Ох, что-то слишком часто я о нем думаю...

Мои размышления прервал шум мотора. Я вскочила – Леонид? – но тут же испуганно опустилась обратно на скамейку, увидев сквозь щели в заборе подъезжающий к дому большой черный мотоцикл и сидевшего на нем мотоциклиста в шлеме. Рванула в глубь сада, думая уйти огородами... но баба Маша? Как же оставить ее одну с этим страшным гостем?.. И, преодолевая страх, я вернулась.

Тем временем мотор затих, а байкер уже отворял калитку. Понимая, что сейчас вот злодей пойдет в дом, я решила

отвлечь его внимание от бедной старушки. Зажмурилась и отчаянно шагнула ему навстречу...

– Лида, ты что? – раздался удивленный голос.

...Господи, Леонид! Это он приехал на мотоцикле!.. Бросилась к нему как безумная, но в последний момент остановилась, сообразив, что это не совсем прилично. Леонид, видимо, оценив пикантность ситуации, сам первый обнял меня.

– Девушки, а я вам фруктов привез, налетай! – бодро сообщил он, увидев вышедшую на крыльцо бабушку.

– ...Скоро, скоро вернешься домой, в смысле в свое общежитие, – подмигнул Леонид, хлебая мой борщ. – Я кое-что узнал, потерпи немного. Может, еще пару дней.

В общежитие?.. Ну да, конечно... Надо же учиться и работать тоже надо. Но... Но ведь тогда всё закончится, и... ОН больше не будет приезжать ко мне, разговаривать со мной, смотреть на меня, слушать... Ой, а какие замечательные у него уши!.. Нет-нет, я серьезно, не смейтесь. У него изящные, правильной формы ушки и... И их я тоже больше не увижу. Вот баба Маша увидит, а я – нет. Она сможет потрепать его за ухо, поцеловать. А я – нет. Мне останется только поблагодарить за помощь, за то, что возился со мной, обычной девчонкой, не знаменитой, не особенной красавицей... Не, ну, симпатичной, конечно, но сколько его всяких актрис, да просто красивых девушек-поклонниц окружает. Высоких, с длинными ногами... Эх-х-х, бедная я, несчастная!..

А Леонид, доев борщ, похвалил. И пошутил:

– Вот же счастливец твой будущий муж!

Я улыбнулась, а баба Маша насупилась:

– А что, Верка борщом не балует?

Леонид стрельнул колючим взглядом.

Как же забилося сердце! Какая Верка? Жена? Ох, глупая я, глупая! Ну, конечно, он женат! Всё. Всё-всё-всё...

Вскоре Леонид уехал, но пообещал вернуться. Прямо как Карлсон.

* * *

Прошло пять дней. Пели птицы, цвели цветы. Мы с бабушкой Машей копались в огороде.

– Девушки! Вы где? – слышалось с улицы.

Мы выпорхнули навстречу Леониду.

– Принимай товар, бабушка!

Он по обыкновению тащил пакеты с едой.

– А ты, Лида, собирайся, – понизил голос. – Пора.

Я хоть и успела привязаться к бабе Маше и мне очень понравилось в деревне, обрадовалась. И бегом побежала в дом.

Собрала вещи, душевно попрощалась с бабушкой (даже обе всплакнули), и мы покатили обратно в Питер.

Приехали в центр, недалеко от торжественно и строго возвышавшегося над городом Исаакиевского собора. Вошли в офис под вывеской «Нотариус».

Я удивилась:

– А зачем нам сюда?

– Скоро узнаешь.

Увидев нас, холеная секретарша звонко объявила:

– Борис Аркадьевич ждет!

За массивной дверью нас почтительно встретил невысокий лысоватый мужчина.

«Ох, как серьезно», – подумала я.

Мы сели за стол, и Леонид представил хозяина кабинета:

– Знакомьтесь: Борис Аркадьевич. – Перевел взгляд на меня: – А это... Это и есть та самая... наследница.

(Что?! Какая еще наследница?..)

– Будьте добры, ваш паспорт, – вкрадчиво пропел нотариус.

Я оторопело уставилась на Леонида. Тот сдержанно кивнул.

Будто в тумане достала из сумочки паспорт. Борис Аркадьевич внимательнейшим образом изучил его. Только что не понюхал и на зуб не попробовал.

– Лидия Ивановна! – торжественно провозгласил он, даже, кажется, сделавшись выше ростом. – Многоуважаемая Лидия Ивановна, разрешите поздравить: вы являетесь... наследницей многомиллионного состояния...

– «Наследницей»?! – Я напрочь забыла о стеснении. – Наследницей? Чего?.. Откуда?.. Какой, пардон, наследницей? И кто? Я?! Ну, чудеса просто, ей-богу!..

– Наследницей ОГРОМНОГО состояния, – с выражением изрек чудо-вестник Борис Аркадьевич. – Сейчас зачитаю по списку. – Он достал из коричневой кожаной папки бумаги и начал читать.

Но от волнения я ничего не слышала! Ничего не понимала!

У меня подвижная мимика, и скрывать эмоции страшно сложно (даже сама ощутила, что глаза полезли куда-то на лоб). Заметив это, нотариус протянул документы мне. Правда, в них я тоже почти ничего не поняла: ну да, завещание, список: «Остров Roxas (Роксас) на Филиппинах, 5,6 га»; «Вилла на побережье Коста-Бланка, Испания»; «Завод «Zarato Grande» («Сапато Гранде»); апартаменты 75 м², Манхэттен, Нью-Йорк...

– Что это?.. – Я ошарашенно переводила взгляд с нотариуса на Леонида, с Леонида на нотариуса и обратно. – Кто-нибудь объяснит?!

Даже начала злиться, потому что чувствовала себя ужасно глупо. Какое-то издевательство! И уж от кого, от кого, но от Савельева не ожидала. Воскликнула:

– Леонид! Объясните, пожалуйста, что здесь происходит? Он посмотрел жутко серьезно и вдруг... рассмеялся.

– Понимаю-понимаю, не каждый день такое случается. Радуйся, Лида!

– Но почему вы смеетесь? – К глазам начали подкатывать слезы.

– Успокойся, – покачал головой Леонид – Всё чистая правда. Поздравляю, наследница!

И он обнял меня и поднял в воздух. Ну, тут уж и я не сдержалась, начала смеяться и даже, боюсь признаться, повизгивать от удовольствия, как маленький радостный поросенок:

– У-и-и-и-и!!! У-и-и-и-и-у-у-у-у-у!!!

В общем, мы смеялись и радовались. Оба. Вместе.

– Но чья, чья наследница? – первый мой конструктивный вопрос.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, – подал мне еще несколько листков нотариус.

Гм... какая-то Фёдорова Александра Михайловна... Совершенно незнакомое имя. А еще некий Роберт Гарднер... Тоже первый раз слышу!

В общем, забегая вперед, оказалось, что эта самая Александра Михайловна Фёдорова (держитесь-ка покрепче за стул!) – моя двоюродная прабабушка, тетя бабушки по отцовской линии, еще до революции уехавшая в Америку. Там она вышла замуж за «американского прадедушку» Гарднера и потеряла всякую связь с родственниками из России. У них родился сын – получается, что мой двоюродный дедушка, – Алекс-Роберт Гарднер. И этот дедушка оказался человеком весьма предприимчивым, но неудачливым в личном плане. Под конец жизни бездетный «дедушка» задумался о судьбе накопленных миллионов и о наследниках. С американскими родственниками отношения не сложились, и Алекс-Роберт внезапно вспомнил о России. Тем более его мать никогда не переставала любить свою Родину и научила сына русскому языку. Но завершить поиски потенциальных наследников он не успел. Зато успел составить завещание, согласно которому всё его имущество, включая недвижимость и предприятия, переходило самому младшему потомку из России. И этим потомком, по невероятному стечению обстоятельств, оказалась я...

Но тут я вспомнила зловещего мотоциклиста, жуткую тетку с картами, нападение в вестибюле общежития...

– Леонид, а как же покушение? – пролепетала растерянно.

Он кивнул:

– Все твои напасти напрямую связаны с наследством. Как выяснил Александр Эдуардович (частный детектив), всё это происки родственников твоего дедушки со стороны Гарднеров. Их очень разозлило завещание Алекса-Роберта, в котором они даже не упоминаются. Почему он так сделал – не знаю, но коль эти люди решились на убийство, – да-да, дорогая, не удивляйтесь, именно убийство (ой, он сказал «дорогая»!) – публика весьма неприятная.

– А к чему весь этот маскарад? – передернула я плечами. – Н-ну-у-у... просто убили, и всё...

– Пока не знаю, – пожал плечами Леонид. – Может, запутывали следы таким цирком, может, по иной причине... Да, кстати, один твой коллега, похоже, тоже замешан в этом, гм, маскараде.

– Господи, кто?! – обомлела я.

– Следствие выясняет, преступная группа ликвидируется. Тебе надо будет сходить к следователю.

«Ничего себе, – подумала я. – Он и детектива нанял, и у следователя был, и нотариус вот с наследством... А не странно ли? Чего это он деятельность такую бурную развил? – Насупилась. – Шёл бы вон лучше к своей... Вере...»

Но, несмотря на то, что вспомнила о жене Леонида, я впервые за последнее время почувствовала себя более-менее спокойно. Наконец-то мне больше ничего не угрожает. И, наверное, теперь я вернусь в Москву, к маме с папой.

– ...А для окончательного вступления в наследство надо будет соблюсти кое-какие формальности. И необходимо съездить в Испанию, поскольку большая часть теперь уже вашего имущества находится именно там, – скрипучим голосом напомнил о себе Борис Аркадьевич. – Я вам всё расскажу и помогу. Ну а на сегодня, полагаю, достаточно. Держите документы, изучайте и, когда будете готовы к дальнейшим шагам, прежде всего к поездке, звоните. Но предупреждаю: времени у нас осталось только два месяца.

Взяв документы и попрощавшись с нотариусом, мы вышли на улицу, и вот тут-то и наступило оно – то самое пресловутое неловкое молчание.

– Может, отметим где-нибудь такое замечательное событие? – вздохнул через вечность или минуту Леонид. А я...

А я, наконец, решилась! Я же готовилась к этому разговору, правда, вовсе не предполагая, что произойдет он в такой обстановке, а уж что на меня свалится это умопомрачительное известие о наследстве, просто выбившее меня из колеи, тем более.

– Послушайте, Леонид, – страшно сдержанно и жутко таинственно начала я. – Моя... моя благодарность вам безгранична. Вы спасли меня и не раз, а еще помогли... Ну, решили, в общем, мои проблемы. Но вот... но вот... – И умолкла, не в состоянии выговорить то, что мысленно репетировала долго-долго.

Он смотрел внимательно и напряженно.

– Вы... Вы же женаты! – вскрикнула я. (Всё, карты раскрыты! Вот она я, берите меня тёпленькой!)

Леонид долго молчал. Потом кивнул в сторону облупленной скамейки:

– Давай присядем.

Присели. Он вздохнул:

– Ну да, женат... – Вздохнул еще раз: – Но поверь: во-первых, мы не живем вместе уже больше года, и полгода я ее вообще не видел. Что она, как – не знаю и знать не хочу. Поженились пять лет назад. Ну, сначала любовь, конечно... Но потом... Потом постепенно стал понимать, что мою известность и деньги она любит куда больше, чем меня. Увы, избитый, пошлый сюжет, как в дешевой мелодраме, однако именно так всё и было. Только «дай, дай, дай»! И детей не хотела. Заявляла, что они будут мешать... А тебе дети будут мешать? – неожиданный как выстрел вопрос.

Я чуть не рухнула со скамейки и... отчаянно замотала головой.

Он грустно улыбнулся:

– Вот видишь. А ей и я... начал мешать... Понимаешь, однажды, совершенно случайно, прочел присланную ей эсэмэску... Да не смотри так, я не лажу по телефонам, ей-богу, случайно. Хотя... И эсэмэска та была весьма недвусмысленного содержания... В общем, я ушел.

Леонид снова вздохнул:

– Это было во-первых, а во-вторых, я подал на развод.

И опять улыбнулся, только уже не грустно. И наклонился ко мне ну просто непозволительно близко! О господи, эти зеленые в обрамлении черных ресниц глаза, нос с легкой горбинкой, губы...

Целовались мы долго-долго, и...

И всё. Пока всё. И чем это закончится, пока не знаю. Но одно знаю точно: я счастлива! Я встретила его, своего принца. (Снова как в кино, подумаете? Ну и думайте!)

Ой, а еще и наследство... Тоже ведь хорошо, правда? В голове, конечно, ужасная путаница. Слушайте, а как будут ошарашены родители, когда им расскажу...

– А ты поедешь со мной? – неожиданно спросила я Леонида.

– Конечно, поеду, – заверил он. – Тебя же ни на минуту нельзя оставить одну!

И мы снова бросились целоваться.

Скажете, сказка какая-то?

Ну да. Сказка.

ЗАПРЕТНЫЙ ДОМ

Впервые мы шли этой тропой. Нет, в Интернете, конечно, посмотрели, но там было совсем не так. То есть была дорога. А теперь дороги нет. Эрик на меня очень зол. Ведь это я предложил пойти пешком, не вызывая такси. Но я-то в чём виноват? В Интернете чёрным по белому написано, что вот, если спускаться по дороге, то за сорок минут можно дойти до нашего отеля «Ирида». И обижался бы на себя, в конце концов: сам же предложил сократить путь. Давай, говорит, свернем на эту тропинку, она явно быстрее приведет к отелю, чем серпантинная автострада. Я немного помялся, но раз уж он согласился идти пешком, я, в свою очередь, уступил в выборе дороги. Так что уже ни я, ни он не знаем, когда доберемся до дома, то есть отеля. А топаем-то уже с полчаса, однако...

Вечереть начало еще когда мы сошли с трассы и двинулись в сторону городка Санта Пелагия. А теперь совсем стемнело, и если бы не луна и звёзды, стоял бы вообще непроглядный мрак.

Мы давно потеряли тропинку и лавировали между огородами. Это, конечно, не делало прогулку веселее. Я освещал путь маленьким фонариком, предусмотрительно приклеенным к телефонному чехлу. Эрик же светил своим телефоном, который вот-вот грозил разрядиться и напоминал об этом громкими сигналами. В тишине ночи эти сигналы казались звуками выстрелов.

Раскаленный за день воздух постепенно остывал. Подул легкий свежий ветерок с моря. Мы пробирались между зарослями мирта, дикого винограда и чертополоха. Земля не-

ровная, потрескавшаяся, каменистая. Ступать было трудно, единственное облегчение – шли под гору.

Минут сорок спустя мы мечтали уже не об отеле, а хоть о каком-нибудь месте, где есть люди. Раньше я был уверен, что любая дорога в Санта Пелагии ведет к морю, но, видимо, действительно нет правил без исключений.

И, как назло, на пути не встречалось ни одного дома, ни одного человека, ни единой живой души, у кого можно узнать дорогу или попроситься до рассвета на ночлег.

Телефон Эрика окончательно разрядился, и впереди пошел я, освещая путь лучом фонарика. Узкая голубоватая полоска света скользила по выжженной солнцем рыжей земле, выхватывая из тьмы сухую траву, чертополох и какие-то серые колючие растения, названия которых мы не знали.

А здешний чертополох был особенно необычным: такого огромного я в жизни не видел. У нас в Шотландии чертополох невелик и скромн, однако внушает нам громадное уважение. Тут же – усыпанные длинными шипами-иглами гигантские листья и головки цветов величиной с кулак.

Я уже исцарапал ноги в кровь. Эрику повезло больше: он был одет не в шорты, а в длинные брюки. Но всё равно ворчал и злился.

– Это твоя дурацкая идея, Густав! – повторял то и дело. – Что, доволен?

Я молчал. Мрачная ирония тут была совсем не уместна. Чем я мог быть доволен, когда устал как собака, а ноги и руки истерзаны колючками?

– И где же твой любимый Интернет, чтобы посмотреть, куда идти дальше? – не унимался Эрик.

Увы. «Мой любимый» Интернет не работал. Элементарно не ловилась сеть. Это Эрик тоже вменял мне в вину.

Да я и сам чувствовал себя виноватым. Ведь именно я был против того, чтобы взять такси. Но цель-то не столько сэкономить (хотя и это тоже), сколько прогуляться по Санта Пе-

лагии, посмотреть город и разведать новый маршрут. Кто же мог предугадать такие последствия?

– А кто потащил нас осваивать новые тропы? – огрызнулся я. – Не ты? Или ошибаюсь?

Эрик что-то буркнул, но внятного ответа не дал. Всё-таки, видимо, считал виновным в произошедшем именно меня.

Высокий и сухощавый, он всегда немного сутулился, а сейчас вообще сгорбился: голова находилась почти на одном уровне с острыми плечами. Похоже, почти выбился из сил.

Становилось прохладней. А идти всё труднее, и даже если бы мы решили повернуть обратно, то заплутали бы совсем. Нет-нет, только вперед и вниз! Где-то там море, чей дальний шум мы беспрестанно слышали, хотя, конечно, не видели в темноте. Брели, уже даже не пытаюсь выбирать тропу, лишь стараюсь причинить как можно меньший ущерб себе и одежде.

И вдруг немного поодаль я увидел силуэт. Человек невысокого роста, довольно худой. Он двигался быстро и, казалось, бесшумно.

– Эй, мистер, мистер! – замахал я руками, стараясь привлечь его внимание. Голубой луч фонарика выскочил из-под ног и метнулся в темноту.

Я хотел осветить незнакомца, однако слишком слабый луч не доставал до него. Показалось, что человек на мгновение обернулся, но тут же пошел еще быстрее.

– Ты видишь, Эрик?.. – прошептал я.

– Вижу, – отозвался приятель. – Кажется, он от нас убегает.

И действительно, незнакомец стремительно удалялся, словно даже не шел, а летел.

– По-моему, этот тип не жаждет нашего общества, – неуклюже пошутил я.

– Всё равно давай не отставать, – мотнул головой Эрик. – Может, выведет нас к дороге.

Несмотря на усталость, мы зашагали быстрее, но фигура всё равно удалялась. Мы старались хотя бы не потерять его

из виду, а он точно играл в кошки-мышки: то замирал, будто поджидая нас, то вдруг бросался в противоположную сторону. Мы-то ведь обрадовались, что встретили человека, которого можно попросить о помощи, а тут такое. Очень, очень странно...

Вдобавок ко всему еще и погода начала портиться. На звезды наплывали тучи, луна подернулась дымкой, и стало ясно, что скоро и этот слабенький небесный свет исчезнет за толстым слоем кучевого покрывала.

Смолкли цикады. Ветер усилился. Это был уже не тот легкий морской бриз, который дарил прохладу, а грубые, резкие порывы, грозящие сбить с ног, и, продираясь сквозь преграду из растений, приходилось теперь еще и сопротивляться напору ветра. Совсем потемнело, а в воздухе запахло дождем.

И вдруг раздался оглушительный грохот. Мы с Эриком испуганно пригнулись. Гром! Затем всё на мгновение осветилось, и гигантская молния разрежала небо до самой земли.

– Проклятье! – завопил Эрик, безуспешно пытаясь заглушить шум хлынувшего дождя.

Человек же, идущий впереди нас, внезапно исчез.

– Ложись! – крикнул я. – Чтоб молния не попала!

Вокруг открытая гористая местность, в небе гремело, полыхали молнии, и было действительно страшно. Мы с Эриком свалились на землю и за минуту сильнейшего ливня вымокли до нитки. Я сунул телефон за пазуху, выключив прежде фонарик, и в тысячный раз пожалел, что настоял на пешей прогулке, но черт побери, ничто ведь не предвещало дождя! День был солнечный, вечер ясный, прогноз погоды благоприятный, и откуда вдруг эта ужасная гроза?!

Сколько мы так пролежали, не знаю. По ощущениям – долго, но, наверное, не очень: грозы долгими не бывают. Дождь почти закончился, ветер стих, раскаты грома становились всё глуше и глуше, молнии превратились в редкие всполохи на черном небе.

Мы встали и снова побрели вперед. Одежда и волосы – хоть выжимай. Идти стало еще трудней: ноги вязли в грязи. Вдобавок опустился плотный, как вата, туман – наверное, из-за испарений от земли. Я включил фонарик, но луч утонул в густой пелене.

– Ты видел раньше такой туман, Густав? – вздохнул Эрик.

– Нет, – мотнул головой я.

...С Эриком мы подружились еще в колледже. Потом пути наши разошлись по разным дорогам взрослой жизни. Кто-то из знакомых вроде даже слышал, что Эрик попал в какую-то секту: то ли «Старый дом», то ли «Запретный дом», но, думаю, всё это ерунда.

А спустя десять лет после окончания колледжа он неожиданно позвонил. Я удивился, но был рад услышать старого товарища. Мы встретились в кафе, посидели, повспоминали прошлое, и Эрик предложил съездить на море. Я согласился и вот только здесь заметил, что Эрик здорово изменился. Нет-нет, не внешне, но что-то случилось с характером: стал мнительным, чересчур осторожным, каким-то нервным. Странно: вроде бы, по его рассказам, судьба не успела пока преподнести ему никаких тяжелых ударов. Я отнес было перемены в поведении Эрика на отсутствие семьи, ведь в нашем возрасте многие уже женятся, хотя... Хотя, между прочим, я тоже пока холост...

Мы шли и шли. Туман понемногу рассеивался, опускаясь легкой дымкой, словно пуховым одеялом, на землю. Одежда почти высохла, двигаться стало легче, и вдруг...

– Густав, смотри! – воскликнул Эрик, указывая куда-то рукой. – Смотри, дом!

И правда: слева, метрах в ста, стоял небольшой домик в традиционном местном стиле, с плоской крышей и белыми каменными стенами.

Со всех ног бросились к нему и, приблизившись, обрадовались, различив в единственном окошке слабый-слабый свет.

Я заглянул в окно. Полупустая комната, посередине стол, на блюде тлел огарок свечи.

– Здесь дверь, – услышал я голос Эрика. – Иди за мной! – И – скрип открывшейся и тотчас захлопнувшейся за приятелем двери.

Низкая притолока, пришлось пригнуться. В доме всё было так, как я уже видел через окно. Еще у стены стояло старое трюмо с темными зеркалами. Пол деревянный, стены отделаны штукатуркой. Спертый, затхлый воздух и, за исключением свечи, никаких признаков присутствия людей. И товарища в том числе.

– Эрик! – позвал я.

Тишина. Однако в углу я заметил завешенную шторой нишу. Штора чуть колыхалась.

Я рассердился. Что за игры?!

– Нашел время и место для шуток!.. – Рывком отдернул занавеску и увидел еще одну, абсолютно темную, без окон комнату. Я включил фонарик: никакой мебели, только старая кровать с ржавыми металлическими грядушками. Но где же Эрик?..

Внезапно в углу мелькнула зыбкая тень. Я молниеносно навел туда фонарик. Угол опутан паутиной, и никого. По спине побежали мурашки, и я поспешил вернуться в первую комнату. А там...

Возле стола стояло большое плетеное кресло-качалка. Готов поклясться, что еще минуту назад его здесь не было! И в кресле кто-то сидел... Черт, неужто Эрик всё продолжает свои идиотские шуточки?..

Ну, погоди же... Я скакнул к креслу, и...

Боже праведный, это был не Эрик... Моему смятенному взору предстала дряхлая уродливая женщина в выцветшем платье, поверх которого был надет такой же старый и засаленный передник. Ноги, покоившиеся на подножке кресла, обуты в стоптанные шлепанцы, а сама она была худая и костлявая, как Смерть на старинных гравюрах. Длинные крюч-

коватые пальцы впивались черными обломанными ногтями в подлокотники. Серо-желтая кожа...

Но самым ужасным в этом существе была голова. Морщинистое, высохшее, землистого цвета лицо. Сухая кожа так плотно прилегалась к черепу, что, казалось, женщина в качалке умерла очень давно и уже почти превратилась в мумию. Дряблые веки опущены, хотя глазные яблоки вроде на месте – они сильно выпирали из глазниц. Тонкие пергаментные губы ввалились в приоткрытый рот...

Но и это не всё!..

Т о п о р... Огромный топор с топоричем из светлого дерева, новенький, будто только что купленный в магазине. И – он торчал у старухи из головы ровно по прямому пробору жидких, распущенных по плечам клочковатых седых волос...

Я отпрянул, но с великим трудом, будто кто-то крепко держал меня сзади за плечи.

И вдруг веки чудища распахнулись – невидящий взгляд оловянно-мутных с грязно-желтоватыми прожилками белков...

Я завопил как сумасшедший и точно очнулся от оцепенения. Бросившись к двери, едва не сорвал ее с петель и выскочил наружу. Свежий ветер ударил в лицо, и я побежал. Я бежал так быстро, как только способен бежать человек, спасающийся от верной смерти. Несся опрометью, не разбирая дороги, не думая ни о колючках, ни о камнях, ни о том, куда бегу и зачем. Почувствовав под ногами песок, теряя сознание, рухнул на берегу моря...

Утром меня обнаружили местные жители, которые позвонили в службу спасения. Несколько дней я не мог говорить и то и дело впадал в беспамятство. Наконец врачам удалось привести меня в более-менее сносное состояние, и я был отправлен домой.

Но что странно: про своего друга Эрика я поначалу забыл напрочь. Вспомнил только по возвращении и то лишь благодаря его матери, которая пришла узнать о сыне. Я не стал

рассказывать ни про дом в лесу, ни про жуткую старуху... Оказывается, Эрик пропал. Его после той ночи так и не нашли. Я попытался ободрить бедную женщину, но сам теперь постоянно думал об Эрике.

Жизнь вроде пошла своим чередом, хотя явственно ощущал: что-то во мне переменялось. Работал, иногда встречался с друзьями, которые старались не напоминать ни об Эрике, ни о перенесенном мною недуге, однако же...

Однако действительно начал чувствовать себя очень-очень странно. В некий момент причудилось, что я... не вполне я. А то, что было в жизни до этого д о м а, как-то стиралось, уплывало из памяти. Теперь я реже навещал родственников, перестал общаться с приятелями, наконец, даже бросил работу. И меня стали одновременно и привлекать, и пугать... зеркала. Хотя...

Хотя первый звонок прозвенел еще в больнице.

Выйдя из душевой кабинки, я приблизился к запотевшему, покрытому крупными каплями влаги зеркалу, провел ладонью по его поверхности на уровне глаз...

Пресвятая дева!.. Лицо было мое, но... вроде и не совсем мое... В смятении убежал прочь.

А в другой раз отражение показалось еще более чужим и даже враждебным. Хотите верьте, хотите нет, но оно словно недобро усмехнулось. Я мгновенно покрылся ледяным потом, но вместо того, чтобы вытереть лоб, принялся остервенело тереть зеркало...

И – я возненавидел зеркала! Я выбросил из дома всё, что могло отражать. Точнее, был уверен, что всё. Однако, оказалось, ошибся...

Но как я мог забыть о старинном фамильном зеркальце, уже потемневшем от времени, в красивой серебряной оправе, с годами почти почерневшей?! Я случайно наткнулся на него, машинально поднес к глазам...

И – обомлел! На меня пристально смотрело чье-то незнакомое, постаревшее лицо. Человек в зеркале был вроде и похож на меня, но я-то знал, точно знал, что это кто-то другой.

Я смотрел ему прямо в глаза. Он тоже не моргая уставился на меня. И вдруг глаза отражения начали закатываться и стали такими же белками, что у старухи из д о м а: выпуклыми, пульсирующими, серыми с желтоватыми капиллярами... С невольным ужасом выпустил зеркало из рук, и оно, упав, разбилось на множество мельчайших осколков.

В страхе я бросился вон. Летел, не чуя ног и не разбирая дороги. Сейчас я видел себя словно со стороны, но и в то же время ощущал, что в меня, в мой мозг будто проникает кто-то другой, вытесняя внутреннюю сущность и высасывая жизненные силы.

Как ненормальный мчался по улицам, прочь от этого неведомого, убийственно пугающего чувства. Пару раз, выскочив на проезжую часть, лишь чудом не попал под колеса автомобиля. Машины сигналили, скрежетали тормоза, водители высовывались из окон и поносили меня почем зря.

Снова бежал по тротуару, и бульжники мостовой стремительно уносились из-под ног. Натыкался на прохожих, толкал их, но не мог даже пошевелить языком, чтобы извиниться. Мой язык уже не был моим. Хотелось кричать, звать на помощь, но из груди вырывались лишь сдавленные хрипы. Внезапно возникло осознание, что бегу навстречу чему-то жуткому, и благо, если то будет просто смерть.

Окончательно выдохшись, поплелся неверным шагом. Город закончился. Я вошел в лес, под ногами захлюпала вода. Высокие черные деревья угрожающе тянули ко мне кривые ветки. Сыро и холодно: с деревьев падали крупные ледяные капли. Ботинки промокли насквозь, и я брел, проваливаясь по щиколотку в болотную жижу. Но по ощущениям словно пребывал в каком-то панцире: тело больше не принадлежало мне, и яркой вспышкой полыхнула вдруг мучительная мысль: что же станет с ДУШОЙ?..

Сначала путь освещала луна, то выглядывающая из-за облаков, то прятая за кроны деревьев. Потом она скрылась за тяжелыми, нависшими над землей свинцовыми ту-

чами, что, впрочем, не помешало мне размеренным шагом робота продвигаться к какой-то неведомой цели.

Тяжело ступая по чавкающей грязи и мохнатым кочкам мха, я выбрался на опушку и увидел небольшой дом. В отличие от ТОГО ДОМА в Санта Пелагии, этот был деревянный под соломенной крышей.

Как в замедленном кино я приблизился к окошку (дежавю!). В комнате на столе догорала свеча. Совершенно того не желая, но, точно повинувшись чьей-то неодолимой воле, вошел в дом. Всё словно в тумане. Ватные руки и ноги не слушаются. Вернее... слушаются, но не меня...

У окна стояло трюмо. Ноги сами принесли меня к зеркалу, хотя сопротивлялся как мог. Увы, тело не подчинилось.

Я всмотрелся в темное отражение... О боже, в зеркале был...Эрик! Бледный, лицо искажено мучительной гримасой и залито запёкшейся кровью...

Я с великим трудом отшатнулся от трюмо, но...

Но тотчас какая-то незримая сила швырнула меня... в то самое плетеное кресло-качалку. Кожа моментально стала сжиматься, сохнуть, а руки...

Но это же не мои, слышите, не мои руки!.. Грязно-жёлтые, с заскорузлыми, потрескавшимися грязно-коричневыми, почерневшими по краям ногтями. Кривые, сучковатые пальцы судорожно впились в подлокотники. И чувствовал, что жуткие метаморфозы не только внешние... Внутренности охватили спазмы, они тоже сжимались и засыхали. Почти зримо ощущая, как вязкая кровь с трудом проталкивается по артериям и венам, бешено пульсируя в висках, я стал задыхаться...

Когда?.. Когда же всё это кончится?.. Скорее! Господи, прошу, умоляю, скорее!.. Эта единственная мысль оставалась отныне единственной же надеждой... Вдобавок увидел, что моя одежда исчезла, а тело облегает теперь старое, латаное-перелатаное, дурно пахнущее платье и... т о т с а м ы й п е р е д н и к. Космы жидких тускло-седых волос разметались по худым плечам, и начали закатываться глаза...

Я... О Боже, я ослеп, всё вокруг погрузилось в кромешный мрак, и не осталось более никаких ощущений, кроме предчувствия близкого конца. Скорее! Н у п о ж а л у й с т а, с к о р е е!..

И тут высокий, резкий, словно скрежет металла о металл, звук пронзил мозг, а затем... А затем раздался хруст черепа, и – боль, неопишуемая боль в голове...

Последнее, что донеслось до угасающего сознания, был робкий стук в дверь.

Это еще кто?!

А впрочем, уже не важно.

Теперь-то какая разница?..

ПЕРЕУЛОК БАУМАНСКИЙ

Дурной сон. Просто дурной сон... С множеством окон, дверей, комнат и людей.

– ...И эта квартира будет моей?

– Да. Только тебе надо взять в кредит миллион.

– Но она же стоит пять?!

– Ничего, я уступаю...

Вот это да! Неужто мне повезло? Мне, в моей – моей жизни! – наконец, повезло? Вот так просто взяло и повезло?.. Нет-нет, не верится. И впрямь слишком похоже на сон...

Бегу в банк. В один, в другой. Отказ. Снова отказ. Ничего, есть третий банк. И четвертый. А надо будет – пятый. Опять бегу. Несусь даже.

Маршрутка. Сажусь. Рядом возникает фигура. Толстый пожилой мужчина.

– Привет.

– Привет.

Смотрит. Я его знаю. Кажется, мы когда-то встречались. Когда-то раньше, в прошлой жизни, в которой мне не так везло, как сейчас.

Но он вроде богат. Интересно, почему же тогда в маршрутке?..

– Это моя маршрутка, – словно читая мысли, чуть ли не оправдывается толстяк. Серая рубашка, серые брюки, серый ремень. Серые с проседью волосы.

Дверь маршрутки не закрыта. Мы трогаемся, а дверь болтается, едва не цепляя проезжающие рядом машины.

– Захлопните кто-нибудь! – орет водитель.

– Раз твоя маршрутка, ты и закрывай! – шумят пассажиры на моего соседа.

Он встает. Раскорячился. Хватается за поручень. Ему явно тяжело. Маршрутку качает из стороны в сторону. Он изгибается, тянет руку, пытаясь достать дверь. Нет, не дотянуться...

– Ща помогу! – кричит водила и... не сбавляя скорости, врывается в отбойник моста. Маршрутка валится, зато дверь, естественно, закрывается. Дело сделано, сэр, примите работу!..

Пассажиры, бранясь на чем свет стоит, пытаются обрести хоть какое-то равновесие. Вроде никто не пострадал. Толстяк же чуть не падает на меня. Пыхтит:

– Прости... Ты знаешь, я всё понял... Я вел себя как дурак... Если что-то надо, только скажи.... – И лицо виноватое-виноватое.

(Может, попросить у него денег?)

Телефонный звонок.

– Это Андрей.

– Здравствуйте, Юрий Андреевич! – Наверное, он так шутит. Жалуется, что его постоянно Андреем называют.

– Нужно несколько статей. Поможешь?

– Конечно! Как срочно?

Но кто-то вырывает трубку.

– Андрей? Я могу продать готовые статьи. Это и быстрее, и дешевле...

Черт! Сделка сорвалась. Увели клиента прямо из-под носа. ...Но мне всё равно же дико везет. Квартира старая, зато в историческом центре города, в Бауманском переулке. Огромные дубовые, двустворчатые входные двери. Большой зал с отставшими от стен обоями. Из него – по, разумеется, темному коридору – еще комнаты. Сколько их – не могу сосчитать, хотя знаю, что эта, последняя, с голубым потолком и стенами в цветочек – спальня бабушки хозяйки. Та почти не вставала и никуда не выходила. Ей даже унитаза подвели к кровати. Забота о бабушке. Очень мило...

(Взять, что ли, денег у толстого? Взять, что ли, денег?..)

Снова звонок. Достаяю трубку.

– ...Съезжай! Это новый хозяин квартиры!

– Как?.. Какой новый? Я... Я же уже договорилась...

Противный смешок:

– Тебе не повезло, а мне повезло! Хозяйка уступила за
семьсот тысяч.

ЦЫГАН

– ...А меня не поцелуете? – донесся, будто издалека, голос. Обернувшись, она не обнаружила иного потенциального владельца этого голоса, кроме папы Егора.

Разрыв снаряда?.. Грохот грома?.. Нет-нет, это уж чересчур. Так, не слишком сильный тычок по барабану, но отрывистый, прямо над ухом: «Бам!» Эй, проснись, Лана, очнись! Всё, очнулась. Ну да – папа Егора. Черный. Вечно во всем черном. Волосы, глаза, куртка, брюки – всё одним темным пятном.

Гм, пятно обрело голос? Пятно жаждет ласки? Пятно спрашивает, поцелует ли она его?..

Господи, проводы ребенка в группу – какие еще поцелуи?! Захотелось протереть глаза: так забавно и трогательно делает ее малыш, когда просыпается. Могла бы – сняла очки, вытащила, ополоснула и вставила обратно линзы, чтобы лучше видеть. Но ни линз, ни очков нету.

«А с чего бы это мне вас целовать, вы что, мой сынок?» – Хотела вопросом на вопрос. Или: «В очередь, мальчики, в очередь!»... Нет, слишком игриво, еще понапридумывает бог знает чего...

Мишина мама звонко рассмеялась, и смех разбившимся стеклянным шариком разлетелся по раздевалке, и осколки посыпались на Лану. Стало совсем неприятно.

– Нет, – коротко и однозначно. Без объяснений.

«Дурак» – нашла подходящее определение. «Дурак» – в ответ на заявление Вадюши Кисленко, стоящего у доски перед всем третьим «А» классом: «Женюсь на Светловой». Дурак как есть, а что, разве нет?

...Но в самом деле, чего это он? Есть же какие-то рамки, границы (ага, жди, есть у них границы!). Со всеми – ровно, приветливо. С иными – адекватно. Как ты, так и я. Как аукнется, так и откликнется. Что посеешь, то и пожнешь. Заботливая мать, верная жена, послушная дочь, ответственный работник. Шаг влево? А зачем? Искреннее изумление. Шаг вправо? Да тоже ни к чему. Всё устоялось, всем довольна. Слышала от благополучных с виду подруг: ни там, ни тут. Почему? Чего им не хватает? Удивилась, но задумалась.

На следующее утро, перед входом в группу, напрочь забыв о вчерашнем:

– Сынок, а поцеловать мамочку?

Малыш разворачивается в порыве внезапно нахлынувшего приступа любви...

– Целуй, Андрей, целуй скорее, а то я поцелую!

Что?.. Где?.. Ну что за глупости! Опять «пятно»! Нарисовалось, лезет, ложится тенью.

Оказывается, у пятна есть лицо, а у лица черные глаза-дырки. Без блеска, без выражения.

Вот ещё! (Поцелует он, щас!..)

Летний день. Всегда послушная мать, ответственная жена, верная дочь и заботливый работник. Шаг влево – шаг вправо. И вдруг...

И вдруг захотелось, условно говоря, прыгнуть. Ну, не то чтобы прыгнуть, а так, чуть-чуть приподняться на цыпочках. Весна же. Пора радости и преображения... Хотя, в общем-то, уже почти и не весна – первый жаркий день, практически лето.

Обычно Лана одевалась неброско, особенно в садик, дабы не слишком привлекать внимание. Прежде всего, чтобы денег много не просили. А сегодня не очень длинная юбка яркой бабочкой точно сама вспорхнула на талию. «Юбка, юбка, сколько ж я тебя не носила!..»

«...Ох-ох-ох, ну рази ж можно в этаком виде да в садик за ребенком? Что люди подумают-то?..» – Воображаемые старушки на скамейке защелкали семками. Как жуками: хрясть – отодрали левое крыло, хрусть – правое. Ловко извлекли белое лоснящееся тельце – и в беззубую щель.

Эффект был. Да не тот. Или, может, тот? (Ну, смотря чего ожидала.)

Воспитательница что-то оживленно обсуждала с папой Егора (это Лана знала) и чьей-то мамой (чьей – не знала), не приглашая ее присоединиться.

«И ладно, и больно надо!» – капельку обиженно топнула мысленно ножкой. Ждала, пока сын соберет свои машинки. Довольно большая площадка за зданием садика. Со всех сторон забор. Так спокойнее. Залезть сюда трудно, вылезти еще труднее...

Почувствовала взгляд. Как что-то реально осязаемое, даже липкое.

Отвел глаза.

И опять.

Нет-нет, ничего страшного, пускай себе смотрит на здоровье, но...

В общем, Лана решила, что он мог бы быть врачом. К примеру, диагностом. Рентген грудной клетки. «Не дышите, а теперь дышите». УЗИ брюшной полости. Тщательнейшее МРТ тазобедренных суставов. И доскональное визуальное обследование ног. Ног прям как-то особенно...

(Однажды Лана еще школьницей, но уже во взрослой поликлинике, посетила врача.

– Я вам молочные железы еще не щупал? – уставился терапевт и по совместительству онколог на заглянувшую в кабинет женщину.

– Еще н-н-нет... – растерялась та.

– Тогда проходите за ширму и разденьтесь по пояс, – велел доктор, закатывая рукава белого халата...)

«Чё пялишься?» – хотела спросить Лана папу Егора, однако вместо этого неожиданно получилось «До свидания».

«Зато теперь его маленький бандит не будет обижать Андрея», – мелькнула мысль, но, впрочем, тут же растворилась в безудержно-синем безоблачном поднебесье.

А Егор частенько обижал Андрея. Еще как обижал. Месяц назад даже укусил.

То был первый и единственный раз, когда сама обратилась к его папе. Посмотрел с удивлением. Мол, ничего не знал: воспитательница не сообщила. Пошли разбираться к Зинаиде Григорьевне.

Далее – сцена, которой лучше остаться немой. Эй, выключите звук! Пускай открываются рты, хмурятся брови и мельтешат руки. Кто поймет, о чем они там говорят, хотя и видно, что ругаются. Лана с Зинаидой Григорьевной. Ох, и Зинаида же Григорьевна... Первая воспитательница, которая встретила Андрюшу у порога группы. Встретила, правда, весьма оригинально – выхватив из пестро-шумной толпы бегающих детишек девочку с комментарием: «А это наша любимая Викочка. Ее родители подарили нам домик!» И гордо указала на стоящий в дальнем конце зала ярко раскрашенный пластмассовый дом, какие обычно ставят на игровых площадках. Лана сразу поняла, что вряд ли Андрей станет «нашим любимым Андрюшечкой», хотя бы потому, что его родители никогда не купят на радость Зинаиде Григорьевне домик.

Можно сказать, что мама и папа Андрея отделались в этом вопросе легким испугом в относительно небольшом денежном эквиваленте. Примерно в половину цены пресловутого пластмассово-пряничного здания. На эту сумму «добровольного родительского пожертвования» обширная до безобразия и дико декольтированная заведующая пообещала, помимо прочего, обновить постельное белье и полотенца деткам. Так Лана узнала, что, оказывается, новые простыни и подо-

деяльники для садика продаются с уже готовыми надписями маркерами разных цветов: «Маша», «Петя В.» (зачеркнуто), «Дима П.»...

Надо отметить, что в разгар выяснения отношений папа Егора отошел на безопасное расстояние и наблюдал за действием из-за укрытия, коим служила дверца шкафчика. Там он переодевал сына.

– ...А идея с намордником замечательная! Примите меры, иначе мне придется их принять! – пригрозила Лана на прощание кулаком.

Хотя со стороны всё выглядело, пожалуй, комично. Ладно бы на ее месте вещала какая-нибудь гром-баба с необхватным размером руки. Но нет, Ланин кулачок был довольно скромн, да и сама она по всему, тэк скэ-э-эть, периметру особыми габаритами не отличалась. И вообще, сцена смотрелась бы борьбой Давида с Голиафом, будь папа Егора повыше ростом...

Ой, да не укус ее так разозлил! Не только укус. Тут явственно отдавало социально расслаивающей несправедливостью. «Призрак пряничного домика», понимаешь!

Память же услужливо подсунула картинку: Егор развалился на скамейке и орет. Папа терпеливо ждет в сторонке, а мама одевает заходящийся в крике молодой организм. Сидя на корточках в узеньком коридоре, натягивает ему сапожки. Но ножки организма сами идти не желают, они желают идти на ручках. И бедная мама (правда, судя по норковой шубке, не столь уж и бедная), взвалив на себя свою ношу, свой крест, тащит отпрыска на руках. Между прочим, со второго этажа. И между прочим, зима, снег, ступать и без того тяжело. Из окна раздевалки открывается живописный вид на дорогу. Папа Егора открывает перед женой с сыном наперевес дверь большой черной машины. Лана тогда еще подумала: «Сам не мог донести?» и «А мне бы муж не позволил тащить Андрюшу».

Предательски сложился пазл: «Любимая девочка Викочка», большая черная машина, «А мне Зинаида Григорьевна

ничего не сообщила». Элементарно, Уотсон! Нельзя тревожить патрициев по поводу плебса. Э-э-э, нет, друзья, так дело не пойдет...

Зато с того дня папа Егора начал исправно здороваться, чего раньше не наблюдалось. Отворачивалась, стараясь не замечать. Эдакое раздосадованное негодование.

Но ведь Егор действительно перестал обижать Андрея. После истории с укусом немного утихомирился, а по возвращении с летних каникул сын и вовсе больше не жаловался. Вообще-то Андрей часто болел, садик посещал редко, а если посещал, то даже не успевал толком «социализироваться», поскольку заболел снова. И если раньше Егор казался заботливой матери Лане (помним об одной из ее ипостасей) абсолютным исчадьем ада, малолетним преступником, то теперь этот агрессивный ребенок явно угомонился...

А еще был новогодний утренник. Лана, чтобы отвлечь Андрея от капризов (не хотел надевать галстук-бабочку), достала телефон, и они начали, кривляясь и корча рожицы, делать селфи. Папа Егора сидел неподалеку и якобы незаметно косился исподлобья.

– ...Мам, мам, а сколько тебе лет? – Сын невинно заглядывал Лане в глаза.

– Гм... – замешкалась (что за вопрос?).

– Мам, мам, я сказал, что двадцать шесть!

– Ну-у-у, сынок... Как бы не совсем... – замялась было Лана, поправляя непослушную выбившуюся прядь.

Но тут вмешалась бабушка:

– Двадцать шесть, двадцать шесть, правильно, Андрюша!

– И, смеясь, махнула рукой: пусть, мол, малыш так думает.

– Ну ладно, – пожала плечами Лана. – А тебе зачем?

– Да просто, в садике спросили...

Интересно: детки сидят на составленных в кружок стульчиках, а Надежда Владимировна спрашивает каждого по очереди, сколько лет маме, и старательно записывает ответы: «Пашина мама – 27, Машина – 32, Мишина – 35...»? Странно, что-то здесь не то. Наверняка ведь даты рождения всех мам есть в толстой черной тетрадке Надежды Владимировны вместе с адресами, телефонами и местом работы...

Обычное зимнее утро. Полумрак, снег метет в лицо, слепит глаза. Почувствуй себя полярником! Добрались до садика, будто до станции. Сын полуспит, прислонившись к шкафчику, Лана переодевает. Надо снять комбинезон и свитер – в группе тепло. Давай, Андрей, давай скорее, маме уже жарко. И эти двое тут как тут, тоже переодеваются. Шкафчики рядом.

– ...Напомни, Егор, завтра ниточку с иголочкой взять.

– Пап, а зачем нам ниточка с иголочкой?

– Да вот, у тети... мамы Андрея... дырочку на штанишках зашить.

Ну и наглость! Вскинула взгляд. Улыбается. Доволен шуткой. Круглый нос, седина в висках. Немного удивило само лицо: какое-то странное... шершавое, что ли. И выражение... что-то в нем настораживало.

– Давайте я сама решу эту проблему! – сердито нахмурилась. Ишь, дырочку он зашьет!..

А на следующее утро сокрушенно: «Эх, Егорка, забыли мы нитку с иголкой!..»

Да что ж такое?! Что он о себе возомнил? Что позволяет? Нет-нет, просто не обращай внимания на глупости. Но как не обращать, если глупости снова и снова, и каждое утро начинается не с кофе, а с дурацких поползновений? «Разве же я давала повод? – Лана пребывала в изрядном замешательстве. – Пусть клеится к Мишиной маме, вон как та на него пялится! Разве не видно?» Однажды Миши-

на мама даже ходила вокруг его машины и заглядывала внутрь. Ждала?

Через некоторое время Лана решила, что будет водить Андрея в садик попозже, чтобы папа Егора не мог ее подкараулить. Вообще-то Надежда Владимировна на каждом собрании просила родителей приводить детей вовремя, не позже 8:30, и Лана старалась быть дисциплинированной: ровно в 8:30 Андрей входил в группу. Придется немного нарушить дисциплину. Начала водить к девяти. Первые пару дней с папой Егора не пересекалась и вздохнула с облегчением. Но потом... он тоже стал приводить сына позже. Подходят к садику – машина либо уже стоит, либо подъезжает аккуратно к их появлению. Лане двери открывает, придерживает, чтобы они с Андреем прошли. Говорит что-то. На глупые шутки перестала реагировать, так он перестроился, начал о ребенке расспрашивать. Нашупал, так сказать, общую тему.

– А у Андрюши зубки начали уже выпадать? – И всё так мило, так уменьшительно, так ласкательно... Скользни, скользни, рыбка, в мою пасть, а я тебе хребетик-то переломаю...

И говорит странновато. Нет, речь-то нормальная... Поначалу не могла понять, что не так. Потом дошло – верхняя губа подворачивается, обнажая зубы, и получается своеобразный оскал. И у сына – точь-в-точь та же особенность. Даже когда просто улыбается – всё равно оскал.

– ...Ой, какие они у вас послушные! – Лана пришла за сыном, а в группе тишина, ни звука. Человек шесть молча угнездились на коврике.

Большие глаза Надежды Владимировны, казалось, сделались еще больше. Зашептала:

– Светланочка Дмитриевна, вы только представьте: спросила, кто будет кефир. Все обрадовались, руки подняли. Я налила в стаканчики... а как пить позвала – вон, уселась, будто к коврику приклеились!

Лана недоуменно уставилась на Надежду Владимировну. Та же продолжала:

– Вы представляете, это ОН им запретил кефир пить! Сказал, что в «Лего» не даст поиграть. Я уже ему не раз говорила, что так делать нельзя, и мама его тоже. Вот только папа их иного мнения...

Лана начала понимать, о ком речь.

– А что Андрей? – Взглянула на сына, шустро натягивающего колготки.

– Андрей? Нет, он единственный, кто не ведется. Играет своим «Лего»...

Ну что ж, сынок, и я не ведусь.

– ...Мам, а почему папа с нами не живет? – вдруг снова неожиданный вопрос Андрея.

– Милый, ну ты же знаешь... Папа сломал ногу и живет пока у бабушки Вали. Забыл?

– Ага, забыл, – улыбается малыш и убегает играть.

Видимо, сообразив, что прежние «подкаты» не срабатывают, папа Егора разработал новую тактику. Переодев сына и запустив в группу под заботливое крыло Надежды Владимировны, стал притворяться, что страшно озабочен процессом завтрака: «Егор, кушай кашку, кашка очень полезна на завтрак!»; «Надежда Владимировна, проконтролируйте, пожалуйста, чтобы Егор съел весь бутерброд!» И даже: «Надежда Владимировна, а можно мне тоже остаться в садике? Я буду самым-самым послушным мальчиком!» А в это время – зырк, зырк в сторону Ланы. И как только выходила во двор, следом спешил и он. Предлагал подвезти.

Пожалуй, с одной стороны, Лане внимание льстило. Выглядел данный товарищ довольно солидно, почти как его большая черная машина. Но с другой... Папа Егора напоминал ей «братков 90-х», какими их показывали в фильмах. Среднего роста, широкоплечий, с бритым затылком. Не хва-

тало только золотой цепи толщиной в палец и пресловутого малинового пиджака. А вел себя так, будто все ему должны. Лана, видимо, тоже.

Снова дождавшись у выхода, завел разговор.

– Скажите хотя бы, где вы работаете? – Предупредительно открыл дверь.

Вот да, всю ночь не спал, думал, где же Лана работает? Причем, как ее звать, например, похоже, не интересовало, и что, может, она замужем – тоже.

– В журнале.

– В журнале? Журналистка?

– Нет, редактор.

Папа Егора как-то даже оживился.

Повисла легкая пауза.

«Ладно, так уж и быть, немного подыграю. Мне и самой интересно, кем ты работаешь», – подумала Лана и спросила:

– А вы где работаете?

– На заводе, – ответил с готовностью.

Лана промычала что-то неопределенное, что в переводе на русский могло означать «нормально».

– Купил завод и теперь на нем работаю, – добавил, помолчав, вкрадчиво. – Станкостроительный, знаете? – И загадочно улыбнулся.

«...Ну, ф-ф-фсё, сразил наповал!.. Видимо, это должно произвести на меня неизгладимое впечатление? Я должна упасть прямо тут?» – подумала Лана, но сказала, конечно же, другое. Равнодушно поведя в воздухе рукой, кивнула:

– Тоже неплохо.

Причем обратила внимание, что «хозяин завода», сообщая столь многозначительный факт своей биографии, смотрит не на нее, а на слегка притоптанный и уже не особо свежий снег под ногами.

– А как ваш журнал называется? – продолжил он чуть погодя.

– «Высота».

– О, кажется, мы там давали рекламу и...

Лана перебила:

– Нет-нет, вы не могли давать у нас рекламу. «Высота» – литературный журнал, мы рекламу не размещаем.

Но папа Егора настаивал, что его реклама в журнале таки была.

– А вы сейчас на работу? Подвезти?

Лана не ответила. В калитку вошел работник садика с объемистой коробкой в руках, и папа Егора вежливо остановился придержать дверь. А Лана зашагала домой. Была уверена, что смотрит вслед. Слушайте: джинсы, дутая куртка, шапка с помпоном... Что он в ней нашел? Зачем она ему?..

Весна неспешно вступала в свои права. Приближалась, как говорится, прекрасная пора обновления и возрождения. Ой, ну разве понять избалованным жителям теплых стран то ненасытное чувство радостного предвкушения, которое испытывает каждый, кому посчастливилось пережить зиму! Тает снег, тают теплые куртки и шапки. И... тают в ожидании чуда сердца.

– ...А я вам подарок приготовил к Восьмому марта! – с наигранной готовностью отрапортовал папа Егора.

«О, мы перешли к тяжелой артиллерии?» – хмыкнула Лана, отметив про себя, что даже не сомневалась в наступлении периода вещественных знаков внимания. Сейчас наверняка в бой пойдут цветы и конфеты. А, может, пирожные? Пирожные Лана любила.

Но папа Егора замер пред ней, вытянул руки по швам и пафосно провозгласил:

– Я приготовил вам стих!

Пара переодевавших в коридоре детей родителей махом притихла, ощутив интригу момента и прислушавшись.

– Вот как? – Лана приподняла бровь: «Гм, ну ладно, поэзия – это хорошо. И что же мы будем читать? Пушкина? Блока?..»

Но папа Егора, набрав в грудь побольше воздуха, изрек:

– Восьмое марта близко-близко... – И, расплывшись в улыбке, осведомился, знает ли Лана продолжение.

Лана не знала. И декламатор продолжил:

*Восьмое марта близко-близко,
Растц, расти...*

Заинтересованное ожидание спало с Ланиного лица, громко шмякнувшись об пол. Да как он смеет? Как смеет? Да еще в садике! При людях!!!

Не в силах вынести груза такого «подарка», Лана выскочила на лестницу.

...Итак - весна.

На следующий день папа Егора, по традиции, караулил Лану в раздевалке. Как будто и не было его вчерашнего... бенефиса.

Улыбнулся:

– Я хотел сказать... Действительно, мы не давали рекламу в вашем журнале. Мы давали в «Высотке»...

Лана сухо пожала плечами:

– Я же вам сказала.

И ушла.

...Журнал «Высотка» был посвящен строительству. Там же размещалась реклама разных строительных организаций. «Какое же отношение имеет станкостроительный завод к стройке?» – подумала Лана и, ничтоже сумняшеся, нырнула в безграничные просторы Интернета.

Просторы выдали данные об искомом «объекте», который действительно оказался директором. Но директором фирмы по производству пластиковых окон. Организация (по край-

ней мере, юридический адрес) размещалась на территории некогда огромного станкостроительного завода, давно уже, как и все другие заводы, раскроенного и поделенного на небольшие производственно-офисные помещения.

Еще выдавалась информация об утерянных документах и обещании вознаграждения за их возврат, а также сведения об обманутых дольщиках, вознамерившихся купить квартиру в так и не достроенной многоэтажке спального района.

«Значит, врал». Лана была горда собственной пронциательностью.

Вариации на тему «охотник и заяц» продолжались еще какое-то время, пока не случилось одно происшествие.

Как всегда вечером сидели дома, каждый занимался своими делами. Лана читала, малыш играл. И вдруг... разрыдался, да с горячими слезами, да с подвываниями.

– Мама, мама, почему папа с нами не живё-о-о-от?..

Лана опешила: «Что такое? Опять этот вопрос!»

Как могла успокоила сына, объяснив, что папа его очень любит, просто так вот сложились обстоятельства. Обнимала, утешала... И внезапно точно молнией ударило...

– Андрюшник, а кто это сказал? Кто у тебя спрашивал о папе?

Андрей опустил глазки.

– Андрюша! – Уже поостроже. – От мамы нельзя ничего скрывать.

И Андрюша, хлюпая носом, признался: Егор.

Лана стала снова утешать ребенка, но внутри разом завелся моторчик, включающий функцию «сумасшедшей мамашки», готовой дать отпор любому, посягнувшему на благополучие сына. Гнев, переходящий в ярость, захлестнул разум. Щелкнул тумблер! Сорвалась чека с гранаты!.. Возможно, Лану в тот момент в каком-нибудь комиксе изобразили бы в виде быка с кольцом в носу, наливающимися кровью гла-

зами и вырывающимся из ноздрей паром. Да-да, пожалуй, лучше захлестнувшие ее эмоции не опишешь.

Позже даже радовалась, что это случилось вечером пятницы и за выходные успела остыть, а то еще неизвестно, как бы отреагировала в понедельник. «И ведь так подло – через собственного сына!.. Ну зачем, зачем впутывать ребенка в свои идиотские игры?..»

Правда, Лана еще спросила:

– А родители Егора вместе живут?

– Егор сказал – вместе. И смеялся, что со мной папа не живет. – В голубых глазках Андрюши опять сверкнули слезки.

Утро понедельника началось с твердого намерения «разобраться». Как именно будет «разбираться», Лана пока не представляла. Подойти и прямо в лоб: «Не лезьте к моему сыну!» А он, негодяй, не моргая заявит, что и не лез. Мол, это же дети, и они всё понапридумали. Нет, так не стоит. Но тогда как? Как?..

И тут осенило:

– А давай-ка, Андрейка, поедем на машине, вон и дождь начался!

По лужам наперегонки забегали капельки дождя, опавшие листья засверкали холодным глянцевым блеском.

Малыш радостно согласился.

Остановилась на повороте. «Уступите дорогу» – безмолвно настаивал желтый треугольник. В этот момент по главной проехала машина папы Егора, и Лана повернула аккумулятор за ним. Доехали до садика, она припарковалась перед «Ленд Ровером». Вышла, открыла сыну дверь. Папа Егора взглянул и, не поздоровавшись, отвернулся. Потом, почему-то вздрогнув, снова обернулся, кивнул. Придержал дверь калитки и...

– Мама купила себе машину? – вкрадчиво пропел вслед.

– Ну почему мама?! – вздернула носик Лана. – Маме купил... муж! – И дерзко посмотрела в глаза наглецу.

Искреннее удивление нарисовалось на лице этого многозначительного черного человека.

– Мама же не замужем! – отрезала Лана.

...А чуть позже, «сдав» детей и выходя со двора:

– Но с какой стати он вам ее именно сейчас вдруг купил?

– Почему именно сейчас? Почему вдруг? Уже года полтора...

– А зачем такую тяжелую? – не унимался мужчина.

Лана начала сердиться:

– Чего в ней тяжелого, я же на руках ее не ношу!

Грациозно подплыв к машине, стала открывать дверь, когда папа Егора снова что-то пробормотал. Не расслышала, а он повторил:

– Можно пригласить вас на чашечку кофе?

Этого Лана не ожидала. И фактически послала его. Мягко, аккуратно, но ясно дала понять: во-первых, у нее есть таки муж, а во-вторых, муж в состоянии купить ей машину и вообще заботиться о ней. Ишь, умник, «ко-о-о-фе»!..

– Нет-нет! – замотала головой.

Да нет же, нет!

Не сомневалась, что это всё. Больше не будет лезть ни к ней, ни к сыну.

Но тот, видимо, по инерции, продолжал... А вдруг?

Опять же – весна всё настойчивее вступала в права и даже уже утверждалась в оных. И с Ланой начало происходить то, что происходит с гусеницами, когда они превращаются в бабочек, – метаморфозы. Только у гусениц это бывает раз в жизни, у Ланы же повторялось каждый год. За зимние месяцы так надоедала эта теплая одежда, все эти ботинки-джинсы-пуховики, что внутреннее недовольство невольно отражалось на внешности. Ну какая, скажите на милость, может быть прическа под шапкой? Кудри упорно приходилось выпрямлять. Или, например: что за юбка на морозе? Разве только теплая и длинная. Нет-нет, Лана не любила зиму. Хоть бы она была не так долго! Но...

Но, наконец, весна, и преобразование происходило. Из пуховика, действительно похожего на кокон, на свободу рвалась бабочка с разноцветными крылышками.

Не преминул отметить это и папа Егора, преподнеся комплимент: «Какая мама сегодня нарядная, завлекательная!» Произнося эти слова и одновременно перешагивая через скамейку, споткнулся и едва не рухнул. Лана не удержалась от ехидства: «Похоже, и впрямь завлекательная, раз вы чуть не упали!..»

«Вы холодная, Светлана! – бросила однажды коллега, невысокая полноватая Татьяна неопределенно-средних лет. – Неужели не видите, как мужчины на вас глядят?» Ах, что только эта Таня не делала, как только не старалась, дабы обратить на себя внимание... директора фирмы. В ход шли всевозможные ухищрения: и наклеенные ресницы, и нарощенные ногти, и даже проколотый пупок... Но всё тщетно. А вот Лану он явно выделял среди других сотрудников (особенно сотрудниц). Заговаривал с ней, звонил с разными, даже не имеющими непосредственно к работе отношения вопросами, брал с собой на деловые встречи... Ах, бедная Таня!

Почти наступило лето. То лето, каким оно бывает в наших далеко не южных краях. Моросил легкий нетеплый дождик, и папа Егора в очередной раз предложил подвезти.

– Ну хорошо, – смилостивилась, наконец, Лана. В конце концов это же ничего не означает.

Он открыл двери огромного (вблизи тот показался еще больше) автомобиля. Спросил, куда ехать.

– Пока прямо, – махнула рукой Лана. – Я скажу, где остановиться.

– А машина-то, наверное, мужа? – Поинтересовался папа Егора, когда они тронулись.

– Нет, моя, – нахмурилась Лана. – У мужа своя, он на ней работает.

Мгновенная реплика:

– Понятно. Отделочник.

(А, так вот к чему были вопросы сына, где и кем работает папа!)

Несмотря на вроде бы нейтральную интонацию, антураж реплики явно был предназначен для демонстрации собственного превосходства перед «отделочником». Представился-то папа Егора хозяином завода...

– Да, отделочник, – пожалала плечами Лана. – Своя бригада, строят, ремонтируют. Вы бы видели, какую красоту они делают!.. – А «Нива» моя. Вообще-то «Нива» была первая машина, на которой я ездила. Потому и захотела такую. Да еще моего любимого вишневого цвета. Даже удивительно, как он сам выбрал. Только когда оформлять надо было, мне сказал...

Папа Егора молчал.

– Я приехала, – попросила притормозить у остановки.

На следующий день Лана неожиданно подумала: а как он теперь себя поведет? Не хотелось, чтобы подвозил каждый раз, ни к чему. Не в извозчики же нанялся, да и вообще, неудобно как-то.

А он... А он сделал вид, будто ничего не было. И знаете, подействовало. Вот ведь женщины! Сама ясно дала понять, что не надо, ничего большего не надо, а когда перестал оказывать знаки внимания, стало вдруг досадно. Папа Егора перестал приезжать утром ко времени их с Андреем прихода. Никто больше не ждал, не открывал двери, не шутил...

Слушайте, ведь вроде именно этого и добивалась, но... Но проснулись вдруг самолюбие с гордыней. «Да как так? – тараторили, перебивая друг дружку. – Да как он посмел перестать обращать на тебя внимание?! Всё? Разонравилась? Эх ты, не сумела всерьез заинтересовать мужика! Да какая ты вообще после этого женщина? Наверно, уже никакая...»

Наступило настоящее лето, и стало уж слишком рано светать. В пол-четвертого утра солнце рьяно, с остервенением ломилось в окно, и никакие занавески не в силах были укрыть от беспощадного светила. Бедная Лана неизбежно просыпалась и пребывала в тяжких и ватных полусонных раздумьях о своей жизни, о месте в ней мужа и всего прочего, а еще... А еще о том мужчине и о том, что было бы, если бы...

Про «было бы» и «если бы» противное сознание неизменно рисовало разные радужные картины, хотя, уже окончательно просыпаясь, Лана понимала, что ничего радужного быть не могло. С этим человеком не могло. Однако на следующее утро всё повторялось.

А вскоре к солнцу присоединились воробьи. Да-да, милые маленькие серенькие пташки. С восходом солнца эти пташки раздирались так, словно у них уже наступил их воробьиный апокалипсис. И если от солнца хоть как-то удавалось спрятаться, то воробьи были вовсе неуправляемы. Они орали так, что даже дремать не представлялось возможным.

А ведь и раньше жарило солнце и трещали воробьи, но Лана не обращала на них особого внимания. Ее ничто не тревожило, не то что теперь... Конечно, ни о какой влюбленности или даже увлечении речи не шло. Ее смущало иное. Как при выборе дороги: а что было бы, если бы поехала в другую сторону? Какие-то призрачные ощущения, витающие вокруг знакомой фразы: «Лучше сделать и жалеть, чем жалеть о не сделанном»...

...Принц элегантно гарцевал на белом, с блестящими боками, коне, периодически превращавшемся в единорога. Конь-единорог гордо нес своего всадника по гладкой, из желтого песочка, дорожке, обрамленной ровной стеной деревьев с буйной зеленой листвой. Идиллическая картина буквально искрилась под сияющим в прозрачно-голубом небе ярким солнцем.

Принц, разумеется, повернул скакуна в направлении Ланы, которая резво порхала по полянке, собирая цветочки и гоняясь за бабочками.

– Здравствуй, о Лана! – торжественно изрек принц, простирая к ней руки. – Отныне ты станешь моей возлюбленной!

Он был необыкновенно хорош собой, облачен в серебристые средневековые одежды: плащ, жабо и всё такое.

– Едем со мной, о Лана! Я отвезу тебя в свой прекрасный, изумительный замок, и мы заживем там в роскоши, любви и радости! – не унимался принц.

Но...

Но даже во сне четко сработала программа «Верная жена». Удивленная неожиданным предложением, «о Лана!» полупроснулась и аккуратно в момент этого полупросыпания предусмотрительно твердо заявила принцу, что она замужем и даже если и поедет в его прекрасный, изумительный замок, то лишь вместе с мужем.

Истошно вопили воробьи, и палило солнце: 4:23...

Измотанная регулярным недосыпом и не только, Лана рассказала о произошедшем мужу, закончив отказом от посещения кафе. Муж похвалил: «Умница» (да просто молодец!). Потом рассказала маме. Та загадочно улыбнулась: «А приятно, когда за тобой ухаживают, да?»

Рассказала папе. Брату. Сестре. Другу. Подруге. Не помогло. Наваждение не отпускало. Почти отчаявшись, подумала: «Господи, ну подскажи, почему я не должна... гм... быть с этим человеком?..»

На следующее утро отвела сына в садик. По дороге на работу увидела промелькнувшую мимо машину. Да-да, ту самую. Отметила, что теперь он точно специально приезжает, когда ее уже нет в саду.

Где-то через час – звонок. Встревоженный женский голос представился няней из Андрюшиной группы.

– Светлана Дмитриевна, а вы вообще-то в курсе, что у вашего ребенка конъюнктивит? Срочно забирайте!

Звонок оказался крайне несвоевременным, и Лана начала слабо возражать, но няня была непреклонна и бросила трубку. Пришлось идти в садик. Конъюнктивит не бросался, так сказать, в глаза, однако направление в поликлинику от детсадовской медсестры уже имелось.

Поплелись к врачу... Слушайте, недалеко от остановки стоял автомобиль. Да-да, тот самый. На пассажирском месте сидела девушка с папкой в руках и что-то писала. А на водительском... В общем, там резко пригнулись. Лане стало смешно, даже не сдержалась, громко хмыкнула. Вот и всё. «Наваждение» как рукой сняло.

...Вечером наткнулась в альбоме Андрея на рисунок. Желтое-прежелтое солнце в обрамленьи неровных зигзагов-лучей. Вырезала и наклеила на стену: «Пусть в моей жизни будет еще больше солнца!»

Наступили летние каникулы, и Лана больше не вспоминала ни о каких «папах Егоров». Ой, да мало ли этих «пап» на свете, верно?

А осенью начался последний в Андрюшиной маленькой жизни «садиковский сезон». И опять проблемы с Егором. Как раньше, начал лезть, задираться. Гордость не позволяла Лане подойти к его папе, но, улучив момент, пожаловалась на поведение Егора Надежде Владимировне при нем. То есть обращалась вроде как к воспитательнице, однако адресовала-то ясно кому.

Сколь ни странно, это возымело действие, и дети снова стали ладить. Зимой даже порой оставались после садика ненадолго во дворе – понырять в сугробы. Под светом фонаря томно падали хлопья снега, покрывая всё белым саваном. Папа Егора старательно пытался развлечь Лану, но получалось как-то не очень.

– ...Собрался мужик к молодой любовнице... – Стрельнул взглядом в удивленные Ланины глаза и, улыбнувшись, продолжил: – Так вот, она на двадцать пятом этаже жила, а лифт сломался...

– Ну и? – с ехидцей протянула Лана.

– ...Шел-шел, поднимался-поднимался, начал задыхаться, сердце прихватило...

– Так-так...

– ...Уселся на ступеньки перед дверью любовницы, достал валидол и думает: «А может, черт с ней, с этой бабой?»

– Анекдот или из личного опыта? – якобы невинно осведомилась Лана.

Не ответил...

Вдруг стала замечать, как бы это выразиться, определенное неравнодушие папы Егора к другой, совсем другой маме – Лире, маме кудрявой Линочки. Удивилась, хотя виду, конечно, не подала: сама же отшила мужика, чего уж теперь-то досадовать?

Раз застряли втроем (третий лишний?) в раздевалке. Лана выговаривала сыну за сломанную машинку, довольно дорогую модель элитной иномарки. Помогая одеваться, укоряла: «Какую же замечательную модельку ты испортил!»

В микроконфликт вмешалась Лира, поинтересовавшись, чем модель отличается от просто машины. Лана не очень вежливо хмыкнула: «Ростом!»

Приятельница – мама Вити прислала запись осеннего утренника, на который Лана не успела, но в котором участвовал Андрей. Вообще-то странно тогда вышло: воспитательница сообщила об одном времени, а утренник, посвященный Дню мам, начался часом раньше. Андрюша сильно расстроился, что мамы не было.

Так вот, на том видео Лана впервые как следует разглядела маму Егора. Невысокого роста, миленькая, худенькая, со

светлыми волосами, постриженными под каре, на вид почти девочка. Лана удивилась: и что в ней не устроило папу Егора?

Как во всех детсадах, в Андрюшином проводились родительские собрания, что обуславливалось «производственной необходимостью». И при новой заведующей данные мероприятия действительно стали собраниями, а не простыми сборами дани.

При входе в зал, где сидели детки, составили стульчики с партами для родителей. Лира поставила свою сумку и отошла. Папа Егора пристроился рядышком, покосился на сумку и... положил себе на колени. Вернувшись, Лира начала недоуменно оглядываться в поисках пропажи.

– Во, так это была твоя сумка? – весело воскликнул папа Егора.

– Да почему ж была? – зарделась Лира.

«Ну-ну, молодец, времени зря не теряешь!» – поморщилась Лана.

А вскоре, как нарочно, оказались втроем в коридоре. Мальчишки еще переодевались, а маленькая Лина, уже в куртке и подвязанная шарфиком, пошла к двери. Папа же Егора внезапно наклонился и в шутку кузюкнул ее с рыком, видимо, подражая реву мотора. Лина испугалась, а обомлевшая Лира, схватив дочку за руку, опрометью метнулась на лестничную площадку.

«Дяденька наигрался», – усмехнулась про себя Лана.

Ближе к 8 марта Лана, заведя сына в коридор, застала за разговором Надежду Владимировну и папу Миши. Увидев Лану, папа Миши, встрепенувшись, начал спрашивать воспитательницу, не будет ли предусмотрен хотя бы на выпускном фуршет с шампанским. А переключившись на Лану, заулыбался:

– Вы же не против выпить шампанского?

Лана скривилась и сурово отчеканила, что, во-первых, праздник детский, а во-вторых, она не пьет с утра.

На утреннике, посвященном Женскому дню, счастливые поздравляемые мамы восхищенно любовались выступлениями, снимали видео, фотографировали. Неожиданно в дверном проеме нарисовался Мишин папа и возбужденно замахал Лане рукой.

«Что такое?!» – удивилась она.

Мужчина же улыбался и явно пытался что-то сказать.

«Господи! Не то здороваешься? – мысленно схватилась за голову. – С какой стати размахался? Только этого не хватало!..»

Пока Лана удивлялась, случайно глянула влево... И увидела сидящую в первом ряду женщину, которая, активно жестикулируя, подавала какие-то знаки... папе Миши. Гм, понятно: это Мишина мама.

Год близился к концу. Хотя что там год! Целых четыре года то беззаботной, а то весьма даже «озабоченной» садиковской жизни подходили к своему логическому завершению. И, как полагается, все – и дети, и родители – с нетерпением ждали праздника. Готовиться начали заблаговременно – еще с осени. Организацией занимались папа Егора и мама Лины. Они закупили игрушки, подарки воспитателям, договаривались с фотографом-видеооператором и аниматорами. По словам Леры, планировалось нечто грандиозное, а аниматоры с веселым химическим шоу в финале выступления пообещали просто невероятный сюрприз.

Лана, сдав как всегда деньги одной из первых, периодически интересовалась ходом подготовки действия и не требуется ли помощь. Да нет, всё шло хорошо, помощи не требовалось, двое активистов справлялись своими силами.

Приближался «час X» и пред «часом X», коим, естественно, являлся выпускной, назначили внеочередное родительское собрание. «Обязательно быть!» – необычно строго скомандовала по телефону добрейшая Надежда Владимировна.

При входе в детский зал перед ковром полукругом расставлены несколько детских стульчиков. Уже сидели «завсегдаи» подобных мероприятий. Лана зашла последней, пристроилась на крайнем стульчике.

За столом, помимо воспитательницы, сидела заведующая садиком. Ее назначили недавно, предыдущая вроде бы неслабо проворовалась.

– Ну что, надеюсь, все, кто хотел, пришли, можем приступать? – с металлической ноткой в голосе изрекла Екатерина Алексеевна.

И неожиданно картинно простерла к собравшимся руки, негодуяще воскликнув:

– И что ж мы вам сделали?!

Лана недоуменно оглянулась на остальных родителей, а обычно приветливая и вполне адекватная заведующая продолжала театрально заламывать руки:

– Как вы могли?! Ну как вы могли?..

По лицам присутствующих Лана поняла, что не одна не понимает сути происходящего. – Почему вы так поступили? Что плохого мы вам сделали?..

И позой, и скорбным выраженьем лица Екатерина Алексеевна походила сейчас на героиню полотна «Кающаяся Мария Магдалина». Ну, разве что немного разгневанную Марию Магдалину.

Из эмоциональных речей заведующей становилось ясно: случилось нечто из ряда вон, но что конкретно? Все переглядывались, а Лана недоуменным поднятием бровей попыталась уточнить у папы Егора: мол, что происходит? Тот лишь пожал плечами.

И Лана не выдержала:

– Да чтостряслось-то?

И в ответ «Кающаяся Магдалина»... ой, Екатерина Алексеевна, поведала просто душераздирающую историю.

Оказывается, кто-то из родителей (точнее, родительниц) пожаловался в министерство образования на поборы со стороны сотрудников садика, а особенно воспитательниц. Дескать, те требуют дорогих подарков на праздники, включая личные дни рождения, а на выпускной трясут с каждого родителя по шесть тысяч в русских рублях. Причем даму сию попросили оформить заявление на конкретных воспитательниц в письменном виде, но она, отказавшись, спешно ретировалась.

– Хорошо еще, начальница департамента – моя знакомая, благоволит нам и нашему садiku, а то неизвестно, чем бы закончилось, – резюмировала заведующая. И добавила: – Как вы сами понимаете, ни о каком выпускном в саду и речи быть не может. Хотите, соберайтесь где угодно, только не здесь.

После такого монолога народ принялся тихо роптать.

Возмутилась и Лана:

– Подождите, Екатерина Алексеевна, а при чем тут выпускной? Нашелся один неадекватный человек, и что, теперь из-за нее лишать детей праздника?

(Одобрительный шепот.)

– Мы знать не знаем никаких поборов! Надеюсь, имею право говорить от имени присутствующих, что никто ни с чем подобным не сталкивался!

Лана разошлась не на шутку. Видано ли: из-за сомнительного инцидента ставить под угрозу праздник, который детки (ну ладно, скорее, родители) ждали целых четыре (а кто-то и дольше, с яселек) года!

– Давайте-ка, уважаемые, составим заявление и в нем укажем, что не имеем претензий к коллективу садика, а испытываем лишь огромную признательность и благодарность.

И сами отнесем заявление в департамент, – обратилась Лана к родителям.

Моментально нашелся практикующий юрист в декрете, по совместительству мама Миши. Она быстро сочинила текст заявления, и все под ним расписались. Бумагу отдали пока Екатерине Алексеевне, и та пообещала подумать, разрешать выпускной или нет.

Оставшееся до выпускного время папа Егора с мамой Лины упорно окучивали Екатерину Алексеевну на предмет проведения утренника. Заодно собирали деньги. Папа Егора держал Лану в курсе событий: «Вот мы заказали подарки»; «Вот мы опять ходили к заведующей»; «Вот Лера нашла видеоператора» и т. д. Короче, Лана знала обо всех телодвижениях этой пары прогрессивных организаторов детсадовского досуга.

И, наконец, наступил долгожданный день. Мама Андрюши была не просто хороша – она была неотразимо хороша! Блестящие волосы, сверкающие глаза, искрометная улыбка. Вот тебе, папа Егора! Притом (провокаторша) взяла на утренник мужа.

А праздник действительно удался! И выступления детей, и подарки, и грамоты, и ленточками через плечо: «Выпускник». (Кстати, Лана приберегла эту ленточку, чтобы вручить Андрюше... в день окончания школы. Свернула аккуратно и убрала на полку, чтобы через десять лет отдать сыну. Представила, как удивится!)

Веселые ребята-аниматоры показали интересное химическое шоу с дымящимся искусственным льдом и большими мыльными пузырями. А в довершение удивили салютом из гофрированных бумажных лепестков. Лепестки завалили ползала, превратив помещение в подобие занесенной сугробами улицы. Дети с восторженным визгом ныряли в бумажные заносы, зарываясь в них чуть ли не с головой.

После Лана с мужем, папой Егора и другими родителями убирали разбросанные мягкими волнами по полу лепестки, помогали расставлять на места реквизит, мужчины разносили по кабинетам стулья. Муж помог папе Егора дотащить до авто большую аккумуляторную машинку...

А когда уже собрались расходиться, Лера предложила задержавшимся мамам продолжить утренник в садиковской беседке. Лерин муж сбежал в магазин за несколькими бутылками шампанского. Воспитательницы тоже немного постояли с народом, но потом опасливо попросили пирующих удалиться: а вдруг проверка? Тогда Лера пригласила оставшихся «бойцов» в гости...

Согласились несколько девчонок... в смысле мамаш, среди них и мама Егора. Невысокая, чуть полноватая, с темными волосами и карими глазами. «Ага, его типаж: брюнетка с карими глазами...» – Лана удивилась собственной проницательности.

Дом, точнее, половина дома и половина участка располагались неподалеку от садика в частном секторе. Просто настоящий оазис зелени, незаасфальтированных дорог и разномастных строений: от элитных пентхаусов до убогих деревянных развалюшек. «Блеск и нищета нашего городка», – подумала Лана.

Вообще-то она всегда была далека от интриг, сплетен, слухов и прочей ерунды, которую особенно любят женщины определенного склада характера и ума, никогда ни о ком ничего не рассказывала и никого о других не спрашивала. Но в этот раз любопытство взяло верх... И Лана специально стала активно общаться с Верой, как звали маму Егора, стараясь расположить ее к себе. Эдакая мисс Марпл и Мата Хари в одном флаконе, понимаешь.

Вера оказалась женщиной спокойной и приятной. На год старше Ланы. Улыбалась, рассказывая о сыне. Однако вспомнив о несостоявшемся муже, улыбаться перестала...

Дети играли в песочнице, и Егор то и дело бросался Андрюшу... обнимать. Лана поразилась: как по-разному ведет себя ребенок при отце и при матери. Прямо раздвоение личности!

...Оказалось, Вера и папа Егора познакомились лет пятнадцать тому назад. Двадцатилетняя разница в возрасте девушку не смутила: мужчина в полном расцвете сил, при деньгах. Хотя, как оказалось, сильно тратиться на возлюбленную не собирался. Вера жаловалась, что вроде как подаренную ей машину оформил на себя, а из приобретенных вещей, уходя (жила у него – и просто выставил ее за дверь), забрала только шубу и золотые сережки. А через какое-то время к ней явился участковый: оказалось, дом бывшего ограбили, вынесли всё подчистую, чуть ли люстры не оборвали.

– Не твоя работа? – улыбнулась Лана.

Вера обомлела:

– Ты что?!

– Ну, может, хотя бы навела? – продолжала «шутить» Лана.

– Да хватит! – отмахнулась Вера. – Конечно, я на него злилась, но не до такой же степени.

В общем, ее вызвали в милицию в качестве свидетеля, рассказать, что, возможно, видела или знает. А и не беда, если ничего не видела и не знает: так положено. Вера пришла, а в кабинете следователя – он.

– ...А я еще до того всё думала, как бы сообщить, позвонить, но не идти же специально, небось и разговоривать бы не стал. А тут следователь вышел, я и выдала: мокасинчики мне нужны... без каблучков...

Он сразу всё понял, вроде даже обрадовался, и вот... И вот теперь воспитывает, – со вздохом опустила глаза.

– А в садик наш как попали? – спросила Лана.

– Не знаю, сказал, что пристроил. Пообещал возить. И, представляешь, каждое утро за ним приезжал, ни разу не возразил. И забирал вечером. Теперь вот хочет определить Егора

в школу в своем элитном поселке Лесное. Какая-то там тоже элитная платная школа. Но я против, мне надо, чтобы рядом с домом учился. Недалеко от нас есть хорошая школа, подрастет, сможет один ходить. Мы с Егором живем возле вокзала: разменяли дом на однушку бабушке и нам двухкомнатную...

Дети весело бегали по небольшому забетонированному участку, где дедушка Лины устроил удобную песочницу. Вокруг благоухали цветы, настроение по-весеннему легкое и радостное. Бутылки шампанского сменяли одна другую, и Лана уже перестала их считать. Правда, стаканчик опустошать не торопилась: не хотела терять ясности ума.

Вера же всё говорила и говорила.

– ...Сидим с подружками в кафе. Звонит. А Егора к себе забрал, я уж обрадовалась: свобода! Да не тут-то было. Оказывается, Егор раскапризничался, не хочет там ночевать. Я – бегом домой, благо, недалеко!

В ответ на вопросительный взгляд пояснила:

– Он не любит, чтобы я куда-то ходила. Потому быстренько прибежала, косметику смыла, халатик, дульку на голове накрутила, типа спать собралась. – Гордая улыбка озарила Верино лицо.

Лана в очередной раз удивилась: какое ему до ее жизни теперь дело? Мало ли, куда и с кем ходит, где бывает. Чего она так-то уж беспокоится? Не иначе из-за денег. Но неужели, если она пойдет в кафе или даже на свидание, он перестанет помогать сыну?..

– А твой выпивает? – спросила вдруг Вера.

– Не, вообще не пьет, – замотала головой Лана. – Раз на праздник решила провести эксперимент, посмотреть, какой он, когда выпьет. Не понравилось.

– Агрессивный? – поежилась Вера.

– Да нет! – рассмеялась Лана. – Болтливый. Так разболтался, аж надоел!

Вера побледнела:

– А с этим, когда выпьет, просто страшно...

Лана не стала уточнять степень агрессивности пьяного папы Егора. Но стало неприятно: он и трезвый-то не больно адекватен.

К Лане придвинулась сидевшая возле мамы Лины мама Паши:

– А мой бывший, представляешь, заявил, что я ведьма! Заколдовала, видите ли, бедненького! А еще сказал, что таких, как я, в средние века жгли на кострах... – Небесно-голубые глаза ее округлились.

– Бред! – фыркнула Лана.

– А твой как? Надежный, спокойный? – не унималась мама Паши.

Лана пожала плечами:

– Ну да.

– Так еще и орет, что я гулящая, прикинь! – совсем разошлась мама Паши. – Твой-то, наверно, так не говорит?

– Нет, конечно, – нахмурилась Лана. Даже и в мыслях не держала, что муж мог бы сказать подобное.

Почувствовала себя неловко. Странное ощущение, и откуда взялось это глупое чувство вины? И вины в чем? В том, что ей повезло встретить хорошего человека? Но было, однако, словно неудобно перед другими, что у нее всё хорошо.

...Загуляли девушки, загуляли. Вечерело, даже уже наступала ночь. Дотлевали угли в мангале, бывшие мужья звонили бывшим же женам. Предлагали заехать и отвезти домой. Детей, конечно. Впрочем, и жен заодно.

Лане было интересно посмотреть на реакцию папы Егора, когда увидит вместе их с Верой, но та решительно отвергла его предложение приехать. Шепнула в сторону: «Да ну его на фиг!»

Спонтанный выпускной для мам близился к завершению, и настала пора расходиться. На Вере были красивые туфли на высоких каблуках, которые страшно натерли ноги.

А Лана предусмотрительно взяла с собой балетки. Прощаясь, предложила их Вере: «Надень, хоть дойдешь нормально».

...Засыпая, Лана видела языки пламени в мангале, лица девчонок, жалующихся на бывших и пьяного папу Егора.

Утром зазвонил телефон:

– Спишь еще? – ворвался бодрый Лерин голос в спокой-но-тягучий отпускной мир Ланы.

– Да нет, посуду мыла, не слышала.

– Пойдем на динозавров? В «Орленок» их привезли. Рычат и даже шевелятся.

– А когда?

– В четыре. Вера идет.

«Гм, Вера идет...» – мысленно повторила Лана и кивнула:

– Ладно, в четыре так в четыре.

В назначенное время встретились у входа в парк. Егор набросился на Андрея. Но не драться, а обниматься. «Какой ласковый. Явно мамина работа», – снова отметила Лана.

В парке и впрямь стояли, лежали и даже чуть-чуть двигались пластиковые фигуры динозавров. Они были огромные, вероятно, в полный рост или почти. Знаменитого гиганта диплодока среди них, правда, не было. Некоторые шевелили лапами, другие разевали пасти, издавая громовые звуки, имитирующие рев.

Динозаврами была занята примерно четвертая часть парка. Быстро осмотрели, пофотографировались. Главную же «опасность» представляла остальная территория. Там натыкали всяких аттракционов: батуты на разный вкус и цвет, надувные горки, машинки на автодроме, бассейн с большими прозрачными шарами и бассейн с лодками в виде лебедей.

Если с одним ребенком еще можно как-то договориться, то с тремя сложнее. Однако: «Детки! Айда на батуты!» – голо-

сила Лера, и за ней наперегонки устремлялись и мальчишки, и Лина. «А на машинках кто кататься?» – вопила она же, и все бежали туда. Денежные знаки таяли на глазах, и Лана попыталась притормозить аппетиты «деток», но тщетно.

Однако даже аттракционы оказались не такими уж страшными, когда в поле зрения маленьких любителей красивой жизни возникло кафе. «Ладно, в кои-то веки раз попали в парк», – утешала себя Лана, толкаясь с подругами в очереди за гамбургерами, картошкой фри, наггетсами и «Кока-Колой». И вдруг...

И вдруг – телефонный звонок. Лана услышала, как Вера приглушенно ответила: «В парке... С мамами Лины и Андрея...» И из трубки раздался громкий возглас папы Егора: «С ке-е-ем?!»

Буквально через минуту Вера с Егором исчезли. А вскоре и за Ланой заехал муж.

– Ты просто спас семью от разоренья!.. – плюхнувшись на сиденье, с облегчением выдохнула Лана.

Вечером созвонилась с Лерой. Та пожаловалась, что Вера не берет трубку. Лана и сама позвонила, но только долго-долго слушала длинные гудки, пока бездушный робот не сообщил, что абонент не отвечает.

Потом звонила еще пару раз: безрезультатно. А вообще-то хотелось бы все-таки забрать те самые, одолженные Вере бабетки.

Ладно. Узнала у вездесущей Леры адрес и в воскресенье отправилась за бабетками.

Дверь открыла мама Веры. Невысокая, полная женщина с коротко стриженными темными волосами – ну вылитая Вера лет через двадцать. «К тебе!» – крикнула женщина в темноту коридора и скрылась в одном из дверных проемов.

– Привет. Я за туфлями, – пояснила Лана.

– Проходи-проходи, – засуетилась Вера. – Сейчас... – Вернулась с пакетом: – Огромное спасибо!

Из соседней комнаты раздался насмешливый голос Веринной мамы:

– А что-то цыган за Егором не едет?

Так и сказала: «цыган».

Дождаться его не было в планах, Лана поспешила проститься. Вышла из подъезда и неподалеку, на детской площадке, увидела жуткую сцену: двое парней избивали ногами уже лежащего на земле третьего.

Лана вскрикнула. Негодяи оглянулись, и тот, который повыше, вдруг мягкой, кошачьей походкой, зло сощурившись, двинулся к ней. Шел и вкрадчиво приговаривал:

– Подожди... подожди... подожди...

Лана попятилась, а парень... вдруг замер и через мгновение резко побежал прочь. Следом рванул и второй.

Лана обернулась: за ее спиной стоял, улыбаясь своей улыбкой-оскалом, папа Егора. Успела заметить, как он сунул под куртку темный предмет.

Как ни в чем не бывало, папа Егора пожал плечами:

– А теперь поцелуете?..

ТЕАТР КУКОЛ

Дедушка уже старенький. Правда, не совсем-совсем старенький, вполне бодр и крепок. Летом ходит на рыбалку, переплывает нашу тощую речку Ёлку, собирает грибы и даже держит четырех индоуток, одного петуха и трех курочек-пестрохвосточек.

Дедушка встает рано, когда я еще сплю, и кормит свою живность. Иногда будит меня, и мы вместе отправляемся на Ёлку. Полумрак, тишина, только слабенько птичка иной раз потренькает. Дорожка вьется под ногами еле заметной желтизной, листики легонько шевелятся, да мурава шуршит. Но, словно нарастающей волной, сначала издалека, потом всё ближе и ближе – пение птиц, жужжание насекомых, шум деревьев. Это солнце взошло и разбудило лес. Рождается новый день. Еще немного – и раскрасуется в полную силу!

Мы уже на речке. Дедушка забрасывает удочку, предусмотрительно шикает, палец к губам прикладывает: «Тише...»

Тише так тише, и я понемножку начинаю дремать. Под полуопущенные веки проникает солнечный луч, отраженный от голубой глади реки. А если приоткрыть глаза, берег с речкой расплываются, и получается яркая полоска света. Всплеск – удилице взмывает над водой! «Смотри, смотри, Илюшка, какая рыба!» – радуется дед, забывая, что сам велел сидеть тихо...

А однажды вздумалось дедушке поехать в город. Мечта у него есть: сводить меня в кукольный театр. Это такой маленький театр для детей, там куклы играют. Дедушка го-

ворит, что и актеры-люди там тоже есть, но я не очень-то понял, зачем они.

Вечером готовились: дедушка достал парадный пиджак с медалями, а мне дали школьную форму (осенью же в первый класс). Не хотел я ее надевать, но дедушка настоял: «В театр в костюме ходят».

На следующий день отправляемся в путь. Дорога неблизкая: пешком до остановки, потом два часа на автобусе и в городе еще от вокзала до театра. Дедушка говорит, что и погулять успеем, и даже, может быть, поедим в кафе мороженого. Автобус до города и обратно – раз в день: в девять утра туда, в семь вечера – обратно. «Ничего, внучек, нам хватит!» – уверяет дедушка.

Ехать долго. Я смотрю-смотрю в окно – и засыпаю. Дедушка будит: «Просыпайся, дружок, приехали».

Выходим из автовокзала – шум, гул, люди и машины снуют туда-сюда. Дедушка спрашивает, как добраться до кукольного театра.

Объясняют, что на «девятке». Номер автобуса такой.

– Смотри-ка, неужто «девятка»? – показывает дедушка на длинный автобус.

– «Девятка»-«девятка»! – радуюсь я.

И вот мы уже сидим в автобусе и едем в театр! Выйти надо на остановке, которая так и называется: «Театр кукол». С интересом наблюдаю за мелькающими за окном автомобилями, домами, прохожими.

Наша остановка. Дома интересные, старинные. Но самое красивое здание – театр. Я сразу понимаю, что это он. С высокими белыми колоннами, башенками, цветными стеклами в окнах и флюгерами. На стене большие часы, и фигурки летают вокруг и играют на дудочках.

Подойдя к огромной деревянной двери, дедушка пытается ее открыть, но... Но дверь заперта. Пробует еще, однако дверь не поддается. Дедушка в растерянности огля-

дывается по сторонам, и тут мы видим на окошке рядом с дверью лист бумаги: «Театральный сезон закрыт. Ждем вас в новом сезоне».

– Да как же так, внучек! – сокрушенно разводит руками дедушка. – Эх, старый, запомятовал! Летом-то театры не работают!..

Очень обидно, но я стараюсь не подавать виду.

Дедушка говорит:

– Ладно, пойдём-ка кое-что покажу.

И мы идем за здание театра. А там площадка, на которой, на высоких столбах, фигуры из серого камня.

– А ну угадай, – подмигивает дед, – из каких сказок?

На одном столбе – старик, рука в просительном жесте приложена к груди. На столбе напротив – на каменных лепестках рыба с длинным хвостом и маленькой короной на голове.

– Это же золотая рыбка! – кричу я.

– Молодец! А это? – показывает он на другую фигуру. Над ней возвышалась лошадь.

Думаю-думаю, но смущенно лепечу, что не знаю.

– Ну как же? Это ж бесенок из «Сказки о попе и работнике его Балде»! – удивляется дедушка.

...Жарко, и мы уже держим наши пиджаки в руках.

– Может, по мороженому? – предлагает дедушка.

Конечно, с радостью соглашаюсь.

Поднимаемся по лестнице, ведущей прямо с улицы на второй этаж соседнего с театром здания. Лестница белая, ступеньки ажурные, перила круглые. Входим в просторный зал. Всё так празднично: белые скатерти на столах, белые стулья, белые же шторы. Играет приятная музыка. В зале аромат шоколада, мороженого и пирожков. Занимаем свободный столик.

– Мороженое? – уточняет дед.

– Да, – киваю я.

Дедушка отправился к стойке и вернулся с двумя чашечками мороженого, посыпанного сверху натертым шоколадом. Просто объеденье! Я с интересом разглядываю зал. Два ряда столиков, вокруг каждого четыре стульчика. Справа окна, а стена слева украшена фарфоровыми фигурками скоморохов, принцесс, медведей, котов... «Да это же куклы из театра!» – догадываюсь я.

Через некоторое время дедушка смотрит на часы и спрашивает:

– Пойдем?

Улица встречает нас шумом и духотой. Устраиваемся на скамейке рядом с фонтаном. Гляжу: дедушка-то уже задремал. Любит поспать! А мне спать совсем не хочется. Я прохаживаюсь вокруг брызгающего сверкающими струйками фонтана, не удерживаюсь, опускаю руки в воду. Прохладно, приятно. Возвращаюсь на скамейку, рассматриваю улицу, машины, прохожих...

Но вот на небе, которое только что было ясным, показалась маленькая тучка. Она начала расти и приближаться. Присмотревшись, с удивлением и восторгом обнаруживаю, что это вовсе не тучка, а... птица! Большая синяя птица летит прямо к нам! Яркая, вся будто кружевная, с длинными перьями в хвосте. Птица подлетела совсем близко, и я заметил, что она не настоящая, а из блестящей цветной бумаги, как воздушный змей. И тянет ее за собой по воздуху... маленькая ласточка!

Я, раскрыв рот, наблюдаю за ними. Ласточка подлетает к окошку и, не выпуская веревочку, стучит в стекло клювиком. Занавеска отодвигается, и выглядывает пожилая женщина. Скрипит засов двери.

– Какую красоту ты принесла! – восхищенно восклицает женщина.

Ласточка кивает.

– Спасибо, моя хорошая! – Женщина заносит синюю птицу вовнутрь театра, а ласточка машет крылышком (мне тоже) и улетает.

Вскоре просыпается дедушка. Взглянув на часы, произносит: «Ну что, дружок, пора».

Мы возвращаемся на автовокзал и оттуда доезжаем до родной деревни.

...С тех пор прошло много лет, а я так и не знаю, было всё это на самом деле или нет. Ездили мы в кукольный театр или то был сон.

А мама с папой вообще не помнят, чтобы дедушка когда-либо брал меня в город. Но я всю жизнь очень люблю театр кукол. Вожу туда дочь и, кстати, рассказал ей, откуда берутся кукольные «актеры».

Их приносят ласточки.

Тонких Нина Владимировна

ЛОВЦЫ СНОВ

Рассказы

Редактор – Ю.М. Кургузов

Вёрстка – О. И. Сотникова

Корректор – Н. А. Белявцева

Обложка – И.К. Вовчаренко, Н.В. Тонких

Подписано в печать 09.09.2024 г.

Формат набора 60x84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,37.

Заказ № 735. Тираж 300 экз.

Изготовлено по заказу ООО «Пресса ИПФ»

394006, г. Воронеж, ул. Челюскинцев, д. 143

Отпечатано в АО «Воронежская областная типография»

394071, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а.

www.oblprint.ru

тел.: 8(473)20-20-900